

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 9. Часть 1 (№42)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в Перечень ВАК РФ (№ 1366),
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2020

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

6 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 10,5

Председатель редакционного совета

Языков М.М., заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, доктор философских наук, член Союза писателей России.

Фабио Баджо, Директор Международного института миграции Скалбрини Папского Урбанианского Университета.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологи, начальник отдела воспитательной работы и молодежной политики СПбГАУ.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующии Центра по изучении ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт. Великобритания.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, профессор, декан факультета международного регионоведения и регионального управления

ИГСУ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. МГУ имени Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Матушанская Ю.Г., доктор философских наук, доцент по кафедре философии, профессор кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, профессор кафедры религиоведения (КФУ).

Поканинова Е.Б., доктор философских наук, действительный член РАЕН, кандидат социологических наук.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Туманян Т.Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Хрипкова Е.А., кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства, факультет истории искусства, РГГУ.

Чжан Вэй, КНР.

Ячин С.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ДВФУ, Владивосток.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 9. Issue 1 (№42)

Founded in 2010

The publication is included in the List of HAC RF (№ 1366),
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2020

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

**The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation
for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass
Communication Media.**

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and Is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project “Mission Confessions”.**

ISSN 2499-9423

6 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Chairman of the Editorial Board

Fabio Bodjo, Director of the International Institute for Migration “Scalabrini” of Pontifical Urban University.

Zyazikov M.M., Deputy Presidential Envoy in the Central Federal District, Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers’ Union of Russia.

Editorial Board

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Culture Studies, Head of the Department of Education and Youth Politics at St. Petersburg Agrarian University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, leading researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People’s Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Hripkova E.A., Candidate of History of Arts, Senior Lecturer, Department of Art History, Russian State Humanitarian University.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, Dean of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Matushanskaya Y.G., Doctor of Philosophical Science, Associate Professor in the Department of Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy and Science History, Professor of the Department of Religious Studies.

Pokaninova Y.B., Doctor of Philosophical sciences, PhD in Sociological sciences, Academician RANS.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Bauman Moscow State Technical University.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Tumanyan T.G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies.

Ultrugasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Yachin S.E., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

CONTENT

CULTURAL STUDIES

<i>Ulturgasheva N.D.</i> VIII International Competition «Sibiriada», direction «Musical Performance of Indigenous Peoples» as a dialogue platform forming the guidelines for the ethnocultural development of the autochthonous ethnic groups of South Siberia.....	12
<i>Dudareva M.A., Grashchenkov N.V.</i> Semantics of a name in M.D. Chulkov's novel "pretty lady-cook, or adventures of the minx": the world culture space.....	17
<i>Kiblik O.N.</i> Glitter and poverty of civilization in A.S. Green's romantic reflection....	27
<i>Bolshunov A.Y., Tyurikov A.G., Bolshunova S.A.</i> Corporate culture as a tool for optimizing intercultural communications in international companies.....	36
<i>Bychkova E.S., Stanchuliak T.G., Nagornova E.V.</i> The specifics of the use of phraseological units in journalistic texts (in English).....	46
<i>Vasilchenko A.V.</i> Family value in the modern culture of Russia and China.....	58

RELIGION AND SOCIAL SCIENCES

<i>Shorokhova S.P.</i> Humanism and Christianity: some aspects of the controversy....	69
<i>Fusu L.I.</i> The growing interest in pilgrimage during the liminal periods of society and the individual as an attempt to cope with guilty feelings and moral suffering.....	75
<i>Fais-Leutskaia O.D.</i> Dialogue of cultures and religions: to the question of the Jewish component of the Sicilian traditional cuisine.....	82
<i>Kabylnskii B.V.</i> Non-conflict motives in the god song «Bhagavad-Gita».....	97
<i>Abdullaeva S.S.</i> The problem of conceptual interpretation of «European Islam and Euroislam».....	103

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

<i>Kulzhanova G.T.</i> Human capital as a socio-cultural phenomenon.....	109
<i>Kuzmicheva A.A.</i> Problem of professional training of employees (in the social aspect).....	119
<i>Kurilov S.N., Kuzminov M.Y., Severina E.A.</i> Research of values of youth as social stereotypes: sociolinguistic aspects.....	129
<i>Senchenko N.A.</i> Influence of media on the formation of the image of a political leader.....	136
<i>Ardashev R.G.</i> Conspiracy Theories in the Public Opinion of Russians.....	145

<i>Abstracts</i>	155
<i>Authors</i>	165

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Ултургашева Н.Д.</i> VIII Международный конкурс «Сибириада», направление «Музыкальное исполнительство коренных народов» как диалоговая площадка, формирующая ориентированности этнокультурного развития автохтонных этносов Южной Сибири.....	12
<i>Дударева М.А., Гращенков Н.В.</i> Семантика имени в романе М.Д. Чулкова «пригожая повариха, или похождения развратной женщины»: пространство мировой культуры.....	17
<i>Киблик О.Н.</i> Блеск и нищета цивилизации в романтической рефлексии А.С. Грина.....	27
<i>Большунов А.Я., Тюриков А.Г., Большунова С.А.</i> Корпоративная культура как инструмент оптимизации межкультурных коммуникаций в международных компаниях.....	36
<i>Бычкова Е.С., Станчуляк Т.Г., Нагорнова Е.В.</i> Специфика употребления фразеологизмов в публицистических текстах (на материале английского языка).....	46
<i>Васильченко А.В.</i> Ценность семьи в современной культуре России и Китая...58	

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

<i>Шорохова С.П.</i> Гуманизм и христианство: некоторые аспекты полемики.....	69
<i>Фусу Л.И.</i> Возрастание интереса к паломничеству в лиминальные периоды общества и индивида как попытка справиться с чувством вины и моральными страданиями.....	75
<i>Фаис-Леутская О.Д.</i> Диалог культур и религий: к вопросу о еврейском компоненте сицилийской традиционной кухни.....	82
<i>Кабылинский Б.В.</i> Неконфликтные мотивы в божественном напеве «Бхагават-Гиты».....	97
<i>Абдуллаева С.Ш.</i> Проблема понятийной интерпретации «Европейского Ислама и Евроислама».....	103

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Кульжанова Г.Т.</i> Человеческий капитал как социокультурный феномен....	109
<i>Кузьмичева А.А.</i> Проблема профессионального обучения сотрудников предприятия (в социальном аспекте).....	119
<i>Курилов С.Н., Кузьминов М.Ю., Северина Е.А.</i> Исследование ценностей молодежи как социальных стереотипов: социолингвистические аспекты.....	129
<i>Сенченко Н.А.</i> Влияние СМИ на формирование имиджа политического лидера.....	136
<i>Ардашев Р.Г.</i> Теории заговора в общественном мнении россиян.....	145

<i>Аннотации.....</i>	160
<i>Авторы.....</i>	167

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

Ulturgasheva N.D.

*Doctor of Cultural Studies, Professor of Kemerovo state Institute
of culture, head of the Department of theory and history of folk
art culture of Kemerovo state Institute of culture.*

VIII International Competition «Sibiriada», direction «Musical Performance of Indigenous Peoples» as a dialogue platform forming the guidelines for the ethnocultural development of the autochthonous ethnic groups of South Siberia

Abstract. The article is devoted to the annual nomination «Musical Performance of Indigenous Peoples» (Myski, Kemerovo Region), which took place as part of the VII International Competition «Sibiriada». Key points in this event were noted: competition nominations, participation in the program of representatives of a number of indigenous ethnic groups of Siberia (Shor, Teleut, Altai, Khakass, Tuva, and Evenki). Author described the interim decisions made following the results of the round table of the festival participants regarding the problems of improving the creative sphere of indigenous peoples.

Key words: competition, «Sibiriada», musical performance, indigenous peoples, nominations.

Ултургашева Н.Д.

*Доктор культурологии, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории народной художественной
культуры Кемеровского государственного института культуры.*

VIII Международный конкурс «Сибириада», направление «Музыкальное исполнительство коренных народов» как диалоговая площадка, формирующая ориентиры этнокультурного развития автохтонных этносов Южной Сибири

Аннотация. Статья посвящена ежегодной номинации «Музыкальное исполнительство коренных народов» (г. Мыски Кемеровской области), проходившей в рамках VIII Международного конкурса «Сибириада». Отмечены ключевые моменты в проведении данного мероприятия: конкурсные номинации, участие в программе представителей целого ряда коренных этносов Сибири (шорского, телеутского, алтайского, хакасского, тувинского, а также эвенкийского). Освещены промежуточные решения, принятые по итогам круглого стола участников фестиваля и касающиеся проблем совершенствования творческой сферы коренных народов.

Ключевые слов: конкурс, «Сибириада», музыкальное исполнительство, коренные народы, номинации.

Ултургашева Н.Д.

*Доктор культурологии, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры
Кемеровского государственного института культуры.*

**VIII Международный конкурс «Сибириада»,
направление «Музыкальное исполнительство
коренных народов» как диалоговая площадка,
формирующая ориентиры этнокультурного
развития автохтонных этносов Южной Сибири***

С 1990-х гг. наблюдается процесс этнокультурного возрождения народов, проживающих в Российской Федерации, значение которого для общества подчеркивается сегодня на федеральном уровне [1]. В числе основных задач определяется сохранение и развитие родных языков, традиционной культуры, трансляция видов и жанров народного художественного творчества фольклорными коллективами, мастер-классами, проведением выставок декоративно-прикладного искусства. В этой связи, самобытность автохтонных этносов представляется сегодня в рамках творческих мероприятий регионального, всероссийского и международного уровней, проводимых при поддержке органов власти [2].

Так, с 2 по 16 декабря 2019 г. в Кемеровском государственном институте культуры проходил VIII Международный конкурс «Сибириада». Согласно Положению, учредителями данного ежегодного мероприятия являются Министерство культуры Российской Федерации, Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области, Совет народных депутатов Кемеровской области, Совет по вопросам попечительства в социальной сфере Кемеровской области (Кузбасса), Управление культуры, спорта и молодежной политики Администрации г. Кемерово, Кемеровский государственный институт культуры, Мысковский городской округ, Кемеровская государственная областная филармония имени Б. Т. Штоколова, Губернаторский культурный центр «Юные дарования Кузбасса», Фонд содействия развитию культуры и искусства им. Дашинимы Намдакова, Кемеровский региональный общественный фонд имени Юрия Арбачакова.

* © Ултургашева Н.Д., 2020.

VIII Международный конкурс «Сибириада», направление «Музыкальное исполнительство коренных народов» как диалоговая площадка, формирующая ориентиры этнокультурного развития автохтонных этносов Южной Сибири

В рамках данного конкурса, 6-7 декабря, на базе Муниципального бюджетного учреждения «Дворец культуры имени М.А. Горького» (г. Мыски Кемеровской области) в пятый раз проходила ежегодная номинация «Музыкальное исполнительство коренных народов». В фойе учреждения были организованы выставки, мастер-классы, познакомившие участников с современным национальным творчеством коренных народов Южной Сибири. Это, в частности, обучение навыкам изготовления традиционных тувинских украшений, а также глиняных изделий. Духовный центр шорской культуры «Эне-Таг» (г. Мыски) представил сувениры в этническом стиле. Участие в презентациях принимала и творческая мастерская «Артикул» (г. Мыски).

Это был по-настоящему праздник встречи самобытных национальных культур коренных народов Сибири. Изюминкой открытия конкурса стал традиционный обряд благопожеланий, который провела потомственная шорская шаманка Надежда Самуиловна Мортаева. Прологом конкурса стал самобытный «Танец номадов» (танец кочевников), представленный студенческим фольклорным ансамблем коренных тюркоязычных этносов Сибири «Алтын-Ай» («Золотая Луна») Кемеровского государственного института культуры. Художественным руководителем является Надежда Доржувевна Ултургашева, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, доктор культурологии, профессор.

С приветственными обращениями к гостям и участникам конкурса выступили представители местных органов власти и приглашенные гости, которые подчеркнули важность и необходимость государственной поддержки всего ценного, что имеется в традиционных культурах коренных народов. Жюри конкурса было представлено высококвалифицированными специалистами в области культуры и образования.

В программе приняли участие представители ряда коренных тюркоязычных этносов Сибири (шорского, телеутского, алтайского, хакасского и тувинского) и Севера – Эвенкийский муниципальный район. Необходимо отметить, что во всех номинациях участники конкурса выступали в ярких самобытных национальных костюмах.

В рамках конкурса были представлены следующие категории:

- «профессионалы» (учащиеся ДМШ, ДШИ, профильных ССУЗов и ВУЗов; преподаватели, учителя музыки, музыкальные работники, профессиональные исполнители);
- «любители» (учащиеся муниципальных образовательных уч-

реждений, непрофильных ССУЗов и ВУЗов и другие категории исполнителей).

Возрастные категории были представлены участниками от 6-8 лет до 25 лет и старше.

Основу конкурсных номинаций составило исполнение «Искусства горлового пения» как мужского, так и женского, солистами и ансамблями, традиционных и современных стилей исполнительства и их интерпретация.

Также в конкурсные номинации вошли народное, эстрадное, академическое вокальное исполнительство (солисты, ансамбли, хоры); инструментальное исполнительство на национальных инструментах коренных народов – топшуур, дошпулуур, чатхан, хомыс, кай-комус, темир-хомус, игил, икили, бызаанчи (оркестры, ансамбли, соло).

Впервые в конкурсной номинации «Музыкальное исполнительство коренных народов» прошло прослушивание жанров устного народного творчества традиционных культур коренных народов: отрывки из эпосов, героических сказаний, стихи и проза, детский фольклор (загадки – таптыргастар, табышкактар, пословицы и поговорки – сиспек-сопектер, считалки – санастырыхтар), инсценировки обрядов – оиннар. В связи с решением Генеральной Ассамблеи ООН о провозглашении 2019 года Международным годом языков коренных народов, обязательным условием являлось исполнение жанров на национальных языках.

Актуальность проблемы совершенствования творческой сферы коренных народов в регионе обусловила и центральную тематику обсуждений круглого стола, организованного в рамках прошедшего в г. Мыски конкурса. Состоявшийся диалог руководителей творческих коллективов позволил контурно определить следующие перспективы дальнейшего развития рассматриваемого мероприятия:

- выход за устоявшиеся рамки «возрождения и сохранения» этнокультурного наследия коренных этносов;
- расширение содержания программы конкурса, как за счет творческой, так и научной составляющих;
- организация постоянного партнерского диалога в рамках этнокультурного движения коренных народов Южной Сибири, с перспективой участия в международных проектах;
- организация регулярного сотрудничества со специалистами в области истории коренных тюркоязычных этносов Южной Сибири, повышения компетенции, в данной сфере, представителей талантливой молодежи из числа автохтонных народов.

Итогом предварительных обсуждений стало решение поддерживать связь между участниками, уже неформального характера, с целью со-

вместной выработки алгоритма организации и проведения очередного конкурса в дальнейшем.

Таким образом, номинация «Музыкальное исполнительство коренных народов Сибири», в рамках VIII Международного конкурса «Сибиряда» стала запоминающимся и колоритным примером развития, укрепления творческого содружества и взаимодействия представителей автохтонных этносов Сибири. Совместная работа, в рамках конкурса, специалистов творческой сферы, представляющих национальные республики Южной Сибири, автохтонные этносы позволяет не просто обмениваться опытом профессиональной деятельности, но и совместно вырабатывать пути решения общих для культуры данных этносов, злободневных проблем.

References

- [1] Solodukhin V.I., Solodukhina T.K. The profession of the head of the ethnocultural center as a social institution // URL: http://sociosphere.com/publication/conference/2013/215/professiya_rukovoditelya_etnokulturnogo_centra_kak_socialnyj_institut1/;
- [1] Solodukhina TK, Solodukhin V.I. Ethnocultural education of the younger generation in the national cultural center // Vestnik MGUKI. 2013. № 6 (56). P. 117-122.

Библиографический список:

- [1] Солодухин В.И., Солодухина Т.К. Профессия руководителя этнокультурного центра как социальный институт // URL: http://sociosphere.com/publication/conference/2013/215/professiya_rukovoditelya_etnokulturnogo_centra_kak_socialnyj_institut1/;
- [1] Солодухина Т.К., Солодухин В.И. Этнокультурное образование подрастающего поколения в национально-культурном центре // Вестник МГУКИ. 2013. № 6 (56). С. 117-122.

Dudareva M.A.

*Candidate of Philology, Department of Russian language No. 2
Faculty of Russian language and General education disciplines,
Russian Peoples' Friendship University.*

Grashchenkov N.V.

*Chair's assistant,
Department of Russian language No. 2
Faculty of Russian language and General education disciplines,
Russian Peoples' Friendship University.*

Semantics of a name in M.D. Chulkov's novel «pretty lady-cook, or adventures of the minx»: the world culture space

Abstract. The meaning of proper names always attracted the scientists of different humanitarian spheres. The researchers of literary texts also paid much attention to the names of characters since special semantics is hidden in such names. In this article we deal with M.D. Chulkov's novel written in the 18th century. Here the linguistic and cultural analysis of the names in the novel "The Comely Cook or A Dissolute Woman's Progress" has been made. The parallels with the Russian folklore tradition help to highlight the mythopoeic implied sense of this work.

Key words: Russian traditional culture, myth, literature, name semantics, ritual, tradition.

Дударева М.А.

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка №2 ФРЯ и ОД,
Российский университет дружбы народов.

Гращенков Н.В.

Ассистент кафедры русского языка №2 ФРЯ и ОД,
Российский университет дружбы народов.

Семантика имени в романе М.Д. Чулкова «пригожая повариха, или похождения развратной женщины»: пространство мировой культуры

Аннотация. Значение имен собственных всегда привлекало ученых из разных гуманитарных сфер. Исследователи художественного текста также обращали большое внимание на имена героев, так как в имени кроется особая семантика. В статье обращаемся к произведению 18 века, к роману М.Д. Чулкова. Проводится лингвистический и культурологический анализ имен в произведении «Пригожая повариха, или похождения развратной женщины». Параллели с русской фольклорной традицией помогают высветить мифопоэтический подтекст в романе. Образы героев рассматриваются в неразрывной связи с мировой фольклорной традицией. Особое внимание уделяем греческой ритуальной культуре, когда анализируем имя главной героини. Применен сравнительно-типологический, структурно-функциональный и системный метод анализа текста. В результате разрешается противоречие между взаимодействием двух культурных традиций – русской и европейской традицией «плутовского романа».

Ключевые слова: русская традиционная культура, миф, литература, семантика имени, ритуал, традиция.

Дударева М.А.

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка №2 ФРЯ и ОД,
Российский университет дружбы народов.

Гращенко Н.В.

Ассистент кафедры русского языка №2 ФРЯ и ОД,
Российский университет дружбы народов.

Семантика имени в романе М.Д. Чулкова «пригожая повариха, или похождения развратной женщины»: пространство мировой культуры*

Введение

Ономастика является сложной и постоянно развивающейся наукой, так как имеет тесные связи с историей, культурологией, филологией, археологией и семиотикой (работы А. Соломоник, К. Леви-Строса [10; 18]). «Имена собственные обратили на себя внимание уже древнеегипетских, древнегреческих и древнеримских ученых» [2, с. 11]. По этим причинам трудно представить в одной статье весь список работ, посвященных природе имяназрения, имя собственное, по справедливому замечанию В.Д. Бондалетова, может быть предметом изучения разных наук [2, с. 3]. В нашей работе оно будет главным элементом и лингвистического исследования и литературоведческого анализа.

В некоторых культурах имя собственное настолько важно, что превращено в индекс [2, с. 31]. У каждого народа в определенный период развития может быть свой набор ономастических единиц. Так, эпоха XVIII века характеризовалась, во-первых, иностранным влиянием, которое пронизывало все слои сферы деятельности людей, во-вторых, имена давались неслучайно. Характерологическое использование личных имен в русской литературе имеет давнюю традицию, на это обращал внимание уже в XVIII веке Н.А. Добролюбов [25, с. 48]. Имя может быть современным или «несовременным», однако «не всякое современное имя оказывается удобным для его носителя» [25, с. 52]. М.Д. Чулков в своем романе дает главным героям преимущественно иностранные имена, причем на французский манер. Конечно, это может быть обу-

* © Дударева М.А., Гращенко Н.В., 2020.

Семантика имени в романе М.Д. Чулкова «пригожая повариха, или похождения развратной женщины»: пространство мировой культуры

словлено французскими веяниями того времени, но не будем забывать о том, что в «именах может совмещаться и эстетическое, и социальное» [25, с. 56]. По этим причинам обратимся к литературному периоду, в который создавалось произведение.

Материалы и методы

В 1760-80-е годы наблюдается активная демократизация художественной литературы. Издаются песенники Новикова, Чулкова, Дмитриева, которые поддерживают связь с народной культурой. Наиболее ярко это выражено в творчестве Чулкова, его «плутовском» романе «Пригожая повариха», где проявляется общая тенденция времени – придание литературе «народности» [1, с. 87].

На литературном поприще Чулков проявил себя с разных сторон. С одной стороны, он известен нам своим песенником, хотя сам Чулков «песен не записывал, а пользовался рядом рукописных сборников» [14, с. 220], отмечает И.Н. Розанов. Это замечание Розанова очень важно, так как еще раз подтверждает хорошее знание Чулковым русских песен и традиций, благодаря этому в его сборнике прослеживается четкое деление на книжную лирику и устную лирику, на прозу и народные песни. С другой стороны, он проявил себя, как талантливый прозаик. Главным героем его романа «Пригожая повариха» становится женщина – Мартона – причем с индивидуальным, специально созданным автором характером. Исследователи, анализируя данное произведение, показывают национальные особенности образа, обращают внимание на речь героини, на использование автором пословиц [7, с. 605], что указывает на фольклоризм романа. Однако фольклоризм при таком анализе является внешним, регистрирующим. В работах мы обнаруживаем преимущественно описание быта Мартоны, что не дает полностью раскрыть внутренний мир героини: «Далекий от идеализации своей героини, Чулков, создавая ее образ, а он лишен однолинейности, наталкивает читателя на мысль, что не столько виновата Мартона, сколько жизненные обстоятельства вынудили ее к такому ремеслу» [19]. Однако многоплановость и сложность образа обусловлены не только внешними обстоятельствами, отсылающими читателя к традициям авантюрно-плутовского романа, но и глубинной мифологической и фольклорной традицией. Также интересным и, на наш взгляд, неслучайным представляется то, что у Чулкова герой-пикаро (авантюрист) – это женщина.

В почти любой архаической мифологии, в космогонических мифах мы увидим, что главная роль отводиласьдемиургическому женскому началу. Немецкий мифолог Вальтер Отто точно заметил, что *священное материнское начало* пронизывало все человеческое бытие [6, с. 103]. В

романе же Чулкова Мартона лишается этого «права» царствовать, у нее как бы нет своего женского государства (ранее существовали женские государства [13, с. 403]). Мартона, с точки зрения космогонической, теряет свое высшее женское достоинство. При этом в ней ярко проявляется другая сторона женщины – внешняя красота: «я была завидная женщина в том городе <...>» [24, с. 185]¹. Это выявляет ее сущность, как земной Афродиты. Неслучайно в греко-римском комплексе находим Венеру Земную и Венеру Небесную (еще у Платона «эрос» символизирует Афродита в разных проявлениях, в вульгарном, земном в том числе [15, с. 148]). Такое «проявление» богини, красивой, но коварной, способной на «сделки» с людьми, на хитрости, мы с легкостью найдем в античной мифологии – миф о заключении договора Афродиты с Парисом: «Афродита же обещала ему в жены прекраснейшую из смертных женщин<...>» [9, с. 312]. Мартона одно из своих первых «любовных» свиданий также называет сделкой: «Первое сие свидание было у нас торгом, и мы ни о чем больше не говорили, как заключали контракт <...>» (186). Еще много таких «торгов» будет в ее жизни, за которые она будет получать разные дорогие подарки: золотая табакерка, украшения, платье, наконец, просто деньги. «По выходе его, не столько радовалась Венера данному ей яблоку, сколько любовалась я подаренной мне табакеркою» (186). Часто Мартона терпела неудачи, это раскрывается одной точно подобранной Чулковым половицей: «Неправ медведь, что корову съел, не права и корова, что в лес забрела» (188). Корова и медведь являлись одними из древних женских тотемов. Артемиды – одно из имен Великой богини, ей «была посвящена медведица, а в Афинах во время праздника Артемиды Бравронии две девочки десяти и пяти лет, одетые в шафранно-желтые одежды в честь луны, изображали сакральных медведиц» [4, с. 226]. А богине Гере преподносили священную корову [20, с. 29]. Но в данном тексте половица раскрывает следующий смысл: женщина «истребляет» сама себя, отказывается от своей божественной сути, от материнства. Мартона, не может развивать космос, вокруг нее творится хаос.

Великое женское божество всегда сочетает в себе несколько начал, оно амбивалентно по своей природе [22, с. 7]. Мартона сама отмечает про себя двойственность женской натуры: «Я держалась всегда такого мнения, что все на свете непостоянно <...> то как уж женщине, которая рождена к переменам, можно любить одного до кончины ее века» (191). После замужества, хотя оно является ложным, жизнь героини заметно меняется. Свадьба не удается, женщина обманута, но при этом она как

1 Чулков М.Д. Пригожая повариха, или похождения развратной женщины // Русская литература 18 век. Л., 1970. [Далее текст Чулкова цитируется по названному изданию с указанием страницы]. С. 185.

бы *возрождается* в новом качестве. Свадебный и погребальный обряды обладают генетической близостью [5; 8]. «У всех славянских народов брак и погребение, любовь и смерть имеют между собой тождественную аналогию» [8, с. 34]. Эта природа *двойственности* заложена в женском архетипе, конечно, и в Мартоне она тоже проявляется. Например, вавилонянин, посещая чужую женщину в храме, называл это «возвышением сердца». Женщина рассматривалась как жена или как чужая женщина, своя подруга [3, с. 250].

После неудачного замужества мы видим смерть одного из героев – возлюбленных Мартоны – подполковника. Главная героиня начинает пребывать в поиске, становится снова «путником», но не может выйти из состояния *лиминальности* (понятие заимствуем у В. Тернера [21, с. 169]). Ее красивое тело начинает тяготить ее душу, на что указывает сама Мартона, проводя параллель между изменчивостью природы и непостоянством женщины. Также для раскрытия данной проблемы, проблемы дисгармонии тела и духа, нужно обратиться непосредственно к имени [26, с. 115] главной героини, которое хоть и условно, по замечанию В. Шкловского, но обладает высокой *семантической напряженностью*.

Имя «формирует тело», оно может характеризовать его [23, с. 25]. Имя Мартона заключает в себе парадокс народной культуры, причем смеховой культуры. Сам текст, безусловно, содержит «смеховое, заразительное» начало, которое проявляется на всех уровнях произведения. Так, момент с переодеванием героев берет свои истоки в народной смеховой культуре и отсылает нас к разного рода *травестиям*. Герои театра постоянно *переодеваются*, их речь богата оксюморонами и они носят непростые имена. Вспомним, например, как описывал постановку народной драмы «Лодка» И.С. Аксаков: «Явилось ко мне человек пятнадцать, очень порядочно костюмированных...» [17, с. 76-81]. Так, в одном из вариантов драмы «Царь Максимилиан» можно встретить следующие оксюмороны:

*Я не желаю этой невесты взять.
У ней нос, как луковица
Глаза, как пуговица.* [17, с. 85]

Черта этой драмы – смешение комического с трагическим, что характерно и для романа Чулкова: «Дражайший мой, возможно ли, чтобы я была тебе неверною и изменила в самом начале горячей моей любви» (191). Говорит это лукавая Мартона, которая потом называет своего «любownika» пренебрежительно стариком. Конечно, в ее устах это звучит комически, а для подполковника это оборачивается настоящей трагедией и, в конце концов, смертью. С одной стороны, имя женщины сходно с простонародным именем – Матрена. Если посмотреть «Реэстр

о дамах и прекрасных девицах», то увидим, что имя Матрена употребляется в следующем контексте: «с молодцами погулять – Матрена» [23, с. 36]. Но автор не дает своей героине такого имени, он оставляет другой вариант, за которым скрывается что-то большее.

В имени Мартоны, составная часть которого *Март*, может быть реконструирован символ высшего существа – Великой Богини. Март – месяц Артемиды (Артемиде был посвящен месяц артемизион - март [16, с. 296]), еще ему посвящено третье дерево из Алфавита деревьев – дерево-вождь, ясень (iundius). Именно под ним Тройственная Богиня вершила суд [4, с. 213]. Дерево изображалось с пятью ветками. Если ветки сравнить с пальцами руки (символ руки использовался друидами, как сигнальный инструмент [4, с. 249]), то увидим следующее: дерево ясень, его обозначение расположено на мизинце руки, а мизинцем управлял Меркурий (в значении проводника душ мертвых). Сама Мартона говорит о своем приезде так: «По календарным законам прибыла я в Москву в среду, а день сей означается у нас древним языческим богом Меркурием» (188). Героиня хорошо знает и верит в русские традиции, отмечая покровительство Меркурия. Так же Март который считался временем, когда медведи выходили из зимней спячки. У греков известны медвежьи праздники, называвшиеся «komoedia», послужившие основой будущей комедии» [16]. Данное сочетание букв, первоначальное *Мар*, находим и в других культурах, где оно тоже сопряжено с высшим началом: «Слово Марья, чаще всего встречающееся вместе с Аллаха и переводимое как «Господь», происходит от корня мар – первичный восходящий принцип, который светит, освещая и согревая все вещи» [12, с. 80]. Из всего выше сказанного можно сделать вывод: имя главной героине дается не случайно, дается как бы «на вырост», что бы она могла соответствовать ему, находилась в равновесии, преодолев свою амбивалентную природу.

С течением времени и определенных обстоятельств духовный уровень Мартоны становится выше, она находит истинную любовь, но это происходит не сразу. По мифологическим представлениям, Тройственная Богиня, Муза имела несколько певцов любви, ее обожателей, которые вступали в агон, священную борьбу за право быть с ней. У Мартоны тоже несколько обожателей, но в итоге с ней может остаться только один. Двое последних, Ахаль и Свидаль, борются за ее сердце, «посвящение» проходит Ахаль. Свидаль «фиктивно умирает» за Ахалю. «Главная часть церемонии состояла в умерщвлении и воскресении посвящаемого, который таким образом приобретал магическую силу <...> Убивается не сам посвящаемый, а другой за него – фиктивно» [13, с. 186]. Однако Ахаль проходит свое первое «перерождение» уже тогда, когда соглашается переодеться в женское платье. Травестийный мотив становится од-

ним из важных мотивов во всем романе. Ахаль облачается в женщину для того, чтобы достигнуть своей цели – быть с Мартоной, но именно тогда он по-настоящему приобщается к сакральным знаниям и эйдологии женского царства. «Встречающееся в фольклоре переодевание героя, обменивание одеждой с нищим и пр. есть частный случай такой перемены облика, связанной с пребыванием в ином мире», справедливо отмечает В.Я. Пропп. В нашем случае Ахаль надевает женское платье, перевоплощается в женщину. Однако Мартона опять терпит неудачу – Ахаль покидает ее и героиня находится в критической ситуации, попадает в тюрьму, но после таких тяжелых испытаний приобретает новые качества, так как тюрьма символизирует определенную преграду, *порог*. «Достаточно мотивировать переправу поисками невесты, диковинки, жар-птицы и т. д.», а финал в сказке таков: невеста найдена» [13, с. 286]. Мартона тоже найдена – Свидалем. В ее жизни происходит переломный момент, ей кажется, что она находит истинную любовь в образе Свидаля.

Но, как отмечалось ранее, посвященным становится Ахаль. Во-первых, первое прикосновение к тайным знаниям он получает после облачения в женский наряд. Во-вторых, дуэль также является *обрядом посвящения*, в котором за него умирает Свидаль. Последний получает от Мартоны все привилегии, он остается с ней, они счастливы. Но со Свидалем главная героиня продолжает вести прежний образ жизни: «были мы люди праздные, или бездельные...» (202). Боле того, они оба попадают в такой же порочный круг людей: «Я с хозяйкой обошлась весьма ласково и без всяких дальних учтивостей, ибо были мы с нею одного ремесла».

Неожиданное письмо от Ахаля является переломным моментом в судьбе Мартоны. Ее возлюбленный умирает и оставляет Мартоне свой дом и все имущество. С этого времени главная героиня начинает жить по-новому. Казалось бы, смерть Ахаля – это трагедия, но только через такую жертву, утрату женщина перерождается. Мартона оставляет прежнюю жизнь и, наконец, самое главное – приобретает Дом: «Вот вам крепость на сей двор <...> и она писана на ваше имя, вот вам и моя духовная» (203). Дом выступает здесь как Космос, организованное пространство, к которому на подсознательном уровне героиня стремилась всегда: «Я слышал, сударыня, – примолвил он, – что вы ищите такого места, то если вам угодно, пожалуйста останьтесь в моем доме...» (190). В доме подполковника она не прижилась, так как это был «чужой» дом. Дом, подаренный Ахалем, символизирует новое государство, «космизированное пространство» (понятие заимствуем у М. Элиаде [27, с. 31]). После такого жеста становится понятным, почему именно этот молодой человек истинно любит Мартону и является *посвященным*: «При сих славах не могла я удержаться от слез...» (203). Наступает катарсис – духовное очищение.

Результаты и дискуссия

Главная героиня проходит *три ипостаси*. Для священного мира характерна тройственность. Так, его модель устроена как преисподняя, земное пространство и небесное. Тройственная богиня также соответствовала этим пространствам: «Богиня неба, земли и подземелья» [4, с. 497]. Сначала Мартона испытывает искушение вещами - украшения, платья, деньги: «Во время праздника собралась я к обедне и нарядилась столь великолепно, сколько мне за благо рассудилось <...>» (190), то есть бранным миром. Потом, когда у нее все это появляется, она любит себя, испытывает любовь к себе: «Лицо мое получило прежнюю красоту, а тело наполнилось прежнею белизною и нежностью» (196). Встретив подлинную любовь, она в конце, если не отказывается от мира вещей, то, по крайней мере «охладевает» к нему: «Дурной против меня поступок Ахалев совсем истребился из моей памяти, и одни только его благодеяния представлялись живо в моем понятии» (202).

М.Д. Чулков изображает не просто женщину, оказавшуюся в трудном положении, он показывает динамику образа, за которым сокрыта личность. Автор этого романа демонстрирует духовный рост Мартоны, ставшая ее иногда на путь истинный. И неслучайным является то, что главный герой «плутовского» романа – женщина. И в этом случае происходит как бы продуктивный *спор* с европейской традицией, французской комедией [7, с. 605], так как такой «плутовской, воровской идеал» мы найдем и в русских сказках, в русском фольклоре, который хорошо знал Чулков.

References

- [1] Good D.D. The literary process and its laws // From Cantemir to the present day. M., 1972.
- [2] Bondaletov V.D. Proper name as a language category // Russian onomastics. M., 1983.
- [3] Vardiman E.E. Erotica "Exaltation of the heart" // Woman in the Ancient World / Transl. with him. M.S. Kharitonova. M., 1990.
- [4] Graves R. The Triple Muse // White Goddess: Historical Grammar of Poetic Mythology. Ekaterinburg, 2007.
- [5] Danilov V. Red mourning in the Little Russian funeral rite // Living Old. SPb., 1909. № 4.
- [6] Zaitsev A.I. Demeter and Persephone // Greek religion and mythology. SPb., 2005.
- [7] History of Russian literature in 4t. L., 1980. Vol. 1.
- [8] Kostomarov N.I. On the historical significance of Russian folk poetry. Kharkov, 1943.
- [9] Kun N.A. Court of Paris // Legends and Myths of Ancient Greece. M., 1999.
- [10] Levy-Stros K. Linguistics and Anthropology // Structural Anthropology. M., 2008.
- [11] Medrish D.N. Literature and folklore tradition: Questions of poetics. Saratov, 1980.
- [12] Neil Douglas - Kotz Prayers of Cosmos. Meditations on the words of Jesus spoken in Aramaic. SPb., 2000.
- [13] Propp V.Ya. Bride. Wedding night // The historical roots of a fairy tale. L., 1986.
- [14] Rozanov I.N. Songs about the living son // Collection of love lyrics of the XVIII century. SPb., 1910.
- [15] Rozin V.M. Antique understanding of love // Backgrounds and features of ancient culture. M., 2004.
- [16] Rybakov B.A. Birth of goddesses and gods // Paganism of the ancient Slavs. M., 1981.

- [17] Savushkina N.I. Folk drama "Tsar Maximilian" // Russian Folk Theater. M., 1976.
- [18] Solomonik A. Semiotics and Linguistics. M., 1995.
- [19] Tatarinova L.E. Russian literature and journalism of the 18th century. M., 2006.
- [20] Tahoe-Godi. A.A. Archaic fetishism, magic and werewolf // Greek mythology. M., 1989.
- [21] Turner B. The Symbol and Ritual. M., 1983.
- [22] Thomas Cleary, Sartaz Aziz, Goddess of Twilight. Nizhny Novgorod, 2007.
- [23] Florensky P.A. Names M., 2006.
- [24] Chulkov M.D. A handsome cook, or the adventures of a depraved woman // Russian literature of the 18th century. L., 1970.
- [25] Schwarzkopf B.S. On social and aesthetic evaluations of personal names // Onomastics and norm. M., 1976.
- [26] Shklovsky V. About Chulkov's prose // Chulkov and L. Levshin, 1946.
- [27] Eliade M. Sacred and Secular. M., 1994.

Библиографический список:

- [1] Благой Д.Д. Литературный процесс и его закономерности // От Кантемира до наших дней. М., 1972.
- [2] Бондалетов В.Д. Имя собственное как языковая категория // Русская ономастика. М., 1983.
- [3] Вардиман Е.Е. Эротика «Возвышение сердца» // Женщина в Древнем мире / Пер. с нем. М.С.Харитоновой. М., 1990.
- [4] Грейвс Р. Тройственная Муза // Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии. Екатеринбург, 2007.
- [5] Данилов В. Красный траур в малорусском погребальном обряде // Живая старина. СПб., 1909. №4.
- [6] Зайцев А.И. Деметра и Персефона // Греческая религия и мифология. СПб., 2005.
- [7] История русской литературы в 4т. Л., 1980. Т.1.
- [8] Костомаров Н.И. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1943.
- [9] Кун Н.А. Суд Париса // Легенды и мифы Древней Греции. М., 1999.
- [10] Леви-Строс К. Лингвистика и антропология // Структурная антропология. М., 2008.
- [11] Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов, 1980.
- [12] Нейл Дуглас – Котц Молитвы космоса. Медитации на слова Иисуса, изреченные на арамейском. СПб., 2000.
- [13] Пропп В.Я. Невеста. Брачная ночь // Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- [14] Розанов И.Н. Песни о гостинном сыне // Сборник любовной лирики XVIII века. СПб., 1910.
- [15] Розин В.М. Античное понимание любви // Предпосылки и особенности античной культуры. М., 2004.
- [16] Рыбаков Б.А. Рождение богинь и богов // Язычество древних славян. М., 1981.
- [17] Савушкина Н.И. Народная драма «Царь Максимилиан» // Русский народный театр. М., 1976.
- [18] Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., 1995.
- [19] Татаринова Л.Е. Русская литература и журналистика XVIII века. М., 2006.
- [20] Тахо-Годи. А.А. Архаический фетишизм, магия и оборотничество // Греческая мифология. М., 1989.
- [21] Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
- [22] Томас Клири, Сартаз Азиз Богиня Сумерек. Нижний Новгород, 2007.
- [23] Флоренский П.А. Имена. М., 2006.
- [24] Чулков М.Д. Пригожая повариха, или похождения развратной женщины // Русская литература 18 век. Л., 1970.
- [25] Шварцкопф Б.С. О социальных и эстетических оценках личных имен // Ономастика и норма. М., 1976.
- [26] Шкловский В. О прозе Чулкова // Чулков и Левшин Л., 1946.
- [27] Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Kiblik O.N.

Graduate student, Tyumen State University.

Glitter and poverty of civilization in A.S. Green's romantic reflection

Abstract. Civilization, like culture, is a superstructure over the biological nature of man, the objectification of his spirit in specific artifacts aimed at satisfying his needs for a comfortable life. But if culture is a compromise between the natural world and the human world, then civilization, developing much faster in the technical aspect, lags to the same extent in the spiritual and moral sphere. This gives rise to problems of adopting advanced technical aspects of civilization, which are also immoral in nature.

A.S. Green was keenly aware of the harm done by the world of technology to the artist's soul, as he limited his imagination and imagination to fly spirit, which are trying to imitate dead technical constructs.

The article discusses similar existential problems of some heroes of the works of A. S. Green ("Competition in Liss", "Gray Car", "Shining World", "Heavy Air", "Fighter") trying to philosophically comprehend and justify the contradictions between the hostile world of technology and spiritual quest for a creative person.

Key words: A.S. Green, romantic reflection, culture, spiritual culture, imagination, fantasy, existence, technical constructs, civilization, human nature.

Киблик О.Н.

Аспирант, Тюменский государственный университет.

Блеск и нищета цивилизации в романтической рефлексии А.С. Грина

Аннотация. Цивилизация, как и культура, является надстройкой над биологической природой человека, объективацией его духа в конкретных артефактах, направленных на удовлетворение его потребностей к комфортной жизни. Но если культура есть компромисс между миром природы и миром человека, то цивилизация, развивающаяся значительно быстрее в техническом аспекте, в такой же степени отстаёт в духовно-нравственной сфере. Это порождает проблемы принятия передовых технических аспектов цивилизации, имеющих также и аморальный характер.

А.С. Грин остро чувствовал вред, наносимый миром техники душе художника, так как он ограничивал его воображение и фантазию совершать полеты духа, которые пытаются имитировать мертвые технические конструкции.

В статье рассмотрены подобные экзистенциальные проблемы некоторых героев произведений А. С. Грина («Состязание в Лиссе», «Серый автомобиль», «Блещающий мир», «Тяжелый воздух», «Истребитель») пытающихся философски осмыслить и обосновать противоречия между враждебным миром техники и духовными исканиями творческой личности.

Ключевые слова: А.С. Грин, романтическая рефлексия, культура, духовная культура, воображение, фантазия, экзистенция, технические конструкции, цивилизация, природа человека.

Киблик О.Н.

Аспирант, Тюменский государственный университет.

Блеск и нищета цивилизации в романтической рефлексии А.С. Грина*

Сложившаяся классической и современной традицией идея сочетания личностного, культурного и социального измерений в литературе оказалась чрезвычайно соблазнительной, учитывая свою простоту и целостность, но сложна в попытках реализации как социологическая теории или исследовательская практика.

Между тем попытка определения и изучения культуры такая же актуальная и давняя для литературоведения и социологии, как и ее дисциплинарно феноменальный объект - «общество». В классической социологии проблематика культуры начала появляться как фактор в исследовании тех или иных общественных явлений и общесоциологических построений. Национальные традиции социологического теоретизирования имели свои особенности, что сказывалось также и на оценке писателями характера рефлексии культуры.

Европейские литературные традиции, особенно когда дело заходило о культуре, исходили из различных дисциплинарных просторов: философии, антропологии, истории, лингвистики.

Под этим углом зрения можно осуществить ретроспективный анализ романтической рефлексии в творчестве А.С. Грина, прибегая к социокультурной традиции в теории. Культурная автономия человека и общества в творчестве А.С. Грина выступает важным социальным инструментом, в данном случае - это определение нормы, нормальности и патологии, через которые и осуществляется анализ писателем.

Апологетика, а затем критика концепта общественных систем в теоретической социологии привела к внимательному исследованию самого «жизненного мира», то есть, как отмечают историки социологии - «поворота к повседневности»¹. Среди причин последнего также называют осознание ограниченности структурно-функциональной теории, и вообще всякой большой теории, которые не могут пригодиться обычному человеку для упорядочения его личных переживаний и полученного опыта.

* © Киблик О.Н., 2020.

Блеск и нищета цивилизации в романтической рефлексии А.С. Грина

1 Вдовин А. Миры А. Грина // Урал. 2000. № 8. С. 172-177.

Поэтому в первой половине XX века на волне развития феноменологической традиции изучение повседневности дало новый толчок развитию исследований культуры в художественной литературе. «Эмпирическую интерпретацию романтической рефлексии на цивилизационную повседневность находим в художественных произведениях Александра Грина (Александр Степанович Гриневский)»².

Писатель родился в пригороде Вятки в 1880 году, был сыном поляка Стефана Гриневского и русской медсестры Анны Ляпковой. В 1896 году, окончив школу в Вятке, Гриневский уехал в Одессу, где работал моряком, золотодобытчиком, строителем, но часто оказывался без работы и зарабатывал на жизнь попрошайничеством, а также выживал, благодаря деньгам, присланным ему отцом.

После вступления в русскую армию он стал членом эсеровской партии, был арестован и пробыл в тюрьме за «революционную пропаганду». Его первый короткий рассказ был опубликован в газете в 1906 году. В том же году он был арестован в Санкт-Петербурге и приговорен к четырем годам ссылки в отдаленном районе Тобольской губернии. Однако очень скоро после прибытия в Тобольск А. Грин сбежал и вернулся в Петербург, чтобы жить нелегально.

Был снова арестован в 1910 году и отправлен жить в Архангельскую губернию. В маленькой деревне под названием Кегостров А.С. Грин и его первая жена Вера Павловна Абрамова жили с 1910 по 1912 года.

В 1912 году он вернулся в Санкт-Петербург, в то время А. Грин публиковал в основном короткие рассказы. Большинство его более крупных работ были написаны после Октябрьской революции и пользовались значительной популярностью в первой половине 1920 годов. В 1921 году он женился на Нине Николаевне Грин. В 1924 году они переехали в Феодосию, чтобы жить у моря.

В последний период жизни романтические видения А.С. Грина находились в полном противоречии с основной советской литературой. Поэтому московские и ленинградские издатели отказались рассматривать его романтические сочинения, а А.С. Грин и его жена жили в крайней нищете.

В своей работе «Запечатленное время» режиссер Андрей Тарковский характеризует А.С. Грина в качестве примера поэта в самом глубоком смысле слова: «с осознанием мира, особым образом, относящимся к реальности ... с философией, которая ведет человека на протяжении всей его жизни»³.

2 Ковский В.Е. Реалисты и романтики: Из творческого опыта рус. сов. классики: В. Брюсов, В. Маяковский, А. Толстой, А. Грин, К. Паустовский / В.Е. Ковский. - М.: Художественная литература, 1990. 383 с., С. 271–273.

3 Тарковский А. Запечатленное время // URL: <http://tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/Statiya1967.1.html> (дата обращения – 09 декабря 2019 года)

Произведения А.С. Грина имеют много общего с реальностью начала XX века. Художественный мир писателя необычайно интересен и связан с критикой мира техники. Некоторые из его романов содержат элемент магии - не как установленной части его мира, но всегда как чудо, которое меняет жизнь тех, кто сталкивается с А.С. Грином.

Гренландию, навсегда очаровавшую А.С. Грина, следует искать не на географической карте, а в книгах этого русского писателя. В них находим подробные описания экзотической природы этой страны и истории жизни ее жителей - людей, наделенных необычными именами и силой воображения, жадной мечтать и верой в чудо.

Гренландия - конечно, страна вымышленная, но не сказочная. В первые десятилетия XX века в ней уже есть автомобили, газеты, телефоны и многие другие «знаки» реальности. Да и сами гренландцы не очень похожи на сказочных персонажей: они борются с теми же повседневными трудностями, с которыми сталкивались их настоящие современники, увлекаются теми же идеями и страдают от тех же духовных недугов.

Знаменательно, что название этой удивительной страны придумал не Грин. Он был изобретен критиком К. Зелинским для обозначения своеобразного художественного мира гриновских книг. Слово «Гренландия» он сформировал из псевдонима писателя «Грин». И это было специальное намерение, призванное подчеркнуть, что Гренландия - это не только страна зеленых героев, но и также самого Грина - страна его души, его фантазии, его жизни.

В своих произведениях, например, таких, как «Состязание в Лиссе», «Серый автомобиль», «Блisterающий мир», «Тяжелый воздух», «Истребитель», А. Грин жестокий и несправедливый мир побеждает высокими чувствами. На помощь главным героям приходят любовь, дружба, благородство, а иногда и сверхъестественные способности человека или волшебство. По мнению А. Грина, добро всегда должно торжествовать и быть в приоритете.

Поэтому романтическое творческое наследие Александра Грина остается востребованным во все времена. Тем более, что и взрослые люди также хотят верить в сказку. Хотя сам А. Грин был человеком суровой судьбы, настолько суровой, что даже удивительно, откуда этот писатель черпал силу для своих романтических историй о чудесах, которые становятся реальностью, и красочных картин воображаемой страны.

Тема полета человека волновала писателя давно, так, авиаторы являются главными героями его рассказов «Тяжелый воздух» (1912), «Состязание в Лиссе» (в 1910 г. написан, в 1921 г. опубликован). Однако в этих рассказах звучит разочарованность и даже раздражение А. Грина. В первую очередь, по поводу «современных аэропланов», тех «неуклюжих

машин», в которых ездят с таким шумом и риском. Для писателя они «мертвы»; «это - материя, распятая в воздухе»; «непрочное, безобразное сооружение, насквозь пропитанное потными испарениями мозга, сочинившими его подозрительную конструкцию...»⁴.

А. Грина привлекает другой аспект проблемы: вдохновенный полет преображенного человека, преодолевающего время и пространство. В русле мифологической традиции начала XX века у писателя складывается космологическое мироощущение с его пониманием человека как части Космоса. «Бессмертное величие вселенной» и «преображенная новая природа человека» - вот идеи, которые захватывают писателя.

Это было время, когда в России вызревает уникальное направление, приобретающее общечеловеческое значение. Им стал русский космизм, представленный именами таких выдающихся философов и ученых, как В. Соловьев, Н. Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев, А. Горский, Н. Сетницкий, Н. Федоров, К. Циолковский, В. Вернадский, А. Чижевский, В. Купревич и другие.

Идеи русского космизма разрабатывались в различных аспектах: философском, научном, религиозном. А. Грину как художнику, вероятно, был ближе духовно-философский взгляд на проблему, нежели научный, его интересовал, прежде всего, полет «человеческого духа». Не случайно одно из названий романа звучало как «Божий мир».

Идеи философов-космистов, безусловно, оказали влияние на формирование гриновского мировидения, например, Н. Бердяев различает несколько течений в русском православии. В частности - «космоцентрическое, узревающее Божественные энергии в тварном мире, обращенное к преображению мира» и «антропоцентрическое, историософское, эсхатологическое, обращенное к активности человека в природе и обществе... Эти течения ставят проблемы о космосе и человеке»⁵.

Другой русский мыслитель П. Флоренский выдвигает «идею внутреннего единства мирового целого («поиски всеединства»), подчеркивая значение «ноуменального зерна вещей» для понимания природной реальности Космоса»⁶. Ему присуще яркое чувство космоса как живого целого, восприятие неисчерпаемой мощи природы и, в то же время, ее причастности к «иному миру». Философ говорит о той «незримой феноменальной силе», из которой вырастает тварное бытие. «Сквозь зияющие трещины человеческого рассудка, - уверяет он, - видна бывает лазурь Вечности»⁷.

4 Грин А.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Том 4 / А.С. Грин. - М.: Правда, 1980. 435 с.

5 Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. - Новосибирск: наука. сиб. отд-ние, 1990. 48 с.

6 Там же. 51 с.

7 Вдовин А. Мир А. Грина // Урал. 2000. № 8. С. 172-177, 174.

Рассматривая фотографии, на которых запечатлен изможденный человек с грустным, даже трагическим взглядом, трудно поверить, что он является автором сияющей счастливой сказки «Алые паруса», которая зажигала читателей многие десятилетия радостью и надеждой.

Но в этом нет ничего удивительного, поскольку «романтические персонажи А. Грина, «скопированные» с себя, погружены в фантастический мир, посвященный идеалам молодежи, которая убеждена, что человеческое сердце может творить настоящие чудеса»⁸. И сама его жизнь, на первый взгляд, кажется серией испытаний и лишений.

Первая книга, которую он покорил самостоятельно, - «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта. Таким образом, в мрачной обывательской жизни, словно по волшебству, возник «сверкающий мир» воображения. Очарованный своим сиянием, А. Грин потеряла интерес к реальности. Вместо того, чтобы усердно готовиться к урокам, он читал романы о капитанах, пиратах, индейцах и благородных грабителях. И после окончания школы, вместо того, чтобы выполнять скромную и скучную работу, он отправился в портовый город Одесса, чтобы устроиться на работу моряком на каком-нибудь пароходе. Там выяснилось, что состояние здоровья молодого искателя приключений не оставляет надежд на исполнение его фантазий о морских странствиях⁹.

Но как далеко были эти путешествия от его мечты! Писатель пережил годы бродяжничества и нищеты, бродил по стране, хватаясь за каждую возможность получить кусок хлеба - охотясь, сплаваясь по реке, работая на золотых приисках или на барже-базаре ... Были дни, когда он должен был просить подаяния. Будучи полностью измученным борьбой за выживание.

Чувство протеста против социальной несправедливости и надежда на изменение общественного порядка заставили будущего писателя вступить в ряды революционеров. Сначала новые товарищи привлекли его к нелегальной пропаганде революционных идей, а затем предложили принять участие в террористическом акте. А. Грин, который с детства не терпел никаких форм насилия, отказался. С этого момента его увлечение политической деятельностью уменьшилось, и в итоге писатель потерял к ней интерес.

Активное сотрудничество с революционерами длилось не один год, плата за него продлилась на десятилетие, в течение которого А. Грин имел возможность посетить и заключенного, и изгнанника, и беглеца, и человека, живущего под чужим именем. Это был трудный период, по

8 Метелёва Н.В. Романтизм как признак инфантильности. Попытка литературного психоанализа личности Александра Грина // Бинобль. - Киров, 2000. № 6. 74 с.

9 Кудрин В.Б. Миры Александра Грина // Наука и Религия. 1993. № 9. 46 с.

сравнению с которым злоключения свободной жизни бродяг могли показаться захватывающим романтическим приключением. Но именно в этот период произошло главное событие в жизни А. Грина - он стал писателем.

По воле судьбы А. Грин своим литературным рождением был обязан непродолжительному участию в революционной борьбе. Однажды по поручению своих соратников он написал прокламацию. Прочитав ее, один из товарищей, Н. Быховский, сказал А. Грину: «... я думаю, вы могли бы быть хорошим писателем». «Эти слова, - сказал Александр Степанович, - как удар, толкнули мою душу, создавая в этом тайная, застенчивая мечта о будущем»¹⁰.

Он долгое время не знал, к чему стремиться, ощущал хаос и растерянность желаний. «У меня есть возможность остановиться на каком-то твердом решении относительно моего будущего: уже пережитое: море, бродяжничество, странствия показали мне, что это все еще не то, чего жаждала моя душа, но я не знал, что ей нужно. были не только толчком, они были светом, который освещал мой разум и тайные глубины моей души. Что я жажду, моя душа нашла свой путь. Это было похоже на первую любовь. Мне было стыдно даже за свои мысли по этому поводу, полагая, что для писателя это очень незначительно, я мало что знаю, мало что могу сделать и, возможно, нетерпеливо. Но похороненная истинная мысль не исчезла. Постепенно я начал понимать, что меня тянет писать всем своим существом, хотя я еще не понимал, как это произойдет»¹¹.

Это случилось само собой, во время пребывания Грина в севастопольской тюрьме. Через год после освобождения из тюрьмы он опубликовал несколько коротких рассказов, подписанных инициалами «ASG», а два года спустя опубликовал первую подборку своей прозы под названием «Шляпа-невидимка». Работы, включенные в нее, были написаны в основном в традиционном реалистическом ключе. Сам автор назвал их «историями, действие которых происходит в России»¹². Но через несколько лет Грин открыл свою Гренландию, а вместе с ней - свой собственный путь в русской литературе и новый способ достижения своей мечты.

В период с 1912 по 1917 год А.С. Грин много печатал, постепенно завоевывая все большую известность в кругах читателей. Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война разрушили едва налаженную творческую жизнь писателя. Был мобилизован в Красную Армию. Нетрудно представить, что должен был почувствовать созда-

10 Ковский В. Возвращение к Александру Грину // Вопросы литературы. 1981. № 10. 46 с.

11 Варламов А. Н. Александр Грин. Биография // А.Н. Варламов. - М.: ЭКСМО, 2010. 544 с.

12 Козлова Е.А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности / Е.А. Козлова. - Псков, 2004. 44 с.

тель прекрасной Гренландии, увидев вокруг себя картины братоубийственной бойни и неоправданных страданий.

В 1920 годы, несмотря на все трудности, вызванные разрушением после революции и формированием тоталитарного режима, писатель переживает самое счастливое время в своей жизни. За это десятилетие он написал самые яркие произведения, в том числе рассказ «Алые паруса», романы «Сияющий мир», «Бег по волнам» и т. д. В них перед зрителями снова и снова появлялись удивительные герои, обладающие силой их воображения, совершало чудеса. В те же годы Грин нашел спутника жизни, чья любовь, нежность и преданность вознаградили его душу за годы лишений.

Нина Николаевна бережно охраняла его труды и внутреннее равновесие, залечивала его раны, поддерживала горящий огонь романтики и мальчишеской веры в Сон. Эта женщина, пытаясь сделать жизнь своего мужа похожей на его сказки, она казалась возрожденной героиней лучших произведений Грина. Недаром друзья называли ее именами этих героинь, а сам писатель посвятил ей ее «Алые паруса». Вместе с Ниной Николаевной Грин поселился в Крыму - на берегу моря солнце и соленые ветры, которые очаровывали его с юных лет и послужили ему прообразом Гренландии.

Таким образом, можем констатировать, что за свою жизнь А.С. Грин не получил достойного признания. В начале своей творческой карьеры он столкнулся с отвращением литературных критиков. К сожалению, советская власть не приняла писателя Грина с его странным модернистским стилем, фантазиями и сказочными мотивами, далекими от жизни. Он не откликался на призыв эпохи, и эпоха отомстила ему. На темы дня он писать больше не умел, только на темы души, которая была не интересна советской власти.

Работал он много, но печатать его произведения перестали. А. Грин, который писал о вымышленных чужеродных землях и вымышленных чудачков, казался им своего рода «иностранцем русской литературы». Позже, в годы советской власти, писателю часто приходилось слышать обвинения в том, что его книги выводят читателя из жизни бороться с миром нереальных мечтаний и тем, что его герои слишком далеки от настоящего.

Фактически, работы А. Грина, изображающие импульсы, поиски и страдания романтической души в жестоком мире, не «отстали» от своей эпохи, но вместо этого поднялись над ней, вернув истинную ценность непреходящим духовным ценностям и укрепил веру человека в себя. Однако книги Грина, преодолев все препятствия, завоевали огромную армию поклонников, и его Гренландия стала важной частью континента русской культуры.

Споры вокруг темы о культуре и цивилизации в нашей стране в первых десятилетиях XX века были тесно связаны с мировыми тенденциями и политическими настроениями страны.

Как мы убедились на опыте А.С. Грина, проследить путь от культурной ангажированности к рефлексии культуры на блеск и нищету цивилизации в национальной традиции невозможно без привлечения контекстуальных и интертекстуальных основ: как в пределах одной дисциплины, так и междисциплинарных связях. Поэтому в отечественную традицию культурной рефлексии творческих личностей на блеск и нищету цивилизации первой половины XX столетия были включены художественные и литературные дискуссии по проблемам культуры. Одним из представителей таких дискуссий стал А.С. Грин.

References

- [1] Varlamov A.N. Alexander Green. Biography // A.N. Varlamov. - M.: EKSMO, 2010. 554 p.
- [2] Vdovin A. Mira A. Green // Ural. 2000. № 8. P. 172-177.
- [3] Green A.S. Sobr. Op. in 6 volumes. Volume 4 // A.S. Green - M.: True, 1980. 480 s.
- [4] Kovsky V. Return to Alexander Green // Literature Issues. 1981. № 10. 46 p.
- [5] Kovskiy V.E. Realists and Romantics: From the Creative Experience of Rus. owls classics: V. Bryusov, V. Mayakovsky, A. Tolstoy, A. Green, K. Paustovsky // V.E. Kovskiy. - M.: Fiction, 1990. 383 p.
- [6] Kozlova E.A. The principles of artistic generalization in A. Green's prose: the development of symbolic imagery // E.A. Kozlova. - Pskov, 2004. 44 p.
- [7] Kudrin V.B. Worlds of Alexander Green // Science and Religion. - 1993. № 9. 46 p.
- [8] Meteleva N.V. Romanticism as a sign of infantilism. An attempt of literary psychoanalysis of the personality of Alexander Green // Binoculars. - Kirov, 2000. № 6. 74 p.
- [9] Tarkovsky A. Sealed Time // URL: <http://tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/Statia1967.1.html> (December 09, 2019)
- [10] The philosophy of all-unity: From V.S. Soloviev to P.A. Florensky. - Novosibirsk: science. sib. Department, 1990. 48 p.

Библиографический список:

- [1] Варламов А.Н. Александр Грин. Биография // А.Н. Варламов. - М.: ЭКСМО, 2010. 544 с.
- [2] Вдовин А. Мир А. Грина // Урал. 2000. № 8. С. 172-177.
- [3] Грин А.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Том 4 // А.С. Грин. - М.: Правда, 1980. 480 с.
- [4] Ковский В. Возвращение к Александру Грину // Вопросы литературы. 1981. № 10. 46 с.
- [5] Ковский В.Е. Реалисты и романтики: Из творческого опыта рус. сов. классики: В. Брюсов, В. Маяковский, А. Толстой, А. Грин, К. Паустовский // В.Е. Ковский. - М.: Художественная литература, 1990. 383 с.
- [6] Козлова Е.А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности // Е.А. Козлова. - Псков, 2004. 44 с.
- [7] Кудрин В.Б. Мир Александра Грина // Наука и Религия. - 1993. № 9. 46 с.
- [8] Метелёва Н.В. Романтизм как признак инфантильности. Попытка литературного психоанализа личности Александра Грина // Бинокль. - Киров, 2000. № 6. 74 с.
- [9] Тарковский А. Запечатленное время // URL: <http://tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/Statia1967.1.html> (09 декабря 2019 года)
- [10] Философия всеединства: От В.С. Соловьёва к П.А. Флоренскому. - Новосибирск: наука. сиб. отд-ние, 1990. 48 с.

Bolshunov A.Y.

*Candidate of psychological sciences,
associate professor of the Department of Sociology,
History and Philosophy of the Financial University.*

Tyurikov A.G.

Doctor of Sociology, Professor, Head of the ORCID.

Bolshunova S.A.

*Researcher at the Department of Sociology,
History and Philosophy of the Financial University.*

Corporate culture as a tool for optimizing intercultural communications in international companies

Abstract. The concept and practices of corporate culture have emerged together with the internationalization of companies as a response to the challenges associated with the cultural diversity of staff, customers and partners. It was expected that the corporate culture allow forming a new supranational corporate identity and, thus, offsetting cultural differences among parent company staff and branches in other countries. It was also assumed that the «corporate identity» could be communicated to a wide range of foreign counterparties (customers, partners, suppliers, distributors, investors, etc.) and could be accepted by them. But over time, these expectations have not fully met. There are some areas that criticized the concept of corporate culture. The authors of the article defend the point of view, according to which the concept of corporate culture should be rethought in the direction of «intersubjective turn». Corporate culture should be associated with the concept and practices of «active intersubjectivity». This will allow forming adequate expectations from corporate culture among the management of international companies and effectively applying this management tool by companies.

Key words: corporate culture, social construction of reality, corporate identity, enactive intersubjectivity, participatory sense-making.

Большунов А.Я.

*Кандидат психологических наук,
доцент Департамента социологии, истории
и философии Финансового университета.*

Тюриков А.Г.

Доктор социологических наук, профессор, руководитель, ORCID.

Большунова С.А.

*Научный сотрудник Департамента социологии,
истории и философии Финансового университета.*

Корпоративная культура как инструмент оптимизации межкультурных коммуникаций в интернациональных компаниях

Аннотация. Понятие и практики корпоративной культуры возникли вместе с интернационализацией компаний как ответ на вызовы и проблемы, связанные с культурным разнообразием персонала, клиентов и партнёров. Ожидалось, что корпоративная культура позволяет сформировать новую наднациональную корпоративную идентичность и, тем самым, нивелировать культурные различия между персоналом материнской компании и филиалами, работающими на территориях других стран. Предполагалось, также, что «корпоративная идентичность» может быть сообщена широкому кругу иностранных контрагентов (клиентов, партнёров, поставщиков, дистрибьюторов, инвесторов и др.) и принята ими. Но со временем эти ожидания стали восприниматься скептически и возник ряд направлений критики концепции корпоративной культуры. Авторы статьи отстаивают точку зрения, согласно которой понятие корпоративной культуры должно быть переосмыслено в русле «интерсубъективного поворота» и связано с концептом и практиками «активной интерсубъективности». Это позволит сформировать адекватные ожидания в отношении корпоративной культуры у менеджмента интернациональных компаний и эффективно применять этот инструмент управления компаниями.

Ключевые слова: корпоративная культура, социальный конструктивизм, корпоративная идентичность, активная интерсубъективность, совместное создание смыслов.

Большунов А.Я.

Кандидат психологических наук,
доцент Департамента социологии, истории и философии
Финансового университета.

Тюриков А.Г.

Доктор социологических наук, профессор, руководитель, ORCID.

Большунова С.А.

Научный сотрудник Департамента социологии, истории и философии
Финансового университета.

**Корпоративная культура
как инструмент оптимизации
межкультурных коммуникаций
в интернациональных компаниях^{1,*}**

Происхождение и содержание понятия корпоративной культуры

Понятия «транснациональная корпорация» (ТНК) и «корпоративная культура» возникли синхронно в 70-ых годах XX века. В 70-ые годы началась «четвертая волна» интернационализации бизнеса и к концу XX века в мире действовало около 60 000 ТНК с более чем 500 000 филиалов (для сравнения перед началом второй мировой войны насчитывалось около 300 крупных интернациональных компаний). Одновременно росло число мультинациональных бизнес-команд. Бизнес впервые масштабно столкнулся с проблемой культурного разнообразия персонала и близких партнёров. Ответом на этот вызов стало понятие и развитие практик внедрения корпоративной культуры. «До 1970 г. лишь изредка и косвенно в литературе встречались упоминания об организационной или корпоративной культуре ... В 70-е годы мысль о том, что организации имеют свои 'культуры', высказывалась несколькими исследователями ... [и лишь] начало 80-х годов ознаменовалось возросшим интересом к организационной культуре, этой теме было по-

* © Большунов А.Я., Тюриков А.Г., Большунова С.А., 2020.

Корпоративная культура как инструмент оптимизации межкультурных коммуникаций в интернациональных компаниях

1 Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету 2020 г.

священо много публикаций, а культурологический подход выделился в качестве самостоятельного в теории организации»².

В 1973 году Клиффорд Гертц (Clifford Geertz) публикует фундаментальный труд «The Interpretation of Cultures»³, от которого ведут своё происхождение теории организационной и корпоративной культуры. К. Гертц указывает, что его подход включает две основных идеи. Первая состоит в том, что культуру следует рассматривать не как комплекс конкретных моделей поведения - обычаев, традиций, норм и т.п., но как набор механизмов управления поведением, подобных компьютерным программам. Вторая идея состоит в том, что человек - это животное, которое «отчаянно зависит от экстрагенетических ... механизмов контроля - культурных программ, упорядочивающих его поведение»⁴. К. Гертц подчёркивает, что нет докультурной сущности человека, что человека вне культуры «незавершённое животное». Только вместе с «механизмами управления» (инсталлируемыми программами) возникают люди, и это всегда люди соответствующих культурных типов. При этом «программы», а вместе с ними и типы людей, могут создаваться (и в этом смысле подход К. Гертца может быть назван «антропотехническим»). При этом собственно культура, подобно компьютерным программам, остаётся за кадром (т.е. мы видим конкретные модели поведения, а не программы, которым эти модели обязаны своим существованием); программы же проявляются посредством интерпретаций, устанавливающих смысл тех или иных поведенческих моделей, норм, обычаев и пр.

От сказанного один шаг до идеи, что корпорации могут создавать культуры и людей, для которых корпоративная идентичность будет более значимой, чем национальная (своего рода «homo corporate», литературным примером которого является Эдди Уиллерс, герой капиталистической утопии Айн Рэнд «Атлант расправил плечи»).

В 1992 Kotter J.P. и Heskett J.L. определили корпоративную культуру как созданную социальную реальность⁵, связав, тем самым, понятие корпоративной культуры с социальным конструктивизмом П. Бергера и Т. Лукмана.

Одновременно с очерченными событиями (в конце 70-ых годов XX века) Б.Латур и его последователи приступили к «пересборке соци-

2 Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учеб. пособие. – М.: Логос, 2011. С. 75-75.

3 Geertz C. The Interpretation of Cultures. N.Y.: Basic Books, 1973. 478 p.

4 Там же, 44 с.

5 John P. Kotter, James L. Heskett. Corporate culture and performance / New York: Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan Canada; New York: Maxwell Macmillan International, 1992. - 214 p (искусственно созданная социальная реальность)

Рис. 1. Основные концептуальные модули корпоративной культуры.

ального», обосновываемой акторно-сетевой теорией (АСТ).

В практиках формирования и внедрения «корпоративных культур» сошлись, в конечном итоге, антропология К.Гертца, социальный конструктивизм и АСТ (рис. 1).

Выразительным примером такого синтеза является McDonald's и «макдональдизация общества»⁶. Во-первых, McDonald's представляет собой сеть (ризому), в узлах которой жестко воспроизводится стандартная, не допускающая модификаций, акторная (актантная) модель деятельности. «У макдональдизации, - пишет Д. Ритцер, - налицо все признаки крайне безжалостного процесса, сметающего на своем пути все казавшиеся неуязвимыми институты (например, религию) и подминающего под себя все области (европейские страны, такие как Франция) мира»⁷, т.е. черты осуществляемой АСТ «пересборки социального».

⁶ Ритцер Д. Макдональдизация общества. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.

⁷ Ритцер Д. Макдональдизация общества. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 52 с.

Во-вторых, акторные модели с закрепляющими их нормами, стандартами, способами администрирования и пр. должны быть наделены смыслом (т.е., по П. Бергеру и Т. Лукману, легитимированы). Сочленение легитимации (смысла) с безразличными к «высоким» смыслам «прагматичными» акторно-сетевыми структурами ведёт к удивительным сочетаниям рациональности и иррациональности⁸. «Для многих людей в мире, - пишет Д.Ритцер, - 'Макдональдс' стал сакральным институтом. ... Торговые моллы, которые почти всегда заключают в себе рестораны фаст-фуда, являются современными 'храмами потребления', в которых люди практикуют свою 'потребительскую религию'. Равным образом, посещение другого элемента макдональдизированного общества, «Walt Disney World», описывается как "хадж для среднего класса, обязательное паломничество в высушенный на солнце священный город"⁹. Под этот покров сакральности должен быть помещён не только персонал и клиенты, но, по возможности, все контрагенты компании: инвесторы, поставщики, дистрибьюторы, партнеры, правительства, и местные, национальные и международные общественные группы^{10, 11}.

В-третьих, насколько бы ни были машинными (в смысле Б. Латура) акторные модели, корпорации имеют дело с людьми и их отношениями, т.е. с социальными системами, которые, согласно П. Бурдьё, функционируют в «логике признания». Поэтому корпорации должны предлагать персоналу и контрагентам «социальные игры» в признание принадлежности к корпоративному сообществу, в признание индивидуальности (незаменимости), самости (само-реализация, само-оценка, само-чувствие и пр.) и субъектности (игры в участие в управлении). Так McDonald's в рекламных компаниях обещает потенциальным сотрудникам «дружную команду» (принадлежность), обучение и карьерный рост (субъектность), различные корпоративные мероприятия, например «Весёлые игры», в которых сотрудники могут проявить индивидуальность и т.д.

Очерченный подход делает транснациональные компании подобиями орденов, тайных обществ, братств (которые по Й. Хейзинга являются образцами социальных игр), вследствие чего ТНК ассоциируются обывателями с «мировыми правительствами», «мировыми заговорами» и пр.

8 Там же, 355 с.

9 Там же, 65 с.

10 Hatch M.J., Taking M.S. Brand Initiative: How Companies Can Align Strategy, Culture, and Identity Through Corporate Branding. - John Wiley & Sons, 2008. 288 p.

11 De Jaegher H., Di Paolo E. Making Sense in Participation: An Enactive Approach to Social Cognition. - Enacting Intersubjectivity F. Morganti et al. (Eds.) IOS Press, 2008. P. 33-47.

Критика концепции корпоративной культуры

Неудивительно, что транснациональные компании с оптимизмом взялись за разработку и внедрение корпоративных культур: формирование механизмов интеграции персонала филиалов транснациональных компаний и оптимизация межкультурных коммуникаций являются центральной задачей управления персоналом в интернациональных компаниях¹². Но сегодня энтузиазм иссякает. «Насколько оправданы все эти усилия? - вопрошают В. Дороу и С. Блазеевски, - К чему приводит внедрение корпоративных ценностей на практике? Воспринимаются ли корпоративные ценности работниками, особенно в дочерних компаниях, или они отторгаются? ... Результаты осуществленных авторами эмпирических исследований показали, что многие из введенных инструментов презентации и распространения корпоративных ценностей не достигают своей цели. Более того, ... они способны оказывать контрпродуктивное действие. ... Руководство компаний не отдает себе отчета в трудностях, возникающих с персоналом подразделений (филиалов) фирмы, который работает на территории других стран»¹³.

В.Дороу и С.Блазеевски указывают, что сегодня критика концепции корпоративной культуры ведётся с нескольких позиций. Скептики, во-первых, сомневаются, что корпоративные ценности способны преодолеть разнородность и стабильность национальных культур. Например, Schein E.H.¹⁴ указывает, что базовая культурная идентичность формируется в детстве, в процессе первичной социализации, и мысль, что эту базовую идентичность можно заместить фантомом «корпоративной культуры» утопична. Во-вторых, корпоративные ценности воспринимаются как доминирование материнской компании. В-третьих, «глобальная конвергенция ценностей и норм поведения в рамках транснациональной корпорации практически не обнаруживает себя»¹⁵. Даже принимая во внимание культурные различия, материн-

12 Иолкин Д.А. Совершенствование систем управления персоналом в транснациональных корпорациях в условиях глобализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук, М., 2014. 174 с.

13 Дороу В., Блазеевски С. Проблемы внедрения кодекса корпоративных ценностей: практика транснациональных корпораций // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2008. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-vnedreniya-kodeksakorporativnyh-tsennostey-praktika-transnatsionalnyh-korporatsiy>

14 Schein E. H. Process consultation, action research and clinical inquiry: Are they the same? // Journal of Managerial Psychology. 1995. № 10 (6). P. 14–19.

15 Дороу В., Блазеевски С. Проблемы внедрения кодекса корпоративных ценностей: практика транснациональных корпораций // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2008. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-vnedreniya-kodeksakorporativnyh-tsennostey-praktika-transnatsionalnyh-korporatsiy>. 104 с.

ские компании интерпретируют их в логике своих культур, и в этом смысле отношения между культурами в интернациональных компаниях остаётся асимметричным. Примером является интерпретация потребностей сотрудников в самосовершенствовании (Sedikides C., Toguchi Y., Gaertner L.). Авторы признают, что в индивидуалистических (Запад) и коллективистских (Восток) культурах самосовершенствование понимается различно. На Западе совершенство ассоциируется с превосходством, «самовозвеличиванием», выделением себя из «фона», а на Востоке с принадлежностью к группе, интеграцией, вследствие чего «японцы самокритикуют, а не самопревозносят»¹⁶. Соотнося эти «тактики», авторы приходят к выводу что «западная» является открытой (первичной), а восточная закрытой (превращённой, вторичной). И американцы, и японцы, пишут они, стремятся к превосходству, но первые делают это открыто, а вторые замаскированно (в ссылке: «японцы хотят 'величия', но ... юлят»). Авторы не замечают, что эти тактики можно с таким же успехом интерпретировать так, что восточный тип (идеал совершенного человека как «естественного», т.е. такого, какой он есть в своей принадлежности к «миру людей», сообществу) является первичным, а западное «стремление выделиться», т.е. быть больше человеком, чем другие, не более, чем превращённая форма совершенствования. Таким образом, хотя на уровне поведенческих образцов признаётся разнообразие, на уровне интерпретаций (вспомним К.Гертца) сохраняется западная культурная доминанта.

В-четвертых, концепция корпоративной культуры критикуется с позиций теории необходимого разнообразия У.Р.Эшби: с этой точки зрения интернациональная компания должна ценить культурное разнообразие сотрудников и использовать его как свой ресурс, а не пытаться унифицировать сотрудников.

Новый подход к понятию и практикам корпоративной культуры

Следует ли из сказанного, что понятие корпоративной культуры следует отправить в архив? Нет. Что бы ни говорили скептики, исследования показывают, что компании, предпринимавшие усилия для внедрения корпоративной культуры оказываются более успешными, чем компании, не предпринимавшие таких усилий. Чем объясняется этот факт, если скептики правы? Чтобы ответить на этот вопрос, феномен корпоративной культуры следует переосмыслить в русле ново-

16 Sedikides C., Toguchi Y., Gaertner L. Pancultural Self-Enhancement. // URL: https://www.academia.edu/28746665/Pancultural_self-enhancement

го подхода к культуре, получившего название «интерсубъективного поворота» («intersubjective turn», Hanne De Jaegher). Этот поворот вводит понятие активной (деятельностной) интерсубъективности (enactive intersubjectivity) как специфического пространства совместного создания людьми смыслов и связанного с производством смыслов со-изменения людей¹⁷. Пространство активной интерсубъективности не притязает на базовую культурную идентичность, но открывает новые области создания смысла, которые не были доступны участникам по одиночке, и образует особую относительно автономную область со своими собственными свойствами, модулирующими индивидуальное поведение¹⁸. Более того, практики активной интерсубъективности воздействуют базовые культурные различия как ресурс смыслообразования. При этом корпоративная культура, понимаемая как пространство активной интерсубъективности, не может быть придумана кем-либо (менеджерами, консультантами, какими-либо специалистами и т.п.). Она то, что создаётся в отношениях между людьми и существует в отношениях между людьми, а не в их головах. Компания, которая стремится сформировать корпоративную культуру, должна строить себя как пространство активной интерсубъективности, внедрять практики активной интерсубъективности, включая в это пространство и его смыслообразующие процессы не только персонал, но и клиентов, партнёров, иных контрагентов.

References

- [1] De Jaegher H., Di Paolo E. Making Sense in Participation: An Enactive Approach to Social Cognition. - Enacting Intersubjectivity F. Morganti et al. (Eds.) IOS Press, 2008. P. 33-47.
- [2] Fuchs T., De Jaegher H. Enactive intersubjectivity: Participatory sense-making and mutual incorporation. // URL: https://www.academia.edu/11325878/Enactive_intersubjectivity_Participatory_sensemaking_and_mutual_incorporation
- [3] Geertz C. The Interpretation of Cultures. N.Y.: Basic Books, 1973. 478 p.
- [4] Hatch M.J., Taking M.S. Brand Initiative: How Companies Can Align Strategy, Culture, and Identity Through Corporate Branding. - John Wiley & Sons, 2008. 288 p.
- [5] John P. Kotter, James L. Heskett. Corporate culture and performance / New York: Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan Canada; New York: Maxwell Macmillan International, 1992. 214 p.
- [6] Schein E. H. Process consultation, action research and clinical inquiry: Are they the same? // Journal of Managerial Psychology. 1995. № 10 (6). P. 14-19.
- [7] Sedikides C., Toguchi Y., Gaertner L. Pancultural Self-Enhancement. // URL: https://www.academia.edu/28746665/Pancultural_self-enhancement

17 De Jaegher H., Di Paolo E. Making Sense in Participation: An Enactive Approach to Social Cognition. - Enacting Intersubjectivity F. Morganti et al. (Eds.) IOS Press, 2008. P. 33-47.

18 Fuchs T., De Jaegher H. Enactive intersubjectivity: Participatory sense-making and mutual incorporation. // URL: https://www.academia.edu/11325878/Enactive_intersubjectivity_Participatory_sensemaking_and_mutual_incorporation

- [8] Dorow V., Blazeevsky S. Problems of implementing the code of corporate values: the practice of transnational corporations // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 5: Economics. 2008. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vnedreniya-kodeksa-korporativnyh-tsennostey-praktika-transnatsionalnyh-korporatsiy>. 104 p.
- [9] Iolkin D.A. Improving personnel management systems in transnational corporations in the context of globalization. The dissertation for the degree of candidate of economic sciences, M., 2014. 174 p.
- [10] Persikova T.N. Intercultural communication and corporate culture: textbook. allowance. - M.: Logos, 2011. P. 75-75.
- [11] Ritz D. MacDonaldization of society. - M.: Praxis Publishing and Consulting Group, 2011. 592 p.

Библиографический список:

- [1] De Jaegher H., Di Paolo E. Making Sense in Participation: An Enactive Approach to Social Cognition. - Enacting Intersubjectivity F. Morganti et al. (Eds.) IOS Press, 2008. P. 33-47.
- [2] Fuchs T., De Jaegher H. Enactive intersubjectivity: Participatory sense-making and mutual incorporation. // URL: https://www.academia.edu/11325878/Enactive_intersubjectivity_Participatory_sensemaking_and_mutual_incorporation
- [3] Geertz C. The Interpretation of Cultures. N.Y.: Basic Books, 1973. 478 p.
- [4] Hatch M.J., Taking M.S. Brand Initiative: How Companies Can Align Strategy, Culture, and Identity Through Corporate Branding. - John Wiley & Sons, 2008. 288 p.
- [5] John P. Kotter, James L. Heskett. Corporate culture and performance / New York: Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan Canada; New York: Maxwell Macmillan International, 1992. 214 p.
- [6] Schein E. H. Process consultation, action research and clinical inquiry: Are they the same? // Journal of Managerial Psychology. 1995. № 10 (6). P. 14-19.
- [7] Sedikides C., Toguchi Y., Gaertner L. Pancultural Self-Enhancement. // URL: https://www.academia.edu/28746665/Pancultural_self-enhancement
- [8] Дорой В., Блазеевски С. Проблемы внедрения кодекса корпоративных ценностей: практика транснациональных корпораций // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2008. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vnedreniya-kodeksa-korporativnyh-tsennostey-praktika-transnatsionalnyh-korporatsiy>. 104 с.
- [9] Иолкин Д.А. Совершенствование систем управления персоналом в транснациональных корпорациях в условиях глобализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук, М., 2014. 174 с.
- [10] Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учеб. пособие. – М.: Логос, 2011. С. 75-75.
- [11] Ритцер Д. Макдональдизация общества. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.

Bychkova E.S.

Master of Linguistics, teacher of English, School 1208, Moscow.

Stanchuliak T.G.

*Candidate of philological sciences (PhD in Philology),
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages,
Peoples' Friendship University of Russia.*

Nagornova E.V.

*Candidate of philological sciences (PhD in Philology), Associate Professor of the
Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign
Languages, Peoples' Friendship University of Russia.*

The specifics of the use of phraseological units in journalistic texts (in English)

Abstract. The article reflects the results of the research which aimed at studying the specifics of phraseological unit usage in British and American periodical press as well as at determining their evaluative, emotional and expressive impact on the reader by means of created expressive-content images. The specifics of the phraseological units usage is presented from two angles. The first one considers functioning of the so-called "dictionary" phraseological units whose component and structural content does not undergo any changes in the process of their usage. The second one studies the expressive potential of phraseological units which go through some lexical and/or grammatical transformations which are a result of a contextual necessity in creating a needed expressive content connotation.

Key words: phraseological unit, phraseological unit functions, expressive function, phraseological unit transformations, publicistic writing.

Бычкова Е.С.

Магистр лингвистики, учитель английского языка,
ГБОУ города Москвы школа №1208
имени Героя Советского Союза М.С. Шумилова.

Станчуляк Т.Г.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ
(Институт иностранных языков) РУДН
(Российский университет дружбы народов).

Нагорнова Е.В.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ
(Институт иностранных языков) РУДН
(Российский университет дружбы народов).

**Специфика употребления фразеологизмов в публицистических текстах
(на материале английского языка)**

Аннотация. Статья отражает результаты исследования, целью которого являлось изучение особенностей использования фразеологических выражений в английской и американской публицистике, наряду с определением их оценочного, эмоционального и экспрессивного воздействия на читателей посредством создаваемых ими содержательно-экспрессивных образов. Рассмотрение специфики использования фразеологизмов проводится в двух направлениях. В рамках первого направления изучаются особенности функционирования актуализированных «словарных» фразеологизмов, компонентно-структурное содержание которых не подвергается изменениям в процессе использования. Второе направление исследует экспрессивный потенциал фразеологизмов, претерпевших различного рода лексико-грамматические трансформации, явившиеся результатом контекстуально-детерминированной потребности в создании необходимых содержательно-экспрессивных коннотаций.

Ключевые слова: фразеологизм, функции фразеологических единиц, экспрессивная функция, трансформация фразеологизмов, публицистика.

Бычкова Е.С.

Магистр лингвистики, учитель английского языка,
ГБОУ города Москвы школа №1208 имени Героя Советского Союза М.С. Шумилова.

Станчуляк Т.Г.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории
и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков)
РУДН (Российский университет дружбы народов).

Нагорнова Е.В.

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории
и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков)
РУДН (Российский университет дружбы народов).

Специфика употребления фразеологизмов в публицистических текстах (на материале английского языка)*

Введение

Исследования в области контекстуального использования фразеологизмов небезосновательно являются одним из интереснейших направлений современной лингвистики. При этом наиболее популярным и интересным для анализа контекстом употребления фразеологических единиц выступают тексты средств массовой информации и пропаганды, поскольку именно в них в полной мере проявляется публицистический стиль, во всем многообразии его лексических, фразеологических, грамматических и стилистических ресурсов.

Многие специалисты в области стилистики и журналистики утверждают, что основным конструктивным принципом языка газеты является диалектическое сочетание стандарта и экспрессии. Это обусловлено такими функциональными особенностями публицистической литературы, как информационная и прагматическая, но также и тем, что язык публицистики должен быть коммуникативным, то есть ясным, выразительным, кратким и точным.

Важным источником экспрессивно-эмоциональной и, как следствие, воздействующей насыщенности публицистического текста становятся фразеологические единицы. Данные устойчивые языковые сочетания

* © Бычкова Е.С., Станчуляк Т.Г., Нагорнова Е.В., 2020.

Специфика употребления фразеологизмов в публицистических текстах (на материале английского языка)

выступают в качестве практически обязательного стилистического компонента публицистического языка, а также средства реализации конструктивно-стилевых особенностей стиля газеты. Они наполняют публицистические тексты определенной воздействующей силой, передавая отношение и оценку автора, а также помогая создавать специфическую образность [2, с. 280].

2. Цели исследования

Цель исследования может быть определена как выявление специфики использования и функционирования фразеологических единиц на страницах американской и английской прессы с целью воздействия на читателя. Материалом исследования послужили тексты газетных и журнальных американских и английских изданий (Business Standard, Business Times, Dailymail, Dailystar, Financial Times, Independent, New York Times, Press and Journal, the Telegraph, the Times и др.), тексты публицистических и научных изданий, а также толковые, синонимические, фразеологические словари, словари пословиц и поговорок.

3. Методология

Цель работы определила выбор следующих методов анализа: дискурсный анализ, позволяющий раскрыть функциональные особенности фразеологизмов и публицистики в научном и обыденном сознании; метод анализа словарных дефиниций с применением элементов компонентного анализа; интерпретативный анализ, раскрывающий особенности употребления фразеологизмов в средствах массовой информации; контекстологический метод, благодаря которому можно дать оценку успешности использования трансформации фразеологизмов в публицистике; индуктивный метод, позволяющий сделать общие выводы о реализации экспрессивной функции фразеологических единиц на основе частного анализа выбранных публицистических текстов.

4. Полученные данные

Стоит заметить, что как английская, так и американская пресса изобилует лексикой подобного рода, что легко объясняется прагматическими задачами прессы и, как следствие, её стремлением к экспрессии в языке.

Так, существует популярный в Америке фразеологизм *to pull no punches* (беспощадно критиковать, разносить, не стесняться в выражениях). Для носителей языка данное выражение имеет значение *to deal with something honestly without hiding anything*. Как показало наблюдение, данный фразеологизм, может быть использован в разных сферах публицистики. Например, выражение фигурирует в тексте политиче-

ской направленности:

*Macron Opens Year **Pulling No Punches** With Journalists, or Anyone. President Emmanuel Macron of France delivering his New Year's wishes to the press at the Elysee Palace in Paris on Wednesday. He took the occasion to lecture them [13].*

Нередко данное выражение можно встретить в статьях о социальных проблемах, экономических и бизнес новостях:

*British Airways boss Willie Walsh **pulls no punches** in a column in the company's staff magazine, accusing the Unite union of trying to "destroy us" with industrial action [7].*

Статьи развлекательного характера не являются исключением и также могут содержать в себе данный фразеологизм:

*DVD review: actor rod taylor, former boxer and lifesaver, **pulls no punches** [9].*

Встретить данную фразеологическую единицу можно и в спортивных новостных изданиях:

*Gonzaga coach **pulls no punches**: 'I coach fighters'. The Gonzaga Bulldogs defeated Western Illinois 80-65 in non-conference finale between two strong mid-major teams [8].*

Стоит отметить, что выражение *to pull no punches* звучит довольно жёстко и в связи с этим может ярко выражать отношение автора к ситуации. Из приведенного выше примера использования данного выражения в политической статье газеты New York Times видно, что автор негативно оценивает поведение президента Франции с журналистами. Во второй статье за счет фразеологизма подчеркивается негативная оценка деятельности Британских авиалиний по отношению к конкурентам. Очевидно, что, если бы автор использовал более нейтральное выражение или любое иное слово с нейтрально-экспрессивной коннотацией, то высказывание не имело бы такого большого экспрессивно-оценочного эффекта.

То же можно сказать и о других примерах употребления данного фразеологизма. Статьи спортивного характера сами по себе достаточно эмоциональны, и использование фразеологизмов делает их более интересными и утонченными. По употреблению выбранного выражения в статье о спорте становится очевидна строгость натуры тренера спортивной сборной, а именно то, что он может беспощадно критиковать своих игроков, серьезно относиться к своей работе, что и приводит в итоге к победе его команды в матче.

Экспрессивная функция фразеологизмов может заключаться в усилении драматического эффекта высказывания. Зачастую употребление слов с нейтральной коннотацией не приводит к нужной степени выразительности, и поэтому авторы прибегают к использованию устойчивых выражений. Рассмотрим выражение с семантикой переживания се-

рѐзных финансовых затруднений. В английском языке фразеологизм *make (both) ends meet* имеет значение *to have just enough money to pay for the things that you need* [4]. Неоспорим тот факт, что использование подобного выражения в публицистике насыщает текст дополнительным спектром эмоций и позволяет читателям в полной мере оценить степень сложности ситуации. В издании *Tennessean* можно заметить следующий заголовок:

*TBI overspent its budget for 4 years, using savings **to make ends meet**, report says* [16].

Автор использует данное выражение в заголовке не только для более емкого выражения мысли о том, что траты бюро расследований штата Теннесси были превышены, в результате чего данный правительственный орган имеет большие финансовые проблемы, но и приводит к наиболее драматизации ситуации. Читатели понимают, что ситуация не просто неудовлетворительная, но даже критическая. Заголовки, содержащие в себе фразеологизмы, добавляют «живой элемент» в газету. От серьезных заголовков читатель переключается на более близкие, простые и понятные ему темы, что вызывает его неподдельный интерес.

В качестве аналогичного примера обратим внимание на статью из журнала *Manchester Evening News*:

*No matter how badly they treat us, or frustrated we get, we just keep going - mental health nurse reveals the effect of A&E pressures on frontline staff. We're working longer shifts, working more days just **to make ends meet**. And the sad truth is people are leaving A&E because it is too much* [18].

Анализируя данный пример со стилистической точки зрения, можно сказать, что фразеологизм *to make ends meet* становится неразрывным звеном градации, нарастания напряжения, неким завершающим элементом, который содержит в себе самый яркий экспрессивный потенциал.

Довольно искусным методом влияния на читателя является использование нескольких фразеологизмов в одном высказывании. «Сращивание» нескольких различных фразеологических единиц в единый неологизм можно назвать наивысшей степенью мастерства автора.

Обратим внимание на следующую статью из газеты *The Times*:

*It is probably unfair to conclude that more than half of them are crooks – some of the mistakes were inadvertent – but that will be the belief of many people outside the political class who do not have a taxpayers' **pot of gold to dip into to make ends meet*** [6].

В выделенном выражении можно отметить такие фразеологизмы как *pot of gold*, *to dip into* и уже описанный нами ранее *to make ends meet*. В данном контексте это выражение означает, что не все политики имеют доступ к золотой жиле, состоящей из поступлений от налогоплательщи-

ков. Даже самый искушенный читатель не сможет не оценить уровень профессионализма автора. Мастерское использование сразу трех фразеологизмов подряд приводит к получению многостороннего эффекта. Происходит усиление экспрессивной составляющей высказывания, которое также включает в себя, с одной стороны, изысканную метафоричность, а, с другой, явную иронию по отношению к сложившейся ситуации.

Различные устойчивые выражения позволяют ярко описать явление, привлечь к нему внимание читателя. Они образны и в некоторых примерах их содержание сохраняет часть прямого смысла, связанного с происхождением. В свою очередь новое, переносное значение расширяет семантический объем высказывания. В качестве примера рассмотрим использование выражения *keep somebody in the dark* с значением «держать кого-то в неведении, скрывать что-либо» в газете Independent:

*The workforces **have been kept in the dark** too long. Specific questions have been put to Ms Rosenfeld by our European colleagues, including will the take-over lead to the closure of existing plants and will there be lay-offs?* [17].

Очевидно, что, используя автор более нейтральные слова для выражения значения «скрывать», высказывание не имело бы особого подтекста и не оказывало бы сильного влияния на читателя. Так, аудитория понимает, что ситуация очень не простая и, возможно, некоторые из читателей могут прочувствовать тень негативной оценки данной ситуации со стороны автора. В следующем примере из издания Bloomberg также прослеживается эффект подобного влияния на читателя при помощи выбранного фразеологизма:

*Uber's Secret Tool for **Keeping the Cops in the Dark**. At least two dozen times, the San Francisco headquarters locked down equipment in foreign offices to shield files from police raids* [19].

Приведенные выше примеры демонстрируют актуализацию «словарных» фразеологизмов в публицистике, то есть использование их без изменения формы и содержания в особым образом организованном контексте, в результате чего актуализируется их семантика (денотативные и коннотативные семы) и происходит привлечение внимания читателя к значению фразеологизма.

Однако стоит отметить на тот факт, что зачастую фразеологизмы подвергаются трансформациям. Трансформация фразеологизмов – явление, вызывающее интерес не только у читателей, но и лингвистов. Использовать различные виды трансформации в текстах статей способны немногие авторы, т.к. сделать это довольно непросто. Вместе с тем, такой стилистический прием будет иметь особое воздействие на аудиторию.

Дело в том, что использование фразеологизмов в их привычной (словарной) форме, с присущим им значением, не всегда создает нуж-

ный эффект. Поэтому их употребление писателями и журналистами зачастую является творческим. Устойчивые выражения могут фигурировать как без изменений, так и в трансформированном виде, т.е. с другим значением и/или структурой. Как следствие, такие высказывания будут обладать новыми экспрессивно-стилистическими свойствами.

В ходе анализа были проанализированы следующие виды трансформации фразеологизмов:

- семантические (дефразеологизация выражений);
- лексические, включающие в себя замены или перестановки компонентов фразеологизма;
- синтаксические, содержащие в себе редукцию или добавление неких компонентов во фразеологизмы и аллюзию;
- морфологические, которые в свою очередь разделяются на модификацию артиклей, числа существительных, временных форм глаголов внутри фразеологических выражений.

Рассмотрим наиболее распространённые виды трансформации.

В английском языке существует достаточно интересное выражение *heavy hitter*, которое имеет значение *someone who is powerful and has achieved a lot* [3]. Трансформированное значение данного фразеологизма отлично подошло для спортивной статьи о боксе:

*FLASHY Brit boxer Tyson Fury has showed off his swanky new mansion as he embarks on the comeback trail. The **heavy hitter** has faced a turbulent time as he admitted using cocaine to battle depression following the Klitschko fight* [11].

В данном примере выражение *heavy hitter* означает не только человека, добившегося больших высот. Поскольку Тайсон Фьюри является борцом в тяжелой весовой категории, то возникает возможность использования данного выражения с двойным значением. Нужно отметить, что важную роль при выявлении семантических преобразований имеет контекст. Внеконтекстуально говорить о семантических трансформациях фразеологизмов невозможно.

Дефразеологизация обладает большим эмоционально-экспрессивным потенциалом. Она может шокировать читателя неожиданным прочтением исходного фразеологизма. Она оказывает сильное влияние на восприятие текста читателем, обманывая его первичные ассоциации. Именно поэтому такой вид трансформации рассчитан на максимальный прагматический эффект.

Следующий вид трансформации состоит в том, что фразеологизм приобретает дополнительный новый смысл в результате изменений в своем компонентном составе, при этом сохраняется синтаксическая структура фразеологизма. Такие изменения называются лексическими, и в них входят замены или перестановки компонентов фразеологизма.

Например, в английском языке существует выражение *to kindle the flame of something*, которое означает «зажечь огонь чего-либо». В американском издании Business Standard один из компонентов данного выражения был заменен на другое слово:

The party is attempting to kindle the feeling of Gujarati pride among the state voters with 'Gaurav Yatra' [14].

Таким образом, произошла лексическая замена второй части фразеологической единицы. Такой вид трансформации используется для создания более тесной связи семантики фразеологизма с тематикой текста, при этом общее значение выражения остается прежним, оно лишь дополняется новым смысловым оттенком.

Синтаксические трансформации фразеологизмов, такие как редукция, добавление компонентов, аллюзия и др. являются наиболее распространенными в публицистике, они позволяют удлинять, укорачивать или изменять синтаксическую структуру выражения [1]. Примером редукции может служить опущение какого-либо элемента фразеологизма (чаще всего глагола), при этом семантика выражения не подвергается изменениям:

Voices this loud and well organised on the water question should not be met with deaf ears [15].

Словосочетание *deaf ears* является частью фразеологизма *to fall on deaf ears*, значение которого интерпретируется как «быть проигнорированным, оставаться без внимания». Именно в редуцированной форме данная фразеологическая единица может означать конкретных людей, игнорирующих просьбы других. Интересно, что форма фразеологизма меняется, он переходит в категорию другой части речи, но его содержательная основа остается прежней.

Аллюзия фразеологизма отличается от аллюзии в стилистике. В данном случае модифицированные фразеологизмы создаются по подобию исходных устойчивых выражений, сохраняют их форму и общий смысл. Синтаксическая структура выражения может сохраняться. Аллюзия максимально имплицитно передает смысл исходного фразеологизма в структуре и семантику модифицированной фразеологической единицы. Так, реципиентам, знакомым с выражением *old-boy network*, означающим «круг бывших одноклассников», не составит труда идентифицировать аллюзию в следующем отрывке:

*There are many young representatives in both parties who can move our country forward and break us from this **old-boy power club** [5].*

В данном контексте выражение *old-boy power club* означает группу чиновников, которые уже много лет стоят у власти и не дают молодым представителям занять свои места. Как можно заметить, от публициста требуется языковое мастерство, чтобы искусно «завуалировать» выра-

жение. При этом эффект от подобного приема является особенно ярким и сильным, так как в ходе «расшифровки» намек автора, читатель получает эмоциональный заряд и удовлетворение от проведённой им образно-мыслительной работы.

Обращение к фразеологизмам, подверженным подобному типу трансформации, делает статью в несколько раз выразительнее, а заголовки привлекательнее для читателя.

В целом, употребление аллюзий в публицистических текстах придаёт статьям целостность и законченность, что означает важную роль данного типа трансформации в эстетической стороне текста. Аллюзивное выражение выступает как символ ситуационной модели. С помощью ассоциаций читатель соотносит данное выражение с контекстом и получает эстетическое удовольствие от прочтения статьи в целом.

К морфологическим трансформациям можно отнести изменения в грамматическом аспекте фразеологического значения. Окказиональные морфологические изменения затрагивают все части речи, как следствие, это ведёт к преобразованию семантики выражения через такие изменения, как: модификация артиклей, числа существительных, временные формы глаголов и др. Например:

KIPP student Josue Canales, flanked by KIPP teachers Kelsey Sanders, left, and Maddison Holmes, is all smile as the charter school starts another academic year [10].

Выражение *is all smile*, означающее «иметь очень довольный вид, сиять» использовано с небольшим искажением вида оригинального фразеологизма, т.к. в исходном варианте он выглядит как *to be all smiles*, т.е. с употреблением слова *smile* во множественном числе.

Еще одним достаточно частым явлением может быть изменение глагольной формы фразеологизма. Например, в исходном виде английское выражение «растопить лёд, улучшить отношения» звучит как *to break the ice*, но авторы могут преобразовать выражение и из активного залога сделать его пассивным:

I breathe a sigh of relief. The ice is broken. We are on friendly terms. It works at check-in too [12].

Стоит отметить, что морфологические изменения фразеологизмов не несут в себе как таковой стилистической и эмоционально-экспрессивной ценности, но, несмотря на это, данный вид трансформации важен для изучения, поскольку именно благодаря ему фразеологизмы корректно «вживляются» в контекст с грамматической точки зрения и зачастую позволяют уточнять или подчеркивать важные элементы текста, подлежащие особому содержательному выделению.

Следует заметить, что трансформация фразеологизмов – явление

очень распространённое в публицистике. Как было отмечено ранее, любая трансформация уже устоявшихся, исторически сложившихся выражений всегда вызывает интерес у читателей. Она не только привлекает внимание, но и в большинстве случаев заставляет читателя не просто извлечь информацию из статьи, а поразмыслить над ней, расшифровать код, вложенный автором в преобразованные фразеологические выражения. В результате такой «мозговой атаки» читатели получают удовлетворение от статьи и используемого в ней языка. Посредством модифицированных фразеологизмов, так же как и с помощью фразеологизмов, которые сохраняют свой исторический (словарный) вид, автор может выражать свою оценку ситуации, добавляя особые оттенки сарказма или иронии.

5. Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, можно выделить следующие основные выводы:

1. Использование образной фразеологии одновременно реализует коммуникативную (передача фактуально-содержательной информации) функцию и экспрессивно-оценочную функцию, т.е. функцию передачи авторской позиции по поводу освещаемой ситуации.

2. Употребление одной и той же фразеологической единицы в статьях, относящихся к разным типам (социальные, экономические, политические и т.д.), преследует различные цели, может отображать разное настроение, передавать негативную оценку в одной статье и позитивную в другой.

3. Фразеологизмы в публицистике могут быть подвержены простой актуализации (употребление фразеологизмов без изменения формы и содержания в контексте, организованном особым образом) или трансформации (изменение фразеологизмов с сохранением их внутренней формы, но изменением значения и/или структуры). Трансформация уже имеющихся фразеологизмов является средством экономного и рационального использования языковых ресурсов.

4. Способы трансформации фразеологизмов разделяются на семантические (дефразеологизация), лексические (замены или перестановки компонентов фразеологизма), синтаксические (редукция, добавление компонентов, аллюзия) и морфологические (модификация артиклей, числа существительных, временные формы глаголов).

References

- [1] Abramicheva, E.N. The translation of transformed phraseological units (on the material of English language newspapers). – Sevastopol: SevNTU, 2010. Retrieved December, 02, 2010 (Абрамичева Е.Н. Перевод трансформированных фразеологических единиц (на материале англоязычных газет). – Севастополь: СевНТУ, 2010) // URL: <http://www.nbu.vg.uv/portal/natural/Vsntu/2010/filolog/102-SevNTU/102-28.pdf> (02.12.2017)

- [2] Klushina N.I. General specifics of the publicistic style // The language of the mass media. – Moscow: MSU, 2003. P. 275–289. (Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 275–289).
- [3] Cambridge Dictionary // URL: <https://dictionary.cambridge.org> (15.02.2018)
- [4] Macmillan Dictionary // URL: <https://www.macmillandictionary.com> (17.02.2018)
- [5] Barker J. Letter: Term limits would shut down 'old boy' network // Tri-City Herald. 2018. – January 25 // URL: <http://www.tri-cityherald.com/opinion/letters-to-the-editor/article196700554.html#storylink=cpy> (28.01.2018)
- [6] Bell M. The smell from Westminster hasn't gone away // The Times. – 2010. – February 5 // URL: <https://www.thetimes.co.uk/archives/2010/february/the-smell-from-westminster-hasn-t-gone-away/> (18.02.2018)
- [7] Business Diary: Walsh asks staff to sign up for battle // The Independent. – 2010. – February 4 // URL: <https://www.independent.co.uk/news/business/news/business-diary-walsh-asks-staff-to-sign-up-for-battle-1888889.html> (25.02.2018)
- [8] Case B. Gonzaga coach pulls no punches: 'I coach fighters' // Swish Appeal. – 2017. – December 22 // URL: <https://www.swishappeal.com/2017/12/22/16809506/gonzaga-coach-fighters-ncaa> (25.01.2018)
- [9] Caterson S. DVD Review: Actor Rod Taylor, Former Boxer And Lifesaver, Pulls No Punches // Daily Review. – 2018. – January 25 // URL: <https://dailyreview.com.au/dvd-review-rod-taylor/70783/> (28.01.2018)
- [10] Daily Item Staff: KIPP Gets A Jump On School Year // The Daily Item. – 2017. – August 25 // URL: <https://www.itemlive.com/2017/08/25/kipp-gets-jump-school-year/> (11.01.2018)
- [11] Harper P. 'Had to treat myself' Tyson Fury shows off stunning mansion as he plots comeback // Daily Star. – 2018. – February 9 // URL: <https://www.dailystar.co.uk/news/latest-news/680767/Tyson-Fury-boxer-instagram-mansion-deontay-wilder-mike-tyson> (28.02.2018)
- [12] Makepeace R. Makepeace not war: As a diplomat, you know exactly what's in a name // The Telegraph. – 2017. – November 15 // URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/11/15/makepeace-not-war-diplomat-know-exactly-name> (11.01.2018)
- [13] Nossiter A. Macron Opens Year Pulling No Punches With Journalists, or Anyone // The New York Times. – 2018. – January 5 // URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/05/world/europe/macron-new-years-eve-address-to-journalists-.html> (11.01.2018)
- [14] Rawat V.S. Yogi Adityanath to be star campaigner in Modi's poll-bound Gujarat // Business Standard. – 2017. – October 11 // URL: http://www.business-standard.com/article/politics/yogi-adityanath-to-be-star-campaigner-in-modi-s-poll-bound-gujarat-117101100424_1.html (25.02.2018)
- [15] Suazo A.E. Glenorchy's gripes won't be watered down // Otago Daily Times. 2018. – February 15 // URL: <https://www.odt.co.nz/opinion/glenorchys-gripes-wont-be-watered-down> (25.02.2018)
- [16] Tamburin A. TBI overspent its budget for 4 years, using savings to make ends meet, report says // Tennessean. – 2018. – January 16 // URL: <https://www.tennessean.com/story/news/2018/01/16/tbi-overspent-its-budget-four-years-using-savings-make-ends-meet-report-says/1035943001> (11.03.2018)
- [17] Thompson J. Kraft finally acquires Cadbury after vote in favour of £11.4 deal // The Independent. – 2010. – February 3 // URL: <https://www.independent.co.uk/news/business/news/kraft-finally-acquires-cadbury-after-vote-in-favour-of-163114bn-deal-1887595.html> (11.03.2018)
- [18] Yarwood S. "No matter how badly they treat us, or frustrated we get, we just keep going" – mental health nurse reveals the effect of A&E pressures on frontline staff // Manchester Evening News. – 2018. – January 1 // URL: <https://www.manchestereveningnews.co.uk/news/greater-manchester-news/medics-turning-because-theyre-struggling-14169494> (11.03.2018)
- [19] Zaleski O., Newcomer E. Uber's Secret Tool for Keeping the Cops in the Dark // Bloomberg Businessweek. – 2018. – January 11 // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-11/uber-s-secret-tool-for-keeping-the-cops-in-the-dark> (11.03.2018)

Vasilchenko A.V.

*Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor of the Department of Philosophy
and Cultural Studies. Komsomolsk-on-Amur State University.*

Family value in the modern culture of Russia and China

Abstract. The value of the family in modern Russian and Chinese cultures is considered. The similarities and differences in its appearance in two cultures are revealed. The main problems of the modern family in Russia and China are outlined. Based on the analysis using comparative historical and synchronous methods, the author concluded: the modern Russian and Chinese families are increasingly moving away from the traditional model and are developing in accordance with global trends.

Key words: value, family, family relations, civil marriage, parents, children, culture, mentality, Russia, China.

Васильченко А.В.

*Кандидат культурологии,
доцент кафедры философии и культурологии.
Комсомольский-на-Амуре государственный университет.*

Ценность семьи в современной культуре России и Китая

Аннотация. Рассмотрена ценность семьи в современной российской и китайской культурах. Выявлены сходства и различия в ее облике у двух культур. Обозначены основные проблемы современной семьи в России и Китае. На основе проведенного анализа с применением сравнительно-исторического и синхронического методов автором сделан вывод: современная российская и китайская семья все больше отдаляются от традиционной модели и развиваются в соответствии с общемировыми тенденциями.

Ключевые слова: ценность, семья, семейные отношения, гражданский брак, родители, дети, культура, ментальность, Россия, Китай.

Васильченко А.В.

Кандидат культурологии, доцент кафедры философии
и культурологии. Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

Ценность семьи в современной культуре России и Китая*

В России и в Китае семья была одной из главных жизненных ценностей человека, центральным компонентом общества. Именно семья является основным носителем культурных образцов, наследуемых из поколения в поколение. Осмысление ценности семьи представляет особую значимость по отношению к российской и китайской культуре, она является существенным фактором в изучении национальной самобытности обеих культур, способствует более глубокому постижению национально-психологических свойств русского и китайского народа. Целью работы является исследование особенностей ценности семьи в российской и китайской культурах.

При проведении исследования использовались методы: *сравнительно-исторический*, предоставивший возможность выявить сходства и различия в представлениях о семье у двух разных культур, и *синхронический* метод, позволивший определить в совокупном анализе российской и китайской культуры, на определенном этапе их развития, взаимосвязи и противоречия в реализации проблем семейных отношений.

Ценность семьи в сознании и поведении современного российского общества вариативна. С одной стороны, она сохраняет черты традиционности, а с другой стороны, приобретает инновационный характер. Традиционное осмысление семьи выражается в том, что она все еще остается одной из главных ценностей русского народа. Большинство российских семей остаются моногамными. Верность супругов рассматривается как немаловажная ценность для существования и функционирования семьи. В российской семье и в семейном воспитании немаловажную значимость имеют традиции. В дореволюционной России православие, ориентированное на высшие ценности человечества, было стержневой идеей в воспитании подрастающего поколения [13]. И сегодня эти ценности сохраняются в российской культуре: семейное благополучие, родители, дети, любовь, доверие, тепло, нежность, доверительное общение, взаимопонимание все еще остаются важными для

* © Васильченко А.В., 2020.

Ценность семьи в современной культуре России и Китая

современного русского человека. Счастливая, крепкая и дружная семья в российской культуре мыслится как тыл, позволяющий жить человеку полноценной жизнью, а также как большое счастье [2, с.109].

В настоящее время в России происходит возрождение семейных праздников, например таких, как «День семьи, любви и верности», «День Матери» и др. Цель таких мероприятий – утвердить образ традиционной, а именно, крепкой, многодетной семьи. Во многих российских семьях и в наше время существуют свои семейные традиции, обычаи, уставы и т.д., которые находят свое отражение в СМИ: «В каждом семейном доме, если внимательно приглядеться к быту его обитателей, существует свой устав или распорядок, объединяющий домочадцев и определяющий некий особый стиль жизни, особую семейную атмосферу. Папино место за столом не занимают, даже в отсутствие отца, мамину чашку ставят перед мамой, бабушкино кресло всегда уступают бабушке. Манера здороваться утром, прощаться на ночь, встречать и провожать своих, принимать гостей...» [10, с. 38].

Однако, в настоящее время современная российская семья переживает и различные изменения, а также кризисные состояния, которые проявляются в следующих социальных проблемах: увеличении количества разводов, нерегистрируемых сожительств (гражданских браков), распространении повторных браков, падении рождаемости, малодетности, активном росте внебрачной рождаемости, низкой культуре межличностных отношений, лишении родителей родительских прав и др.

В современной России большую актуальность получила проблема неустойчивости семейно-брачных отношений. Массовым явлением стал развод [3]. В связи с разводами, в России происходит рост так называемых «осколочных» семей с одним родителем, преимущественно матерью) и детьми. Также возникает большое количество повторных браков мужчин и в меньшей степени женщин. Часто в такой семье отец не является кровным и воспитывает «чужого» ребенка.

Массовая малодетность, характерная для большинства российских семей, возникает чаще всего в результате экономического кризиса в стране, бедности и нищеты [1, с.22]. В современной России наблюдается постепенное уменьшение количества членов семьи и увеличение одиноких людей: «иногда видишь такую картину: живет большая семья, а потом начинается ее сокращение – следующее поколение имеет уже двух, трех детей, следующее – одного, а потом остается кто-то один, без пары – мужа или жены. И родственников – ни близких, ни дальних, потому что и у них шло такое же увядание» [5, с. 19].

В современном российском обществе получили достаточное распространение нерегистрируемые сожительства (гражданские браки),

сексуальные отношения молодых людей до брака [1, с. 116]. С этими проблемами связан рост внебрачной рождаемости, увеличение числа матерей-одиночек (материнство вне брака).

Для современной российской семьи характерна также низкая культура межличностных отношений, которая проявляется в разных формах насилия в семейных отношениях. По мнению отечественных социологов, российская семья конца XX – начала XXI вв. – самая агрессивная в истории России [15]. Дети, женщины, престарелые родители, инвалиды, не способные защитить себя, составляют ежегодно более одной трети всех убитых на почве конфликтов в семейных отношениях.

В современной России наблюдается увеличение количества брошенных детей, лишение родителей родительских прав. На сегодняшний день по данным СМИ в России 760 тысяч социальных сирот. Из них треть содержится во всевозможных домах ребенка. По данным неправительственных организаций в России около двух миллионов бездомных детей, которые живут на улице.

В современном российском обществе изменилось положение женщины. Если в дореволюционной России главной ее задачей было ведение хозяйства и воспитание детей, то сейчас женщина является самодостаточной личностью, полноправным членом общества. В связи с этим, для большей части современных российских семей характерна экономическая независимость женщины от мужчины. Она трудится в разных сферах общественной деятельности наравне с мужчиной, обеспечивает семью финансово. Часто работа является своеобразной психотерапией для женщины, она дает ей возможность отвлечься от домашних дел. Большинству современным российским женщинам удается успешно сочетать несколько социальных ролей в обществе, а именно, быть хранительницей семейного очага, матерью, воспитывающей детей, и труженицей, преуспевающей в какой-либо сфере деятельности. Иногда она – более успешна в обществе, чем мужчина. Данная проблема находит широкое освещение в СМИ: «влияние женщин на современную жизнь увеличивается с каждым днем. В мире уже почти не осталось тех сфер деятельности, в которых женщины не могли бы проявить своего участия. Они спешат показать и доказать, что не хуже мужчин справятся с той или иной общественной задачей, вернее, что они справятся с ней гораздо лучше» [11, с. 2]. В связи этим, в большинстве современных российских семьях происходит демократизация супружеских отношений. Это демократизация проявляется в разных сферах жизни семьи: пересматриваются вопросы главенства, ведения семейного бюджета, хозяйства, решения важных семейных проблем, актуализируются проблемы кооперации домашнего труда, совместного ухода за

детьми и их воспитания: «...те времена, когда женщине была уготована только одна роль – домашней работницы – давно прошли. Сейчас женщина работает, прилично зарабатывает, и времени на работе проводит не меньше, чем мужчина. Значит, и домашние дела, и воспитание детей, и все возникающие в доме и семье проблемы необходимо делить на двоих, а самые важные жизненные вопросы решать сообща» [9, с. 5].

В современную российскую культуру активно внедряется образ эмансипированной женщины. Девушки стремятся получить хорошее образование, построить успешную карьеру, приобрести финансовую независимость и не спешат создавать семью: «Мне 30 лет. Я не замужем. И не хочу. У меня два высших образования, и сейчас как раз складываются благоприятные условия для успешной карьеры. Женщины, особенно те, кто любят свою работу, как я, не торопятся создавать семьи и обзаводиться потомством» [9, с. 4]. В настоящее время брак становится личным выбором человека, а не желанием и волей родителей.

Таким образом, в настоящее время относительно семьи в современном российском обществе складывается противоречивая картина. С одной стороны, семья все еще остается одной из самых важных ценностей россиян. С другой стороны, семья утрачивает традиционные формы своего проявления.

Как и в России, в Китае семья и семейные отношения также постепенно отходят от традиционной модели и претерпевают различные изменения. В середине XX в. в Китае произошли перемены в государственной власти, повлекшие за собой преобразования в социальной сфере. Эти преобразования коснулись и семейно-брачных отношений. Произошло установление гендерного равноправия в Китае. На сегодняшний день семья и семейные отношения в Китае – это защищенный со стороны государства институт [14].

Женщины в современном Китае обрели равные с мужчинами права и равный с ними социальный статус, получили экономическую независимость, право участия в политической жизни страны. Социальный прогресс постепенно разрушил традиционное восприятие женщины в Китае. С развитием новых технологий, например, таких как Интернет и искусственный интеллект, стали появляться новые профессии, предоставляющие больше возможностей для трудоустройства женщин.

Как и в России, в современном Китае все большее развитие приобретает образ эмансипированной женщины. Девушки стремятся получить образование, сделать карьеру, добиться финансовой независимости, получить хорошую работу. В дальнейшем, это даст возможность иметь более прочные отношения в семье, развивать собственный семейный бизнес. Молодое поколение уже не разделяет традиционных пред-

ставлений о том, что женщина должна заниматься только домашним хозяйством и детьми, оно считает, что эти обязанности должны быть распределены между обоими супругами. Муж и жена должны иметь общие интересы, проводить вместе досуг и отдыхать вдвоем или с детьми, совместно решать важные семейные вопросы и т.д. Супружеские отношения теперь мыслятся как равноправные [7].

В традиционном Китае большая, многочисленная семья пользовалась большим уважением и воспринималась как норма [16]. Однако, в последние годы государство ограничивало свободу брачных отношений: *одна семья – один ребенок*. Традиционные для Китая представления о том, что дети – это гарантия обеспеченной старости, сегодня уходят в прошлое. Молодые женщины, потратившие много сил, времени и денег на образование и карьерный рост, не могут себе позволить уйти в декретный отпуск. Они боятся потерять квалификацию, остаться без работы, выпасть из деловой жизни. Их опасения небезосновательны: несмотря на принятые законы, защищающие интересы молодых матерей, компании находят способы их увольнять [14].

В состав современной семьи Китая обычно входят родители и один или максимум два ребенка. В результате государственной политики ограничения деторождения дети уже не являются для родителей помощниками в хозяйстве. Единственный ребенок становится объектом чрезмерной ласки и заботы. Сами китайцы называют таких детей «маленькими императорами» [17]. В связи с этим, можно сказать, что в центре современной семьи находятся не родители, а ребенок, его личность и интересы.

Перемены в семье повлияли и на внутрисемейные отношения. Уходит в прошлое одна из важных традиций конфуцианства - концепция сыновней почтительности. Уменьшается роль старшего поколения в семье как носителя жизненного опыта и знаний. При исследовании состояния внутрисемейных моральных ценностей (чувство долга, сыновья почтительность, уважение) выяснилось, что многие молодые люди считают, что эти традиционные ценности уже не так важны, как прежде [12]. Брак в современном Китае уже не является обязательным, навязываемым обществом и родителями. Сегодня молодые люди поддерживают значимость романтических отношений и стремятся создавать семьи по любви, по собственному выбору. Дети стали более самостоятельны и, имея свою семью, стараются жить отдельно от родителей [17]. Доминирующим в обществе стал нуклеарный тип семьи.

В современном Китае растет количество разводов, и уже не считается предосудительным быть разведенным. В крупных городах до 70% инициаторами разводов выступают женщины. Это свидетельствует о

повышении социально-экономического положения женщин, их равноправия и независимости, а также о кардинальных изменениях общественных взглядов на брак. Трансформация взглядов на семью и брак выражается и в заключение повторных браков [7]. Возрастает уровень сексуальной свободы молодых людей. В современном Китае многие живут в гражданском браке. Также появились новые формы семейной организации, которые не существовали в традиционном обществе: неполные семьи; семьи супругов, выбравшие бездетность; пожилые пары, проживающие отдельно от детей; «семьи выходного дня»; семейные пары, заключившие брак повторно и др. В последнее время в КНР появилось много одиноких людей.

Но, несмотря на изменения, произошедшие в семейной организации, в современном Китае остаются популярными традиционные ценности, которые выражаются в обычаях, обрядах, национальных праздниках. Например, одним из самых любимых праздников китайцев является *День фонарей*. Этот праздник посвящен любви, памяти, уважению и благодарности ко всем ушедшим близким и родным людям. Согласно обычаю, в этот праздник души умерших родственников приходят на землю и навещают свои семьи. И тогда души живых наполняются радостью обновленного бытия, энергией и силой. А в то время, когда души предков возвращаются на небо, множество ярких фонарей, развешенных повсюду, светят им, показывая дорогу обратно.

Традиционное представление о семье выражается также и в том, что семья до сих пор является одной из самых главных ценностей в жизни для большинства китайцев. Детей и сейчас учат уважать родителей. Отец также является главой семьи, ее хранителем. Несмотря на то, что он уже не является таким главой семьи, которому все беспрекословно подчиняются, но, все же, он имеет большое влияние в решении вопросов, касающихся судьбы детей. Дети могут сами выбирать себе профессию, но они обязаны прислушиваться к советам родителей. Дети должны соблюдать правила, установленные родителями. Детей поощряют учиться, родители стараются дать детям хорошее образование [17]. В конфуцианстве отец являлся высшим авторитетом. Несмотря на физическую слабость, стариков необходимо было ценить за их жизненный опыт, знания и мудрость [8]. Такой подход сохранился до сих пор в деревнях и в обряде праздника китайского Нового года. Во время обряда все встают на колени перед самыми старшими, после этого молодые преклоняют колени перед родителями.

Также, в настоящее время, в Китае, предпринимаются попытки несколько изменить современное положение женщины, возродить традиционное представление о ней как матери, одной из главных задач кото-

рой является воспитание детей [6]. Не работа, а ребенок, общение с ним могло бы стать приоритетным в жизни женщины. Эта программа отражена в СМИ, где женщина называется «матерью на полный рабочий день». «В Китае термин «мать на полный рабочий день» был когда-то непопулярным и считался содержащим отрицательные значения, также как «некомпетентность» и «нет денег». Теперь все больше женщин добровольно выбирают стать «матерями на полный рабочий день» и гордятся ими. Некоторые эксперты прогнозируют, что, поскольку правительство Китая сейчас уже разрешает рожать двух детей, готовность женщин стать «матерями полного дня» будет еще больше». В связи с вышесказанным, можно отметить, что современная женщина Китая свободна в своем выборе и может самостоятельно решать, каким видом деятельности будет заниматься.

Но, несмотря на это, мы может сказать, что влияние традиционных норм и ценностей в современном Китае все-таки постепенно уменьшается. Произошло уменьшение среднего размера семьи. Изменились внутрисемейные отношения. Связь между поколениями постепенно ослабевает. Изменилось положение женщины.

Рассмотрев представление о семье в России и Китае, можно представить сравнительный анализ.

В современном образе российской и китайской семьи существует ряд сходных черт.

1. Семья в обеих странах остается одной из важных ценностей в жизни современных людей. 2. И в России и в Китае до сих пор популярны свои традиции, обычаи и праздники. 3. В современной России, и в современном Китае изменилось положение женщин в семье, они получили экономическую, финансовую независимость от мужчины. Женщины, как и мужчины, трудятся на производстве, участвуют в разных областях общественной жизни, занимаются бизнесом, финансово обеспечивают семью. 4. И Россия, и Китай пришли в своей истории к относительному равноправию мужчины и женщины в семейных отношениях. 5. В обеих странах семьи малочисленные. 6. В нынешней России и нынешнем Китае растет количество разводов, неполных семей, гражданских (незарегистрированных) браков, одиноких людей, внебрачных детей. К таким явлениям уже нет отрицательного отношения со стороны общества, каким оно было в традиционной культуре. 7. Брак в обеих странах является личным выбором человека, а не навязываемым обществом и родителями.

Существуют и различия в современном укладе семьи в России и Китае.

1. В настоящий момент в Китае действует политика, направленная на сокращение рождаемости, а в России действует прямо противополо-

ложная политика, направленная на увеличение рождаемости. 2. Для современной России характерна низкая культура межличностных отношений, которая проявляется в агрессии, разных формах насилия в семейных отношениях. В Китае эта проблема выражена в гораздо меньшей степени, т.к. на сегодняшний день китайская семья - это защищенный со стороны государства институт. 3. В России растет число брошенных детей, социальных сирот, родителей лишают родительских прав. В Китае эта проблема не выражена.

Проведенный сравнительный анализ показал, что в современном укладе семьи России и Китая больше сходств, чем различий. С одной стороны это указывает на близость менталитетов и характеров этих стран. С другой стороны, современная российская и китайская семья все больше отдаляются от традиционной модели и развиваются в соответствии с общемировыми тенденциями. С нашей точки зрения, многие из перечисленных изменений и проблем являются результатом кросс-культурных взаимодействий, влияния западного образа жизни на современное российское и китайское общество, а также связаны с социально-экономическим развитием и процессами глобализации. Меняется место и роль человека в социуме и общественном производстве, что отражается и на институте семьи.

References

- [1] Antonov A.I. The fate of the family in Russia of the twenty-first century // A.I. Antonov, S.A. Sorokin. - M.: "Grail", 2000. 416 p.
- [2] Vorkachev S. Happiness as a linguistic and cultural concept // S. Vorkachev. - M.: Gnosis, 2004. 237 p.
- [3] Cheating and poverty are to blame for divorce // Rossiyskaya Gazeta: Nedelya [Ofits. web-site]. No. 6132 dated July 18, 2013 // URL: <http://www.rg.ru/gazeta/subbota/2013/07/18.html>.
- [4] Gasparyan Yu.A. Family on the threshold of the twenty-first century (sociological problems) / Yu.A. Gasparyan. - St. Petersburg: Petropolis, 1999. 320 p.
- [5] Dmitrieva N. History of a family // Slavyanka. - March. 2006. P. 19-20.
- [6] Kravtsova M.E. History of Chinese Culture // M.E. Kravtsova. - M.: Publishing House "Lan", 2003. 416 p.
- [7] Kuzmenko E.B. Features of relationships in the Chinese family / E.B. Kuzmenko, I.A. Skvortsova, N.S. Tereshkova // Young scientist. 2015. № 19. P. 99-102. // URL: <https://moluch.ru/archive/99/22345/>.
- [8] Malyavin V.V. Chinese civilization // V.V. Malyavin. - M.: CPI Design. Information. Cartography": AST, 2003. 627 p.
- [9] Alone with a psychologist // Vesta. - August. 2017. № 8 (267). P. 4-5.
- [10] Nikolaev S. From the family album // Slavyanka. - July. 2008. P. 38-44.
- [11] Nikolaev, S. Word of the shepherd / S. Nikolaev // Slavyanka. - July. 2006. P. 2-3.
- [12] G. Pashchenko. Parent-child relationship in China / G. Pashchenko, Yin Fen, Ou Xiang // Electronic archive of the Siam State University. // URL: <http://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/18062/1/15.pdf>.
- [13] Platonov O.A. Russian civilization. History and ideology of the Russian people // O.A. Platonov. - M.: Algorithm, 2010. 944 s.

- [14] Pochagina O. Family: new forms - different values // URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/semya-novye-formy-inye-cennosti.-Zagl>.
- [15] Family: between violence and tolerance: a collective. monograph / Ural MION, INO-Center. // M.A. Litovskaya, O.V. Shaurova. - Yekaterinburg: Ural State University Publishing House, 2005. 390 p. (Proceedings of the Ural MION; issue 18).
- [16] Haihui, Li China. Acquaintance with ancient culture // Li Haihui, Feng Lingyu, Shi Weimin. - M.: Veche, 2004. 208 p.
- [17] Julian Lin. Chinese Family and Culture // URL: <http://www.oppi.uef.fi/aducate/projektit/monikko/translations/rus/Kiinalainen-perhe-ja-tapakulttuuri-rus.pdf>.

Библиографический список:

- [1] Антонов АИ. Судьба семьи в России XXI в. // А.И. Антонов, С.А. Сорокин. - М.: «Грааль», 2000. 416 с.
- [2] Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт // С. Воркачев. - М.: Гнозис., 2004. 237 с.
- [3] В разводах виноваты измены и бедность // Российская газета: Неделя [Офиц. сайт]. № 6132 от 18 июля 2013 г. // URL: <http://www.rg.ru/gazeta/subbota/2013/07/18.html>.
- [4] Гаспарян Ю.А. Семья на пороге XXI в. (социологические проблемы) // Ю.А. Гаспарян. - СПб: Петрополис, 1999. 320 с.
- [5] Дмитриева Н. История одной семьи // Славянка. - Март. 2006. С. 19-20.
- [6] Кравцова М.Е. История культуры Китая // М.Е. Кравцова. - М.: Издательство «Лань», 2003. 416 с.
- [7] Кузьменко Е.Б. Особенности взаимоотношений в китайской семье / Е.Б. Кузьменко, И.А. Скворцова, Н.С. Терешкова // Молодой ученый. 2015. № 19. С. 99-102. // URL: <https://moluch.ru/archive/99/22345/>.
- [8] Малявин В.В. Китайская цивилизация // В.В. Малявин. - М.: ИПЦ «Дизайн. Информатика. Картография»: АСТ, 2003. 627 с.
- [9] Наедине с психологом // Веста. - Август. 2017. № 8 (267). С. 4-5.
- [10] Николаев С. Из семейного альбома // Славянка. - Июль. 2008. С. 38-44.
- [11] Николаев, С. Слово пастыря / С. Николаев // Славянка. - Июль. 2006. С. 2-3.
- [12] Пашенко Г. Отношение родителей и детей в Китае / Г. Пашенко, Инь Фен, Оу Сян // Электронный архив Сиамского государственного университета. // URL: <http://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/18062/1/15.pdf>.
- [13] Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа // О.А. Платонов. - М.: Алгоритм, 2010. 944 с.
- [14] Почагина О. Семья: новые формы – иные ценности // URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/semya-novye-formy-inye-cennosti.-Zagl>.
- [15] Семья: между насилием и толерантностью : коллектив. моногр. / Уральский МИОН, ИНО-Центр. // М. А. Литовская, О. В. Шаурова. - Екатеринбург : Изд-во УРГУ, 2005. 390 с. (Труды Уральского МИОНА; вып. 18).
- [16] Хайжуй, Ли Китай. Знакомство с древней культурой // Ли Хайжуй, Фэн Линъюй, Ши Вэйминь. - М.: Вече, 2004. 208 с.
- [17] Юлиан Лин. Китайская семья и культура // URL: <http://www.oppi.uef.fi/aducate/projektit/monikko/translations/rus/Kiinalainen-perhe-ja-tapakulttuuri-rus.pdf>.

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

RELIGION AND SOCIAL SCIENCES

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «**Миссия конфессий**»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского
проекта «**Католицизм и Православие:
религиозно-культурное
сотрудничество**».

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Shorokhova S.P.

*Candidate of Philosophy,
Dean of the Faculty of International Relations
and Geopolitics. Institute of World Civilizations.*

Humanism and Christianity: some aspects of the controversy

Abstract. In this article, the author attempts to reveal some of the foundations of modern humanism, try to find the decision of the problems faced by the modern individual. Also, the author, analyzing scientific works, comes to the conclusion that humanism and Christianity give different answers to the question of the origin and functions of morality in society. And, above all, man himself needs a certain courage and effort to answer the question: what is his highest purpose.

Key words: modern humanism, Christianity, higher purpose, morality, society.

Шорохова С.П.

*Кандидат философских наук,
декан факультета международных отношений и геополитики.
Институт мировых цивилизаций.*

Гуманизм и христианство: некоторые аспекты полемики

Аннотация. В данной статье автором предпринята попытка посредством раскрытия некоторых основ современного гуманизма, постараться найти решение проблем, с которыми сталкивается современный индивид. Также автор, анализируя научные труды, приходит к выводу, что гуманизм и христианство дают различные ответы на вопрос о происхождении и функциях морали в обществе. И, прежде всего, самому человеку необходимы определенное мужество и усилия для ответа на вопрос: в чем его высшее предназначение.

Ключевые слова: современный гуманизм, христианство, высшее предназначение, мораль, общество.

Шорохова С.П.

Кандидат философских наук, декан факультета международных отношений и геополитики. Институт мировых цивилизаций.

**Гуманизм и христианство:
некоторые аспекты полемики***

*«Человек был сотворен,
чтобы быть великим миром в малом мире,
видимом, и помещен Богом на землю»¹*
(преп. Никита Стифат, «Трактат о рае», 3)

Христианский гуманизм – это, прежде всего, христианский взгляд на человека, т.е. взгляд, основанный на Евангельском учении. Как для религиозного, так и для философского сознания проблема человека была всегда значима. В наши дни, когда кризисные процессы в культуре и обществе проходят на фоне глобализации, эта проблема особенно актуальна. Кардинальная нерешенность проблем человека в XXI столетии свидетельствует о наступлении нового кризиса, который можно назвать антропологическим, лежащим в основе подавляющего большинства кризисных процессов в современном мире. В таких обстоятельствах необходима ясная, обоснованная и непротиворечивая концепция, определяющая место человека в современном мире и, в конечном счете, отвечающая на древний библейский вопрос: что есть человек? Ответ на него может дать глубокое понимание тех проблем, с которыми сталкивается современный гуманизм.

По мнению некоторых современных гуманистов, в мире нашего времени религия играет скорее разделяющую, чем интегрирующую роль. Есть и иная точка зрения, согласно которой необходимо соединение гуманизма с христианством, поскольку целостное религиозное сознание дает возможность критически осмыслить гуманизм как проблему и направить ход полемики вокруг этого понятия в нужное русло.

Множество публикаций затрагивает тему диалога гуманизма и христианства. В настоящее время можно говорить о сложившейся традиции взаимной критики приверженцев гуманизма и поборников христианства.

* © Шорохова С.П., 2020.

Гуманизм и христианство: некоторые аспекты полемики

1 Азбука веры. Православная библиотека. Преп. Никита Стифат «Трактат о рае»
// URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikita_Stifat/traktat/

Николай Бердяев в своей работе «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» высказывал мысль, что «ложь гуманизма» заключается в идее самодостаточности человека, самообоготворении его, то есть в отрицании христианской идеи богочеловечности. Согласно взглядам Бердяева, когда человек остаётся с самим собой, замыкается в человеческом, он создаёт себе идолов, без которых он не может возвыситься. С позицией русского мыслителя согласуются высказывания деятелей Церкви, подчеркивающих в своих выступлениях, что христианство выступает не против гуманизма как такового, а против его либеральной, атеистической версии, основанной на безусловном признании автономии человека и высшей ценности его прав и свобод. Так, например, выступление митрополита Кирилла «Права человека и нравственная ответственность» на X Всемирном Русском Народном Соборе содержит развёрнутый анализ использования концепции прав человека в современном мире. Автор признает, что человек обладает полной автономией в принятии или не принятии тех или иных правил поведения, и христианство не оспаривает этот тезис в полемике с секулярным гуманизмом². Оно оспаривает утверждение о способности человека автономно делать выбор, соответствующий его настоящему благу. Согласно концепции церкви, это вызвано тем, что человек в состоянии греха не всегда может ясно распознавать, что есть добро, а что есть зло, т.к. его разум, воля и чувства находятся в сфере действия греха. Бог помогает человеку сохранить эту способность распознавания через Своё Откровение, содержащее известный свод заповедей.

Гуманизм и христианство дают различные ответы на вопрос о происхождении и функциях морали в обществе. Некоторые верующие, придерживаясь точки зрения, согласно которой падение нравов связано с отсутствием духовности, причём имеется в виду религиозная духовность. В то же время, не религиозные люди считают себя вполне моральными на том основании, что им удаётся жить в гармонии с другими членами общества, сохранять благотворные связи со своими семьями и находиться в мире друг с другом и с природой. В современной светской философии считается, что истоки этики постижимы благодаря достижениям археологии, антропологии, психологии и других естественных наук. Гуманизм утверждает, что моральные ценности имеют в качестве своего источника человеческий опыт.

Гуманисты со времен Возрождения видели свою цель в том, что-

2 Права человека и нравственная ответственность. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на X Всемирном русском народном соборе, 2006. Интерфакс. Религия // URL: www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=376

бы отстаивать идею безусловной ценности человеческой личности. Впоследствии гуманистические воззрения претерпели ряд видоизменений. В эпоху Просвещения гуманизм сливается с материализмом и атеизмом, утверждая изначальное совершенство, доброту и разумность человеческой природы. Причем вся человеческая природа сводилась исключительно к ее материальности. В итоге, современный гуманизм постулирует и отстаивает то, что можно смело назвать вседозволенностью, постулируя право человека на искажение своей собственной природы. Все гуманистические документы XX в. – т.н. Гуманистические манифесты и Декларации постулировали необходимость противопоставить религиям «нетеистический гуманизм». Авторы Манифеста 1973 г. в стремлении защитить человеческие права дошли до защиты прав на контроль рождаемости, аборт, разводы, сексуальную свободу, эвтаназию. Декларация светского гуманизма 1980 г. отстаивала ту идею, что светское государство должно оставаться нейтральным, т.е. не выступать ни в поддержку религии, ни против нее. Новый вариант гуманизма – т.н. «планетарный гуманизм» настаивает на том, что религия – фактор, разбивающий современный мир на враждующие лагеря. Причем, авторы данного документа не видят особых различий между религией и т.н. паранормальными верованиями «нового поколения». Кроме того, творцы идеологии планетарного гуманизма полагают, что многие нынешние взгляды на будущее человечества являются пессимистическими и даже апокалиптическими, утверждая, в очередной раз, перспективу «светлого будущего», построенного на разумных основаниях.

Представляется, что подобная перспектива не откроет человеку ничего, чтобы помогло ему обрести себя, а лишь генерирует еще один круг проблем, присущих исключительно нашему времени, проблем, порождаемых бурным развитием техники и коммуникационных технологий. Известно, что человек оказавшись в массе, в толпе начинает вести себя совершенно иначе, чем привык вести себя наедине с собой. Сформированный под влиянием средств массовой коммуникации, он подвергается опасности потерять себя, сделавшись орудием, отражением СМИ, замкнуться и утонуть в потоке быстро и непрерывно сменяемых образов. Поэтому сейчас так важно вновь актуализировать максимальный образ человека, сформированный в рамках христианского гуманизма и представляющий собой антитезу современному восприятию человека, который «имеет право» не быть человеком.

Основные положения христианского гуманизма можно свести к следующим тезисам:

1. Человек есть существо бесконечное, его нельзя исчерпать конеч-

ными определениями или ограничить его конечными формами существования.

2. Человек есть существо свободное.

3. Бесконечность и свобода являются не случайными свойствами человека, т.е. относятся к самой его сущности и не могут быть отчуждены у него внешними силами, потому что Бог сотворил человека именно таким.

4. Любовь к Богу есть и любовь к человеку; и нельзя любить человека и не любить Бога, сотворившего человека как такого, сотворившего человечность.

5. То, что христианство есть в высшей степени человеческая религия, религия радикального гуманизма, можно понять из центрального ее момента, который вместе с тем есть и средоточие ее гуманизма, утверждения человечества. Это - Богочеловек, Иисус Христос. Он явил полноту единения Бога с человеком, открыв для человека единение с Богом, обожение, полноту богообщения, в которой утверждается бесконечность человека, ибо Бог и человек находят друг друга в бесконечности.

6. Человек как данность, есть существо двойственное. Христианство видит не только идеального человека, но и человека реального, попавшего во власть греха. Боговоплощение есть призыв к человеку и к его воле, то, что Бог стал человеком, указывает на его грех и говорит о его призвании. Христианство ставит перед человеком задачу быть человеком, быть свободным, преодолеть свой грех и свою ограниченность.

7. Так как человек есть полнота творения, обращенность к человеку есть обращенность и ко всякой твари. Как любовь к Богу не умаляет любви к человеку, так и любовь к человеку не означает отказ от любви ко всему существующему. Раствориться в природе или растворить природу в себе - такая дилемма не стоит перед верующим в Бога, для него нет проблемы, как совместить любовь к человеку и любовь к природе, истинно верующий заботится и о птицах, и о зверях, и находит источник истинной радости в созерцании природы. Иоанн Златоуст так пишет о земных радостях и наслаждениях: «Если ты хочешь получить удовольствие, иди в сады, к текущей реке и озерам, рассматривай цветы, слушай пение кузнечиков, посещай святые места; здесь ты найдешь и здравие для тела, и пользу для души, а вреда никакого, и не будешь раскаиваться после этого удовольствия, как то бывает после зрелищ...»³.

8. Люди равны перед Богом. Это их равенство важнее любого другого их неравенства, которое есть лишь условность - национальность,

3 Христианский портал. Сочинения Иоанна Златоуста // URL: <http://mstud.org/name/i/ioan-zlat.html>

социальный статус, пол и т.д., ибо они не определяют человека, являясь лишь одной, земной стороной его существа.

9. Христианский гуманизм не носит отвлеченного характера, ведь и Бог стал человеком не отвлеченно, Он не принял обличие человека, но действительно воспринял человека, со всей его физиологией, с его плотским телом, Он стал человеком, а не стал просто похожим на человека. Один из важнейших выводов из Боговоплощения есть то, что в каждый человек несет в себе образ Божий, вне зависимости от физиологии, и потому к каждому человеку надо относиться как к Иисусу Христу, как к воплотившемуся Богу.

10. Человечество едино, однако это единство человечества не заключено в отчужденном и отвлеченном от личности в неличностном целом, по отношению к которому личность является подчиненной частью, но наоборот, это единство и заключается в полноте личности каждого, и отчужденность от личности есть и отчужденность от единства.

Таким образом, бесконечность, свобода, личность, равенство, единство - вот то, безотносительно чего невозможно помыслить человека и человечество. Просто необходимо определенное мужество и достаточно серьезное моральное, психическое, интеллектуальное усилие для того, чтобы признать, что вполне ясный ответ на вопрос о том, что есть человек и в чем его высшее предназначение, может быть получен лишь в рамках того варианта гуманизма, который соединен с высшей Истиной. Однако, если Истина одинаково присутствует во всех вещах, и Бог воплотил Свой образ во всяком человеке, то далеко не каждый человек готов признать себя носителем Истины.

References

- [1] Berdyaev N.A. The existential dialectic of the divine and the human. Paris, 1952.
- [2] Declaration of Secular Humanism, 1980. World Philosophical Forum // URL: <http://wpf-unesco.org/eng/offpap/top10/secdec-r.htm>

Библиографический список:

- [1] Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952.
- [2] Декларация светского гуманизма, 1980. Всемирный философский форум // URL: <http://wpf-unesco.org/rus/offpap/top10/secdec-r.htm>

Fusu L.I.

*Candidate of Medical Sciences, psychoanalyst,
Rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis.*

The growing interest in pilgrimage during the liminal periods of society and the individual as an attempt to cope with guilty feelings and moral suffering

Abstract. The work is devoted to the phenomenon of pilgrimage as an attempt to get rid of guilt in the period of complex psychological experiences of a person. The stable interrelations between guilt and violation of ethical norms in liminal periods are briefly investigated.

Key words: pilgrimage, liminal period, sacred goal, attraction to death, operatuar-naya life, moral masochism, moral narcissism.

Фусу Л.И.

*Кандидат медицинских наук, психоаналитик,
Ректор Института Психологии и Психоанализа (на Чистых прудах).*

Возрастание интереса к паломничеству в лиминальные периоды общества и индивида как попытка справиться с чувством вины и моральными страданиями

Аннотация. Работа посвящена феномену паломничества, как попытке избавления от чувства вины, в период сложных психологических переживаний человека. Кратко исследованы устойчивые взаимосвязи, между чувством вины и нарушением этических норм в лиминальных периодах.

Ключевые слова: паломничество, лиминальный период, сакральная цель, влечение к смерти, оператуарная жизнь, моральный мазохизм, моральный нарциссизм.

Фусу Л.И.*Кандидат медицинских наук, психоаналитик,
Ректор Института Психологии и Психоанализа (на Чистых прудах).*

Возрастание интереса к паломничеству в лиминальные периоды общества и индивида как попытка справиться с чувством вины и моральными страданиями*

Актуальность исследования. Современное общество обуславливает развитие социальных форм взаимодействия человека с окружающим миром. Появление нового социального не всегда означает утрату или существенное изменение старого. К таким старым формам социального взаимодействия можно отнести паломничество. Данный феномен представляет собой не только один из древнейших способов социальной мобильности, существующей в течение многих веков, но также является своеобразной формой ритуала перехода. Отождествляясь с категорией обрядов пересечения, такие переходные ритуалы можно соотнести с лиминальными периодами, как в индивидуальном социальном опыте человека, так и в пространстве социума. Вопрос рассмотрения тенденций усиления паломничества как попытки избавления от чувства вины в кризисных, лиминальных периодах является одной из актуальных научных задач.

Цель исследования: раскрытие феномена паломничества в периоды сложных психологических переживаний человека. Цель определяет содержание **следующих задач:**

- рассмотрение феномена паломничества как способа избавления от чувства вины;
- краткое исследование влияния субъективного фактора вины в лиминальных периодах.

Объектом исследования является феномен паломничества в лиминальные периоды общества и индивида.

Предмет исследования. Анализ социальных форм паломничества, как способа психологического изменения.

Теоретическая разработанность. Вопросы исследования кризисных явлений в жизни человека в рамках феномена начальных стадий индивидуального кризиса наиболее полно рассмотрены Дж. Якобсоном,

* © Фусу Л.И., 2020.

Возрастание интереса к паломничеству в лиминальные периоды общества и индивида как попытка справиться с чувством вины и моральными страданиями

Дж. Капланом, Э. Линдеманом, Р.А. Ахмеровым, Ф.Е. Василюк, Г. Хилл. В своих работах эти авторы исследовали феномен утраты. Указанные авторы часто связывают лиминальные состояния человека с индивидуальной утратой, способствующей развитию психологической деформации [4]. Научному описанию психологических форм «переходов», в рамках взаимодействия субъекта и социокультурной среды, посвящены труды таких авторов, как: П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, С. Холл, К. Гетчинсон, Э. Мейман, Э. Эриксон, Р. Селман, Дж. Ловингер, Ж. Пиаже, Р. Кеган, Р. Гоулд, Я. Боом, Б.Д. Эльконин, В.И. Слободчиков, К.Н. Поливанова. Исследованию лиминальных ритуальных форм уделено значительное внимание в работах В. Тернера [5]. Социологические подходы к рассмотрению лиминальных состояний в рамках ритуальных форм перехода освещены в работах М. Мосса, А. Юбера, Р. Герца. Базисная основа теории ритуальных переходов представлена работой А.Ван Геннепа. Рассмотрение индивидуальных форм субъектной амбивалентности осуществлено в рамках воззрений З. Фрейда. Вопросы интерпретации обрядов перехода в концепциях жизненного цикла исследованы в трудах А.М. Тоззер, А. Жюно, Э.К. Парсонс, Г. д'Альвьелла, Р. Бенедик. Отдельного внимания заслуживает работа Б. Розенберга [2]. Взяв за основу положения второй теории влечений З. Фрейда, автор исследует концепцию мазохизма, моральная форма которого представляет интерес в рамках данной работы. Вопросам исследования паломничества как особенной разновидности социальной мобильности посвящена работа «Паломничество как лиминальное состояние» [1]. При всем многообразии научных работ, феномен паломничества, усиливающийся в лиминальные периоды, исследован, на наш взгляд, не в полной мере и требует более критического переосмысления в современных условиях.

Методология исследования. В основе методологии работы применен метод структурно – функционального философского анализа. Рольевая форма равноценности общества и ритуальных действий рассмотрена в рамках базисных категорий психоанализа. Условия, способствующие появлению переходных лиминальных состояний, рассмотрены с применением методов процессуального анализа. Исследование значимости лиминальных состояний выполнено с учетом требований принципов сравнительно – исторического, сравнительно – типологического и структурно – типологического анализа.

Структура работы: структурно работа включает в себя введение, один параграф, заключение и библиографический список.

Введение

Вопросы истинного содержания собственной идентичности явля-

ются поиском человеком собственного «Я». Духовная свобода, личное творчество, восприятие собственной подлинности, – вот составляющие ищущего человека. Как правило, подобные искания происходят в рамках кризисных, переходных, лиминальных состояний и интерпретируется специалистами как «человеческое измерение бытия» [7, с. 126]. Такие жизненные периоды не только несут в себе высокую насыщенность в эмоциональном, смысловом контексте, но являются попыткой решения субъектом самому себе поставленной задачи [6, с. 12]. Понимание внутреннего человеческого содержания: от «себя-наличного», к «себе-иному», представляет собой процесс, ограниченный формой переходного состояния человека. Другими словами, феномен лиминального периода включает состояние человека, находящегося в своеобразном «бытийном зазоре», когда одно социальное состояние уже является завершенным, а другое еще не состоялось. Такие состояния многие исследователи называют «специфическими состояниями «самоотчужденности». Переход в новое социальное состояние происходит в процессе движения к иному жизненному содержанию и во многом зависит от активности самого человека [3, с.43]. Одним из способов осуществления подобного перехода является феномен паломничества. Аспекты этого странствия имеют глубокие корни, уходящие в глубину многовековой истории человечества. Известны паломничества, как одиночные, так и большими социальными группами, носящие ярко выраженный религиозный характер. Вопросы совершения паломничества как неосознанного способа избавиться от бессознательного чувства вины являются наименее изученными и входят в круг научного поиска современной психологической науки. В рамках данной работы будет осуществлен краткий анализ этого значимо важного аспекта человеческого бытия.

Паломничество как способ психологического изменения

Паломничество как социальный феномен имеет свои уникальные аспекты, обуславливающие его появление. Одним из таких аспектов является неосознаваемое самим человеком чувство вины. Это именно то психофизиологическое ощущение, которое способствует переходу человека в лиминальное состояние и дает силы на совершение скитаний. Основатель психоанализа, З.Фрейд, выявляет устойчивые взаимосвязи между чувством вины и нарушением этических норм, допуская, под нарушением этики, появление мыслей о возможности порицаемых поступков. Другими словами, в рамках религиозной картины мира, вина тождественна терминологическому понятию греха. Кроме того, субъективная реакция человека на действие, независимо от того, совершен поступок или человек о нем только подумал, имеет прямую зависимость

от воспитания, от внутренних моральных устоев и запретов, от того, что в психоанализе принято называть Сверх-Я. Весьма важную роль в концептуальных воззрениях мыслителя играет его трактовка психического состояния человека. Вводя новые терминологические формы в психологический дискурс, З. Фрейд рассматривает «сознательное Я» как точку интеграции психики человека, другими словами «Я» – это средоточие совокупности самооценок и самоконтроля личности. В то время как «Оно» представляет собой непознанное и бессознательное. Термин «Сверх-Я» призван автором психоанализа представлять культурные и этические запреты, религиозные воззрения о долге, другие этические социальные нормы [8, с. 113]. Кроме того, Фрейд отождествляет «Сверх-Я» с тремя основными функциями: совести, внутреннего наблюдателя, родительского авторитета. Внутриспихические конфликты, возникая под давлением социального «Сверх-Я», а также под влиянием антагонизмов в системе: «Я»/«Оно» и в системе: «Я»/«Я-идеал», создают условия появления чувства вины [9, с. 126]. Вина является ключевым аспектом исследования трансформации садизма в мазохизм, по утверждению известного французского психоаналитика Б. Розенберга. Рассматривая моральный и эрогенный мазохизм, автор определяет роли человеческих влечений, основывая последовательность выводов на базовом фундаменте принципиальных воззрений второй теории влечений З. Фрейда. В рамках данной работы, научный интерес представляет концептуальная интерпретация Б. Розенбергом морального мазохизма. По мнению психоаналитика, такая форма мазохизма характеризуется всеобъемлющим бессознательным чувством вины, сопровождающимся необходимостью в наказании [2, с. 47]. Воздействие на сознание человека, по мнению автора, может исходить не только от близкого человека, но и от жизненных ситуаций. Моральная форма мазохизма является способной оказывать и фактически оказывает воздействие на сознание человека, что является важным аспектом при переходе в лиминальные состояния. Критической формой морального мазохизма может являться самобичевание. Представляя собой способ перенесения нестерпимого морального страдания в область терпимой физической боли, самобичевание способствует подавлению агрессии и повышает стремление к саморазрушению [4, с. 22]. Рассмотрению феномена паломничества как ритуальной формы в рамках религиозной картины мира, уделено основное внимание в статье: «Паломничество как лиминальное состояние» [1]. Автор, исследуя структуру феномена и проведя его подробный анализ, соотносит религиозное паломничество с процессом, способствующим «сознательному и многоуровневому выведению человека, духовно и физически, из обыденного состояния, с целью мистического поиска и в конечном этапе единения

с Богом». Рассматривая формы паломничества, автор отмечает, что: «сегодня скитание, бродяжничество из лиминального состояния становится регулярным». Это позволяет сделать вывод о возрастании роли паломничества как светского события, связанного с туризмом. Стоит отметить, что роль светского паломничества, с развитием современного социокультурного пространства значительно отличается от его первоначального, религиозного значения. Религиозное паломничество, как одиночное, так и в составе социальной группы, характерно присутствием ритуальных форм, а также выраженным лиминальным периодом. Паломник, на всем пути, фактически осуществляет пролонгирование ритуального действия, участвует в таком действии на протяжении всего маршрута, что способствует усилению религиозных чувств и увеличивает желание к участию в сакральных действиях, по мере приближения к намеченной цели паломничества. В современном мире, под вектором развития социокультурной сферы и сближения культурных акцентов, часто можно наблюдать терминологическое смешение двух различных явлений. Отмечают паломничество как сакральное действие и паломничество, как светское развлечение (другие названия «паломнический туризм», «светское паломничество», «паломнический продукт», «паломнический тур»). Вторая трактовка, на наш взгляд является не просто не этичной, но в большей степени является искажением самой сути этого древнего феномена.

Заключение

В современном мире, проявления форм феномена паломничества, фактически формируют новый вид путешествия, направленный на поиск нового социального и индивидуального состояния. В комплексе с сакральным фактором, физическое перемещение человека содержит в себе форму лиминального состояния и является попыткой обретения нового «Я». Стремление испытывать при этом физические страдания и лишения является проявлением скрытого от самого человека морального мазохизма. Бессознательное ощущение вины, во взаимосвязи с сопровождающей вину необходимостью в наказании, способно объяснить устойчивое стремление к мучениям и смирению. Особенно остро такое стремление проявляется в случаях страданий и лишений, происходящих на пути паломника. Преодоление трудностей на пути изменяет психофизическое состояние человека, а также способствует переходу в новое социальное качество.

В данной работе рассмотрен феномен паломничества как стремления избавиться от чувства вины, а также кратко рассмотрены взаимосвязи между чувством вины и нарушением этических норм в лиминальных периодах.

В ходе работы были сделаны выводы:

1. Феномен паломничества, в периоды сложных психологических переживаний человека, может являться формой уменьшения или временного избавления от чувства вины.
2. Паломничество, в лиминальные периоды, имеет ярко выраженный ритуальный характер.
3. Социокультурная роль паломничества, в эпоху возрастающих тенденций современного глобализма, возрастает.

References

- [1] Fusu L.I. Pilgrimage as a liminal state // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2017. Volume 7. № 6A.
- [2] Benno Rosenberg, "The Masochism of Death and the Masochism of Life" // Library of Psychoanalysis. Moscow, Publishing House "Kogito-Center", 2018. P. 44-57
- [3] Zhitenev S.Yu. Religious pilgrimage in Christianity, Buddhism and Islam: sociocultural, communication and civilizational aspects [Text] // Gos. Acad. Slavs. Culture, Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage D.S. Likhacheva, International Public Tourism Acad. - Moscow: Indrik, 2012. 263 p.
- [4] Kozlov V.V. Work with a crisis person. M., 2003.
- [5] Turner V. Symbol and ritual. M., 1983.
- [6] Toporov V.N. Fate and chance // The concept of fate in the context of different cultures. M., 1994.
- [7] Tulchinsky G.L. Posthuman personology. New perspectives of freedom and rationality. SPb., 2002.
- [8] Kutter P. Psychoanalysis [Text]: an introduction to the psychology of unconscious processes // Peter Kutter, Thomas Muller; trans. with him. [V.N. Nikolaev, S.I. Dubinsky]. - Moscow: Kogito-Center, 2011. 383 p.
- [9] Boronenkova Ya.S. Psychoanalytic social philosophy // Ya.S. Boronenkova. - Moscow: Flint: Science, 2011. 109 p.

Библиографический список:

- [1] Фусу Л.И. Паломничество как лиминальное состояние // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 7. № 6A.
- [2] Бенно Розенберг «Мазохизм смерти и мазохизм жизни» // Библиотека психоанализа. Москва, Изд-во «Когито-центр», 2018. С. 44-57
- [3] Житенёв С.Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты [Текст] // Гос. акад. славян. культуры, Российский научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, Международная общественная туристская акад. - Москва : Индрик, 2012. 263 с.
- [4] Козлов В.В. Работа с кризисной личностью. М., 2003.
- [5] Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
- [6] Топоров В.Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- [7] Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002.
- [8] Куттер П. Психоанализ [Текст]: введение в психологию бессознательных процессов // Петер Куттер, Томас Мюллер; пер. с нем. [В.Н. Николаев, С.И. Дубинская]. - Москва: Когито-Центр, 2011. 383 с.
- [9] Бороненкова Я.С. Психоаналитическая социальная философия // Я.С. Бороненкова. - Москва: Флинта: Наука, 2011. 109 с.

Fais-Leutskaia O.D.

*PhD in History. Researcher Superior
of the Center of European and American Studies
of the Institute of Ethnology and Antropology
of the Russian Academy of Science.*

Dialogue of cultures and religions: to the question of the Jewish component of the Sicilian traditional cuisine

Abstract. The article is devoted to a very little-studied aspect of the history and traditional culture of Sicily – namely, to the contacts of Christians with the Judaic Diaspora in the Middle Ages, and, in particular, to the influence of local Jewish culture on the Sicilian traditional food system. The study, which has no analogues in the Russian and foreign historical and anthropological tradition and for the first time raises the question of such influences, analyzes – on the base of bibliographic data and author's field materials – the «borrowings» from Jewish cuisine, firmly rooted in the alimentary culture of Sicily.

Key words: Sicily, Middle Ages, Judaic diaspora, cultural contacts, tolerance, traditional Sicilian cuisine, Hebrew food influence, cheese making, olive oil, egg-plant dishes.

Фаис-Леутская О.Д.

*Кандидат исторических наук.
Старший научный сотрудник Центра Европейских
и Американских Исследований Института Этнологии
и Антропологии Российской Академии Наук.*

Диалог культур и религий: к вопросу о еврейском компоненте сицилийской традиционной кухни

Аннотация. Статья посвящена крайне малоизученному аспекту истории и традиционной культуры Сицилии, а именно – контактам христиан с иудейской диаспорой в Средние века, и, в частности, влиянию локальной еврейской культуры на сицилийскую традиционную систему питания. В процессе исследования, не имеющего аналогов в российской и зарубежной исторической и антропологической традиции и впервые поднимающего вопрос о подобных влияниях, анализу на основе библиографических данных и полевых материалов автора подвергаются «заимствования» из еврейской кухни, прочно укоренившиеся в алиментарной культуре Сицилии.

Ключевые слова: Сицилия, Средние века, иудейская диаспора, культурные контакты, толерантность, традиционная кухня, еврейское пищевое влияние, сыроделие, оливковое масло, блюда из баклажан.

Фаис-Леутская О.Д.*Кандидат исторических наук.**Старший научный сотрудник Центра Европейских и Американских Исследований Института Этнологии и Антропологии Российской Академии Наук.***Диалог культур и религий: к вопросу
о еврейском компоненте сицилийской
традиционной кухни***

Растущее внимание антропологов к феномену пищи и сопряженным с ним тематикам обусловлено не только интересом непосредственно к алиментарным системам отдельных общностей и всего человечества в целом, но и тем фактом, что «пища – это всегда больше, чем просто еда»¹: она представляет собой кодовую систему, позволяющую раскрыть различные аспекты жизни человека и общности, к которой он принадлежит. Кухня каждого региона отражает его историю, включая и историю миграций, опыт аккультурации, этнический и конфессиональный состав населения².

Пресловутый «миграционный кризис» наших дней также осветил и объективировал еще один аспект алиментарной тематики – значимость пищи как детерминанты консолидации/размежевания во взаимоотношениях «своих» и «чужих». Это было убедительно доказано в исследованиях ряда итальянских антропологов³, исследовавших роль пищи в Сицилии как фактора оптимизации диалога «местных» и «пришлых» в этом регионе. Выявление данной функции пищи актуализирует обращение к пищевым контактам сосуществующих в одном социуме различных этнических и этноконфессиональных общностей и заставляет акцентировать более пристальное внимание на опыте их сосуществования, причем не только в настоящем, но и в прошлом.

Это, в свою очередь, побуждает нас обратиться к примеру средне-

* © Фаис-Леутская О.Д., 2020.

Диалог культур и религий: к вопросу о еврейском компоненте сицилийской традиционной кухни

1 Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. Москва: Академический проект. 2018. С. 310

2 Там же.

3 A.Cusumano. Culture alimentari e immigrazione in Sicilia. La piazza universale è a Ballarò // Alimentazione, produzioni tradizionali e cultura del territorio (a cura di S.Mannia). Palermo:Fondazione I.Buttitta. 2012. P. 121 -142; Bonanzinga S., F.Giallombardo. Il cibo per via. Paesaggi alimentari in Sicilia. Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani. 2011.

вековой Сицилии, в контексте которой мы уже рассматривали «восточный (исламский) компонент» локальной кухни, явившийся следствием завоевания острова арабами в IX в.⁴, – один из многих такого пестрого в этнокультурном отношении феномена, как сицилийская система питания.

В настоящей же статье хотелось бы остановиться на проблеме алиментарного влияния со стороны другой этно-конфессиональной составляющей населения этого региона, которая, на наш взгляд, не могла не оставить своего следа в местной традиционной кухне, оформившейся в Средние века в том «окончательном» виде, в котором она сохранилась до сегодняшнего дня.

Этой составляющей является иудейская диаспора, вплоть до 1492 г. входившая в состав населения Сицилии.

Отметим сразу – настоящая статья представляет собой «первый подход» к весьма непростым в силу их малой освещенности темам еврейской культуры повседневности в Сицилии, а также взаимоотношений иудейской диаспоры с христианами, предопределивших возможность алиментарных влияний первой на последних. Она отражает начальный этап работы по реконструкции ряда феноменов традиционной культуры Сицилии, и в ее рамках мы ограничимся лишь общей зарисовкой еврейских пищевых «заимствований» сицилийской кухни.

Точная дата начала формирования еврейской диаспоры на острове неизвестна. Такой исследователь сицилийской иудаики, как Ш.Симонсон, полагает, что это происходит в I в. н.э.⁵; медиевист Ф.Оливери высказывает мнение, что к числу первых евреев, осевших в Сицилии, могли относиться и пленные, которых римляне депортировали из Иудеи после разрушения иерусалимского Храма⁶. К III в. н.э. в Сицилии проживают обширные, преимущественно грекоязычные иудейские общины⁷, но число евреев-переселенцев из Европы, Африки и Азии продолжает увеличиваться, особенно интенсивно – после завоевания Сицилии мусульманами в IX в. К 1492 г. в Сицилии насчитывалась 51 иудейская община из различных регионов исхода⁸.

Не случайно отмечена конечная дата пребывания иудеев в Сици-

4 Фаис О.Д. Плавильный тигель восточной гастрономии: восточный компонент // Вестник антропологии. 2018. № 2 (42). С. 138-154; Фаис О. Арабское наследие в традиционной кухне Сицилии // Вкус Востока. Москва: МГИМО МИД России. 2018. С. 259-278.

5 Simonsohn S. Tra Scilla e Cariddi. Storia degli Ebrei in Sicilia. Roma: Viella. 2011. P. 21.

6 Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombo. 1995. P. 298.

7 Simonsohn. Op.cit. P. 22-23.

8 Italia Judaica. Op.cit.P. 32 -33; Bresc H. Arabi per lingua, ebrei per religione. Messina: Mesogea. 2001.

лии – в 1492 г. увидел свет Эдикт, изданный Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской, королями Кастилии, Арагона, Сицилии и Неаполя, согласно которому евреи, не согласные принять крещение, изгонялись со всех подчинявшихся королям территорий. Начиная с конца XV в. в контексте Сицилии мы можем говорить не об иудеях, но о христианах еврейского происхождения – «*marranos*» (марраны – термин, которым христиане Испании и Португалии именовали евреев, принявших христианство, и их потомков, независимо от степени добровольности обращения), или «*anuzim*» (анусим – ивр. букв. «изнасилованные»). Правда, отметим сразу, само по себе изгнание или крещение евреев в контексте Сицилии не означало автоматического прекращения влияний еврейской культуры на культуру и быт сицилийцев в сфере повседневности, в том числе и алиментарной. И все же появление Эдикта, высылка евреев, а особенно – последовавшее за ними ужесточение действий испанской Инквизиции, в первую очередь в отношении неофитов еврейского происхождения, оставшихся в Сицилии, после 1492 г. не могло не ограничить радикально площадь и интенсивность этих влияний и в целом – культурного диалога между сицилийцами, «истинными христианами», и их новыми «братьями во Христе» – носителями еврейской культуры.

Более того, именно вследствие действий Инквизиции и в целом усиления позиций католицизма в Сицилии, перешедшего в наступление после доминирования в регионе ислама в эпоху мусульманского государства (IX – XI вв.) и периода фактического «многоверия» и полиэтничности в Королевстве норманнов (1091–1194), практически до основания был стесан тот богатый культурный пласт, который создали сицилийские евреи, и который, по словам видного культуролога и лингвиста К.Трасселли, исторически оказал огромное влияние на всю культуру Сицилии⁹. Крайне мало сведений сохранилось из области повседневной культуры. И, как утверждает один из исследователей ментальности сицилийцев, Д.Биллиттери, «после Эдикта католицизм так старательно стирало следы присутствия евреев и из сознания и исторической памяти сицилийцев, некогда живших с ними бок о бок, что стерло их почти окончательно»¹⁰.

Такое положение вещей сказалось и на состоянии изученности проблемы пребывания евреев в Сицилии и их культуры повседневности, а также на специфике подачи всех аспектов этой темы в научной традиции.

9 Trasselli C. Sulla diffusione degli ebrei e sulla importanza della cultura e della lingua ebraica in Sicilia... – in: “Bollettino del Centro di studi filologici e linguistici siciliani”. Palermo. 1954. № 2. P. 376–382.

10 Billitteri D. Femina Panormitana, ovvero l'arte del matrimonio occulto. Palermo: Sigma. 2003. P. 147.

Тем актуальнее, на наш взгляд, обращение к пище как источнику информации. Это обусловлено тем, что алиментарная культура, во-первых, представляет собой одну из наиболее консервативных сфер культуры в целом, и в силу этого подчас сохраняет многие архаичные пласты и сведения, утраченные другими культурными полями. Во-вторых же, в контексте Сицилии в условиях режима идеологического контроля, установленного испанской Инквизицией и просуществовавшего в регионе до конца XVIII в., эта культурная сфера культуры оказалась наименее подцензурной и подконтрольной по сравнению с другими областями культуры¹¹.

Обращение к евреям Сицилии как к объекту исследования, но главное – возникновение нашей гипотезы о вероятном влиянии алиментарной культуры иудейской диаспоры на локальную сицилийскую систему питания, обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, весомой и значимой представляется **численность**, относительная и абсолютная, **диаспоры** в Сицилии. Достаточно обратиться к демографическим данным: к 1492 г. доля еврейского населения исчислялась 13%, а по некоторым данным – и более чем 20% всего населения острова (совокупная численность которого оценивается в 600 тыс. – 700 тыс. человек, тогда как численность локального еврейского населения – в 35 – 50 тыс. человек). Эти показатели тем более впечатляют, что в Италии, население которой достигало в этот период 8 млн – 10 млн чел., число всех евреев (включая сицилийских) в этот же период не превышало 70 тыс. человек¹².

Во-вторых, оптимизации взаимоотношений внутри средневекового сицилийского социума – что в свою очередь вело к расширению площади межэтнических и межконфессиональных контактов в различных областях культуры и повседневности – как мы полагаем, прямо или косвенно способствовал целый ряд явлений, на первый взгляд далеких от пищевых тематик; именно они, на наш взгляд, указывают на **возможность и вероятность** «еврейских влияний» на традиционную сицилийскую систему питания.

Речь идет, например, об **особом характере проживания иудеев** в сицилийских городах, – пусть компактного, но не столь изолированного и локализованного, как, например, в Испании. Дело в том, что в Сицилии исторически не проводилась сегрегационная политика в отношении ев-

11 Фаис-Леутская О. Скабрезности в сфере сицилийской традиционной кухни // Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 72.

12 Renda Fr. La fine del giudaismo siciliano. Palermo: Sellerio. 1993. P. 32–33, 356, 39; Perni M. La popolazione di Sicilia e di Palermo dal X al XVIII secolo. Palermo: Virzi. 1892. P. 14; Hamel P. Gli ebrei in Sicilia // URL: <https://www.rosalio.it/2013/08/19/gli-ebrei-in-sicilia/>.

реев, в том числе и в предшествующие времени испанского господства исторические периоды; по словам историка-ориенталиста Б. Лагумина, «в Сицилии никогда не существовало того, что именуется гетто»¹³. В испанскую же эпоху Сицилия фактически «на месте» управлялась вице-королями и губернаторами, что на деле значительно ослабляло требования короны и значительно либерализовало климат на острове, ввиду того, что, во-первых, сферы королевского влияния в этом регионе не были чётко определены, и, во-вторых, наместники вынуждены были учитывать требования местных политических сил в виде баронов. Подобное положение вещей часто делало Сицилию совершенно «неуправляемым» регионом, живущим по «собственному» сценарию, – в том числе и в вопросе сегрегации иудейского населения.

И если в Испании с 1239 г. властями евреям предписывалось жить исключительно в специально отведенных для них кварталах – «худериях» (исп. «juderia»), а Толедские кортесы в 1480 г. взяли на вооружение принцип репрессивной геттоизации, приняв закон об «apartamento» – сегрегации иудеев, с целью ограждения их от многочисленных «новых христиан» еврейского происхождения, то в Сицилии ситуация складывалась совершенно иная.

Еврейские городские поселения в Сицилии, традиционно именуемые Judesa, (Iudesa) и Giudecca, а также «alijama» (от «aljama» – испанского термина арабского происхождения, обозначающего самоуправляющиеся общины мавров или евреев, живших в испанских владениях), даже накануне появления Эдикта весьма отличались от «худерий» ввиду игнорирования принципа этно-конфессиональной эксклюзивности и «закрытости», а также вследствие вполне добровольного и практически малорегламентированного указами властей характера расселения. Например, в двух кварталах Палермо, Мескита и Гудзетта, в которых было сконцентрировано иудейское население города, в эпохи Эмирата и Королевства норманнов евреи селились хотя и компактными группами, но попеременно с христианами и мусульманами, причем это положение вещей сохранялось и во времена испанского господства¹⁴. Так, исследователь Р.Штраус, анализирувавший «еврейский вопрос» в Сицилии в период с XI по XIV вв., отмечал как «типичный» эпизод, датируемый 1239 г., когда численная группа евреев, иммигрировавших в Сицилию из стран Магриба, поселились в Палермо в зоне Кассаро – квартале не

13 Lagumina B. Considerazioni generali sulla storia dei Giudei in Sicilia // Lagumina B. e G. Codice Diplomatico dei Giudei di Sicilia, vol. III, Documento DCCCCXXIII, Pp.19-23, in "Documenti per servire alla storia di Sicilia pubblicati a cura della Società Siciliana della Storia Patria". Prima Serie Diplomatica. Vol.XVIII. Palermo. 1990.

14 Straus R. Gli ebrei di Sicilia dai Normanni a Federico II. Palermo: Flaccovio. 1992. P. 23.

просто христианском, но аристократическом. Штраус также отмечает, что декрет Фридриха II от 1312 г., согласно которому евреи изгонялись с насильственных мест в центральных – христианских – районах Палермо, уже спустя год после принятия был отменен¹⁵.

Подтверждая факт свободного расселения евреев в сицилийских городах, что само по себе предполагает определенную «открытость» контактов еврейского населения с представителями других этносов и конфессий и является косвенным доказательством достаточно мирного характера межэтнических взаимоотношений в контексте сицилийского средневекового социума.

Упомянем и тот факт, что в период X – XV вв. **евреи играли важнейшую роль в экономике Сицилии**, занимая подчас лидирующее положение в ряде отраслей островного производства. Так, например, сугубо и исключительно еврейскими были производство и обработка металлов, в первую очередь связанные с нуждами флота, выработка бархата, красильное дело, продажа шелка; монопольное право на эти, весьма доходные отрасли сицилийской экономики, было закреплено за диаспорой юридически¹⁶, что освобождало ее от уплаты ряда налогов и предоставляло ей определенные привилегии. Также евреи сосредотачивали в своих руках такие прибыльные для казны сферы деятельности, как обработку коралла и ювелирное дело.

Если говорить об интересующих нас пищевых сферах производства, в которых были активно «задействованы» сицилийские евреи, то преимущественно в их руках было сосредоточено сыроделие (до сих пор сицилийский язык сохраняет архаичное наименование этой отрасли производства – «cosa iudisca», «еврейское дело»), виноградарство¹⁷ и виноделие, культивирование сахарного тростника, «принесенного» на остров арабами в IX в., а также производство и продажа сахара – продукта, к X в. вошедшего в островной быт как лекарство, но вскоре превратившегося на гребне средневековой европейской моды в весьма востребованную, очень дорогостоящую приправу – своего рода статусный символ и социальный маркер имущих¹⁸, и многие другие алиментарные отрасли.

Необходимо подчеркнуть и такое отмечаемое исследователями яв-

15 Straus. Op.cit. P. 23-24.

16 Ibidem. P. 35-36, 310.

17 Abulafia D. Una Comunità ebraica della Sicilia Occidentale: Erice // Archivio Storico per la Sicilia Orientale. Anno LXXX. 1984. P. 179.

18 Palazzolo Ant. Malvicino. Capo d'Orlando: Archeoclub d'Italia. 2011. P. 11-13); Trasselli C. La canna da zucchero nell'agro palermitano nel secolo XV // Annali della Facoltà di economia e commercio Università di Palermo. 7. 1953. P. 376-382; Trasselli C. Storia dello zucchero siciliano. Caltanissetta-Roma. 1982; Schlimsonson Op.cit.. P. 371-375.

ление, как широко распространенная **совместная экономическая деятельность** евреев Сицилии и с мусульманами, и с христианами, а после изгнания первых в XIII в. из региона, – лишь с христианами. Да, подобная практика была присуща также и Испании, но масштабы ее, по свидетельству исследователей, несравнимы с масштабами ее распространения в Сицилии¹⁹.

Активнейшая роль, которую сицилийские евреи играли в экономической жизни острова, делало их в глазах власть предержащих «незаменимыми». Об этом свидетельствует ряд официальных документов, из которых мы вспомним лишь два.

Во-первых, речь идет о датируемом 1439 г. послании представителей городской общины Палермо королю, согласно которому горожане апеллируют к монарху, требуя освобождения от налогообложения проживающих в городе «евреев, местных или приезжих, а также проституток, бродячих торговцев и мясников» – ввиду важности их деятельности для городской общины²⁰.

Во-вторых, приведем документ, который спустя 3 месяца после опубликования Эдикта власти Сицилии – от вице-короля до судей Высшего Суда – подписали и направили королевской чете Испании в попытке повлиять на решение монархов и добиться если не отмены Эдикта в отношении евреев Сицилии, то хотя бы смягчить карательные санкции. В документе говорилось, что обвинения сицилийских евреев в антихристианской пропаганде и организации заговоров на религиозной основе абсолютно беспочвенны; что изгнание евреев, тратящих ежегодно, в силу их численности, не менее 1 млн флоринов на одежду и пропитание, лишило бы ремесленников-христиан, работающих в соответствующих «отраслях», доходов, казну – налогов, а экономику Сицилии – прибыли, идущей на процветание региона; что разрушение совместной экономической деятельности христиан и иудеев в Сицилии в первую очередь негативно сказалось бы именно на христианах; что изгнание евреев привело бы к полной стагнации производства железа – абсолютной их монополии, нанеся тем самым существенный урон военному и торговому флоту Сицилии – основному «потребителю» металлических элементов и конструкций, а также лишила бы Сицилию рабочей силы, задействованной при строительстве фортификационных и оборонных сооружений в сицилийских городах и портах в условиях постоянной угрозы нападения на остров, исходящей с моря; что прекращение экономической деятельности евреев в Сицилии привело бы к утрате Королевской казной налоговых выплат с их стороны; что, наконец, евреи

19 Scarcella G. Gli ebrei in Sicilia. Palermo:Antares. 2015. P. 107.

20 Straus. Op.cit. P. 58

Сицилии – среди них превалировали земледельцы, пастухи, ремесленники, торговцы и отсутствовали ростовщики и в целом люди имущие, – отличаясь от «собратьев по крови и вере в Испании», в своей массе были настолько бедны, что сохранение предусмотренного Эдиктом срока изгнания («в течение 3-х месяцев») без его продления привело бы к их голодной смерти²¹.

Но, несмотря на эту и последующие апелляции властей Сицилии к монархам, единственное, чего им удалось добиться, – увеличения до 6-ти месяцев периода, в течение которого сицилийские евреи должны были покинуть регион²².

Подобное «благорасположение» властей Сицилии к «своим» евреям становится понятным, если исходить из того, что правители региона руководствовались принципом «conveniència» (исп. «выгодность»). Этот термин и стоящий за ним концепт были предложены медиевистом Х. Хоубеном²³ вместо устоявшегося понятия «convivència» (исп. «сосуществование»)²⁴.

Трудно реконструировать отношение к евреям со стороны народных слоев Сицилии в Средние века. И тем не менее есть основания полагать, что оно было значительно более толерантным, нежели в Испании, – это обстоятельство подтверждается рядом исследователей²⁵, – что, в свою очередь, указывает на возможность более тесных культурных контактов между христианским и иудейским населением в Сицилии.

Едва ли не самым убедительным доказательством более низких, чем в Испании и странах Центральной Европы в этот же период, индексов ксенофобии по отношению к евреям среди широких слоев населения в Сицилии может служить достаточно малое число действенных проявлений антисемитизма в регионе²⁶. В Испании, например, первые анти-еврейские погромы, инспирированные доминиканскими проповедями, относятся к 1391 г., в 1412 г. они повторились, что подтолкнуло евреев к массовой практике крещения. В середине XV в. имели место уже многочисленные антимагланские погромы по всей стране, а принятые То-

21 Fonti per la storia dell'espulsione degli ebrei dalla Sicilia (a cura di Giuffrida R., Sparti A., Di Matteo S.). Palermo: Archivio di Stato di Palermo. 1992. P. 37-43; Lagumina. Op.cit. P. 19-23; Renda. Op.cit. P. 106-107. Lo Jacono T. Judaica Salem. Palermo: Sellerio. 1990. P. 47-48.

22 Renda. Op.cit. P. 107.

23 Houben H. Il rispetto interetnico e interreligioso da Ruggero II a Federico II [<http://www.stupormundi.it/it/il-rispetto-interetnico-e-interreligioso>]]; Houben H. Federico II e gli ebrei // Nuova Rivista Storica. 85. 2001. P. 325-346.

24 Menocal M.R. Principi, poeti e visir. Milano: Il Saggiatore. 2009. P. 179-181.

25 Lo Jacono. Op.cit. P. 27, 74.

26 Modica Scala G. Le comunità ebraiche nella Contea di Modica. Modica. 1978. P. 269-271; Lo Jacono. Op.cit. P. 27.

ледскими кортесами указы от 1449 г. запрещали марранам какое-либо участие в общественной жизни социума²⁷. В Сицилии же история сохранила всего два локализованных антиеврейских выступления – в Модике и в Ното в 1474 г.²⁸

Несомненно, оформление народных настроений в отношении евреев и в целом инокультурных групп населения, и этой народной, пусть умеренной, но толерантности, во многом обязано историческому опыту и исторической памяти сицилийцев, опиравшейся на традиции религиозной и этнической терпимости, которые поддерживались в эпохи как Эмирата, так и Королевства норманнов²⁹. Не случайно Р. Штраус утверждает, что вплоть до XV в. евреи Сицилии не были гонимым меньшинством, но лишь одной из этно-конфессиональных составляющих населения региона, и что именно этот факт подчеркивает отличие «сицилийской ситуации от испанской»³⁰. Ему вторят историки, обращающие внимание на то, что «в Сицилии еврейских влияний в локальной алиментарной сфере значительно больше, чем в Испании, ввиду существования в прошлом...особого общественно-политического климата на острове, детерминировавшего толерантность к инородцам»³¹

Но также, как подчеркивает ряд исследователей национального характера сицилийцев, присущих им традиционных канонов мышления и поведения, важную роль в утверждении преимущественно толерантного отношения к евреям среди широких слоев населения сыграли исторически присущие жителям Сицилии народный стихийный антиклерикализм и в целом «внецерковная» религиозность. Благодаря этим чертам местное христианское население значительно больше, нежели католики Испании, выказывало иммунитет к призывам проповедников, с амвона декларировавшим «расово-идеологическую войну» против иудеев³².

Кроме того, сицилийские христиане весьма легко пренебрегали запретами, подкрепленными штрафами и налогами, со стороны католической церкви, на приобретение продовольственных товаров, произведенных евреями и для евреев. Речь идет о пользовавшихся большим

27 Modica Scala. Op.cit. P.269; Lo Jacono. Op.cit. P. 111.

28 Modica Scala. Op.cit. P. 269-271.

29 Scarcella. Op.cit. P. 47-48; Lo Jacono. Op.cit. P. 27; Alvarez Garcia G. Sicilia, Spagna. Palermo: Nuova Ipsa. 1997. P.13; Palermo 1070-1492: mosaico di popoli, nazione ribelle: l'origine della identità siciliana (a cura di Bresc H., Bresc-Bautier G.). Soveria Mannelli: Rubbettino. 1996. P. 29.

30 Straus. Op.cit. P. 26-27.

31 Donà M.G., Di Franco C. Viaggi attraverso i sapori del quotidiano. Palermo: Qanat. 2013. P. 156.

32 Alvarez Garcia. Op.cit. P. 9, 12-13; Lo Jacono. Op.cit. P. 21, 27, 29, 74; Randazzo S.B. Sicilianità. Palermo: EDI OFTES. 1985. P. 173.

спросом у христиан кошерных сыра, мяса, хлеба и особенно вина³³; среди покупателей последнего в первую очередь фигурировали как раз представители церкви и монастырей, что убедительно доказывают архивные нотариальные акты.

Косвенным свидетельством и показателем более толерантного отношения населения и властей к евреям в Сицилии, по сравнению с Испанией, мы полагаем и тот факт, что большая часть сицилийских евреев предпочла принять крещение и остаться, тогда как превалирующее большинство испанских евреев эмигрировало³⁴.

Но, не анализируя сейчас проблему пребывания евреев в Сицилии, ни активность межэтнических и межконфессиональных контактов внутри средневекового сицилийского социума, ни даже феномен иудейско-христианской культурной повседневности до 1492 г., заслуживающих, несомненно, полноценного самостоятельного исследования, вернемся непосредственно к вопросу о **еврейском влиянии на сицилийскую алиментарную традицию**. Следует отметить, что анализ этой темы сопряжен со значительными **сложностями**, обусловленными рядом факторов.

Во-первых, диаспора в Сицилии отнюдь не представляла собой однородного в культурном отношении анклава. Так, например, на волне арабо-берберского завоевания в Сицилии осели выходцы из иудейских общин Магриба, вследствие покорения Османской империей Албании в 1385 г. – и албанские евреи, образовавшие общину города Медзоузо³⁵, с переходом власти над Сицилией к Каталонии в XIV в., в Палермо, например, поселились и каталанские сефарды³⁶. Таким образом, составляющие сицилийской диаспоры, выходцы из различных регионов Европы, Ближнего Востока и Магриба, представители сефардских, византийских, балканских, североафриканских анклавов, обладая пусть и общим «знаменателем» – нормами кашрута, были носителями весьма различных пищевых привычек, традиций, вкусов. Неслучайно медиевист А.Тоафф подчеркивает многочисленность и разнообразие еврейских кухонь в еврейской гастрономической традиции Италии³⁷.

Во-вторых, степень изученности интересующей нас темы оставляет желать много лучшего: в «чистом виде» она не освещалась ни одним исследователем. Ближе всего к ней подошел А.Бреск, подвергший анализу многие феномены культуры средневековой Сицилии, в том числе и ее

33 Simonsohn. Op.cit. P. 363-354.

34 Poliakov L. Storia dell'antisemitismo. Vol. II. Firenze: La Nuova Italia. 1974. 170 p.

35 Ebrei e Sicilia. Op.cit. P. 203-204.

36 Scarcella. Op.cit. P. 21.

37 Toaff A. Cucina ebraica, cucine ebraiche // Montanari M. (a cura di). Il mondo in cucina. Storia, identità, scambi. Roma-Bari: Laterza. 2002. P. 135-148.

еврейские «границы», но не осветивший вопрос еврейской кухни³⁸. Последнее неудивительно, поскольку сведения, встречающиеся в научной литературе в отношении еврейских средневековых кулинарно-гастрономических практик в Сицилии, единичны и фрагментарны.

Именно поэтому мы также опирались на «собственные» полевые материалы по пищевой традиции Сицилии, позволившие распознать «корни» многих локальных блюд. В дальнейшем предполагается проведение сравнительно-сопоставительного анализа сицилийской кулинарно-гастрономической традиции с еврейскими кухнями различного происхождения – балканскими, сефардскими, ближневосточными – в той мере, в которой сегодня возможна реконструкция их средневекового вида и состояния.

Говоря о **непосредственных «заимствованиях»** из алиментарной еврейско-сицилийской культуры, в первую очередь надо упомянуть продукты сыроделия. Речь идет о таких сырах, как Пикуруну фриску, или Тума, – молодом сыре, очень популярном в Сицилии, который делают как из овечьего, так и из коровьего и овечьего молока³⁹, а также о Рагузано и Вастедда Палермитана, с XIII в. прочно вошедших в сицилийское традиционное меню⁴⁰. Эти сыры, равно как и технологии их производства ряд специалистов из Сицилийского Зоотехнического Института считает как раз еврейским «вкладом» в локальную систему питания⁴¹.

Некоторые исследователи предполагают, что такие сицилийские виды хлеба, как «торчильято» (torcigliato) и «тречча», или «трицца» (treccia/trizza) имеют прямое отношение к хале: совпадают внешний вид, технология приготовления, состав теста, тип обсыпки готового изделия⁴².

В качестве конкретного «заимствования» Т. Ло Йаконо⁴³ указывает жареное на оливковом масле мясо с шалфеем и чесноком, вошедшее в традиционное «народное» сицилийское меню⁴⁴. Именно «своим» евреям Сицилия обязана «внедрением» в кулинарную практику оливкового

38 Bresc H. Il cibo nella Sicilia medievale. Palermo: University Press. 2019.

39 Origini della produzione casearia in Sicilia. Palermo: Istituto Sperimentale Zootecnico per la Sicilia. 2002. P.19; Atlante dei prodotti caseari siciliani. Palermo: Istituto Sperimentale Zootecnico per la Sicilia. 2009. P. 3-4; Donà M.G., Di Franco C. Op.cit. P. 9, 156-159.

40 Pomar A. Le vie del Formaggio in Sicilia. Palermo: Castellucci. 2003. P. 18, 22.

41 Origini della produzione. Op.cit. P.20; Atlante dei prodotti caseari siciliani. Palermo: Istituto Sperimentale Zootecnico per la Sicilia. 2009. P. 3-4.

42 Donà, Di Franco. Op.cit. P. 157; Atlante del pane di Sicilia. Agrigento: Consorzio «G. P. Ballatore». 2004. 226 p.

43 Lo Jacono. Op.cit. P. 110.

44 Correnti P. Il libro d'oro della cucina e dei vini di Sicilia. Milano: Mursia. 1976. P. 275-276.

масла – в регионе вплоть до 60-х гг. XX в. по традиции использовался преимущественно свиной лярд в качестве жира для жарки как в «народной», так и в «богатой» кухне⁴⁵.

Предполагаем, что и блюда из баклажан, занимающие огромное место в сицилийской алиментарной традиции, были также заимствованы «бедной» местной христианской кухней из локального еврейского меню. Согласно официальной версии, этот овощ, «пришедший» из Южной Азии, Среднего Востока и Индии, в IX в. арабы «привили» в Магрибе, а около 1380 г. интродуцировали в Сицилию и Андалузию. Широко же выращивать баклажан в Европе начали лишь в XIX в. – в течение долгого времени христианская кухня отвергала его по причине «ядовитости». Подобное отношение к овощу было связано с его горьким вкусом, и с тем, что его латинское и итальянское название – «melanzana», происходящее от арабского «al-badingian», трактовалось как «mela insana» («ядовитое яблоко»).

Но, на наш взгляд, хронология интродукции и причины табуации баклажана христианами выглядят несколько иначе. Полагаем, что в Сицилии баклажан мог появиться много раньше, уже в XI в., на волне арабской «конкисты» вместе с евреями-переселенцами из Магриба (по крайней мере, сицилийский аббат А.Сенизио, в своих описаниях локальной кухни, датируемых 1360 г., именно к этому периоду относит появление баклажана на острове),⁴⁶ причем вначале как исключительно «еврейский овощ». Последнее подтверждают факты, приводимые медиэвистом А.Тоаффом. Во-первых, баклажан занимает прочное место в еврейских кухнях Испании, Португалии, Италии, регионов Магриба, в целом Средиземноморья – вспомним, например, жареный с чесноком и розмарином или маринованный в уксусе овощ, а также Балкан, где фигурирует баклажан, фаршированный мясом и рисом⁴⁷. Во-вторых, сам баклажан и все блюда на его основе в Италии, начиная с раннего Средневековья, именовались не только «melanzana», но значительно чаще – «еврейской едой» («mangiare alla giudia»)⁴⁸.

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что в Сицилии баклажан устойчиво коннотировал с еврейским сообществом. Ввиду этого предположим, что поздняя ассимиляция христианами Сицилии баклажана и его включение в местное меню в XV в. в виде богатейшего ассортимента блюд, возможно, была связана с этноконфессио-

45 Lo Jacono. Op.cit. P.111; Bresc H. Il cibo. P. 41.

46 Marinoni A. (a cura di). Dal «Declarus» di A.Senisio ai vocaboli siciliani. Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani. 1955. 262 p.

47 Toaff A. Mangiare alla giudia. Cucine ebraiche dal Rinascimento all'età moderna. Bologna: Il Mulino. 2011. P. 16-17.

48 Там же.

нальной «окрашенностью» этого овоща и блюд из него, и что интродукция его в христианскую кухню, совпавшая с изгнанием евреев, произошла лишь тогда, когда блюда из баклажана лишились своих изначальных «хозяев».

Но, помимо «прямых» заимствований из локальной еврейской кулинарно-гастрономической сферы, традиционная кухня в Сицилии получила и опосредованные. Поясним: сицилийские евреи нередко выступали как проводники и популяризаторы в христианской среде арабской алиментарной традиции, которую они часто разделяли. Так, Ш.Симонсон упоминает традиционные сицилийские сласти арабского происхождения – марципан, кубайтта (cubaitta), панелле ри меле (panelli ri meli), которые в XIV-XV вв. производили уже не арабы, но евреи, торговавшие этими сластями⁴⁹. Симонсону вторит А.Тоафф, подчеркивая тот факт, что, например, берберский по своим корням кускус, органично входящий сегодня в состав традиционной западно-сицилийской кухни, был интродуцирован в местную систему питания, очевидно, через посредство еврейского населения острова⁵⁰ – вернее, тех евреев-выходцев из Магриба, которые появились в IX в., вместе с исламскими завоевателями Сицилии, – а после изгнания был перенесен сицилийскими евреями в Ливорно, где его ассимилировали местные общины.

References

- [1] Bart R. Fashion System. Articles on the semiotics of culture. Moscow: Academic project. 2018. (Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. Москва: Академический проект. 2018).
- [2] Fais O. Melting crucible of Sicilian gastronomy: the eastern component // Bulletin of Anthropology. 2018. № 2. P. 138-154. (Фаис О. Плавильный тигель сицилийской гастрономии: восточный компонент // Вестник антропологии. 2018. № 2. С. 138-154).
- [3] Fais O. Arabian heritage in the traditional cuisine of Sicily // Taste of the East. Gastronomic traditions in the history, culture and religions of the peoples of Asia and Africa. Moscow: Publishing house "MGIMO-University". 2018. (Фаис О. Арабское наследие в традиционной кухне Сицилии // Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки. Москва: Издательство «МГИМО-Университет». 2018).
- [4] Fais O. Skabreznosti in the field of Sicilian traditional cuisine // Ethnographic Review. 2019. № 2. P. 61-77. (Фаис О. Скабрезности в сфере сицилийской традиционной кухни // Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 61-77).
- [5] Abulafia D. Una Comunità ebraica della Sicilia Occidentale: Erice// Archivio Storica per la Sicilia Orientale. Anno LXXX. 1984.
- [6] Alvarez Garcia G. Sicilia, Spagna. Palermo: Nuova Ipsa. 1997.
- [7] Atlante dei prodotti caseari siciliani. Palermo: Istituto Sperimentale Zootecnico per la Sicilia. 2009.
- [8] Atlante del pane di Sicilia. Agrigento: Consorzio «G. P. Ballatore». 2004.
- [9] Billitteri D. Femina Panormitana, ovvero l'arte del matrimonio occulto. Palermo: Sigma. 2003.

49 Simonsohn S. Op.cit. P. 391.

50 Toaff A. Cucina ebraica. P. 141-142.

- [10] Bonanzinga S., Giallombardo F. Il cibo per via. Paesaggi alimentari in Sicilia. Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani. 2011.
- [11] Bresc H. Arabi per lingua, ebrei per religione. Messina: Mesogea. 2001.
- [12] Bresc H. Il cibo nella Sicilia medievale. Palermo: University Press. 2019.
- [13] Correnti P. Il libro d'oro della cucina e dei vini di Sicilia. Milano: Mursia. 1976..
- [14] Cusumano A. Culture alimentari e immigrazione in Sicilia. La piazza universale è a Ballarò // Alimentazione, produzioni tradizionali e cultura del territorio (a cura di S.Mannia). Palermo: Fondazione I.Buttitta. 2012. P. 121 -142.
- [15] Di Franco C. Itinerario gastronomico arabo-normanno. Palermo: Lapademi. 2018.
- [16] Donà M.G., Di Franco C. Viaggi attraverso i sapori del quotidiano. Palermo: Qanat. 2013.
- [17] Ebrei e Sicilia (a cura di N.Bucaria, M.Luzzati, A.Tarantino). Palermo: Flaccovio. 2002.
- [19] Fonti per la storia dell'espulsione degli ebrei dalla Sicilia. Palermo: Archivio di Stato di Palermo. 1992.
- [20] Hamel P. Gli ebrei in Sicilia // URL: <https://www.rosalio.it/2013/08/19/gli-ebrei-in-sicilia/>.
- [21] Hubert H. Federico II e gli ebrei // Nuova Rivista Storica. 85 (2001). P. 325-346.
- [22] Houben H. Il rispetto interetnico e interreligioso da Ruggero II a Federico II // URL:<http://www.stupormundi.it/it/il-rispetto-interetnico-e-interreligioso>.
- [23] Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombo. 1995.
- [24] Lagumina B. Considerazioni generali sulla storia dei Giudei in Sicilia//Lagumina B. e G. Codice Diplomatico dei Giudei di Sicilia, vol. III, Documento DCCCCXXIII. P. 19-23 // Documenti per servire alla storia di Sicilia pubblicati a cura della Società Siciliana della Storia Patria. Prima Serie Diplomatica. Vol.XVIII. Palermo. 1990.
- [25] Lo Jacono T. Judaica Salem. Palermo: Sellerio. 1990.
- [26] Marinoni A. (a cura di). Dal «Declarus» di A.Senisio ai vocaboli siciliani. Palermo: Centro di studi filologici e linguistici siciliani. 1955.
- [27] Menocal M.R. Principi, poeti e visir. Milano: Il Saggiatore. 2009.
- [28] Modica Scala G. Le comunità ebraiche nella Contea di Modica. Modica. 1978.
- [29] Origini della produzione casearia in Sicilia. Palermo: Istituto Sperimentale Zootecnico per la Sicilia. 2002.
- [30] Palazzolo A. Malvicino. Capo d'Orlando: Archeoclub Italia. 2011.
- [31] Palermo 1070-1492: mosaico di popoli, nazione ribelle: l'origine della identità siciliana (a cura di Bresc H. e Bresc-Bautier G.). Soveria Mannelli: Rubbettino. 1996.
- [32] Perni M. La popolazione di Sicilia e di Palermo dal X al XVIII secolo. Palermo: Virzi. 1892. 14 p.
- [33] Poliakov L. Storia dell'antisemitismo. Vol. II. Firenze: La Nuova Italia. 1974.
- [34] Pomar A. Le vie del Formaggio in Sicilia. Palermo: Priulla. 2003.
- [35] Renda F. La fine del giudaismo siciliano. Palermo: Sellerio. 1993.
- [36] Renda F. Gli ebrei prima e dopo il 1492// Italia Judaica. Gli ebrei in Sicilia sino all'espulsione del 1492. Roma: Fratelli Palombo. 1995.
- [37] Scarcella G. Gli ebrei in Sicilia. Palermo: Antares. 2015.
- [38] Simonsohn S. Tra Scilla e Cariddi. Storia degli Ebrei in Sicilia. Roma: Viella. 2011.
- [39] Straus R. Gli ebrei di Sicilia dai Normanni a Federico II. Palermo: Flaccovio. 1992.
- [40] Toaff A. Cucina ebraica, cucine ebraiche // Il Mondo in Cucina. Storia, identità, scambi. Roma-Bari: Laterza. 2002. P. 135-148.
- [41] Toaff A. Mangiare alla giudia. Cucine ebraiche dal Rinascimento all'età moderna. Bologna: Il Mulino. 2011.
- [42] Trasselli C. La canna da zucchero nell'agro palermitano nel secolo XV // Annali della Facoltà di economia e commercio Università di Palermo. 7 (1953). P. 376-382.
- [43] Trasselli C. Sulla diffusione degli ebrei e sulla importanza della cultura e della lingua ebraica in Sicilia....//Bollettino del Centro di studi filologici e linguistici siciliani. Palermo. 1954. № 2. P. 376-382.
- [44] Trasselli C. Storia dello zucchero siciliano. Caltanissetta-Roma. 1982.

Kabylinskii B.V.

*Candidate of Philosophy. Visiting Professor
at NIDA Royal Thai University (Bangkok, Thailand).*

Non-conflict motives in the god song «Bhagavad-Gita»

Abstract. Within this article author concentrates on researching the non-conflict behavior in the holy text «Bhagavad Gita». The article gives comparative parallels between Christian non-violence concept and Hindu idea of runaway from personality in socio-cultural discourse.

Key words: non-conflict, conscious, religion, Hinduism.

Кабылинский Б.В.

*Кандидат философских наук.
Приглашенный профессор Тайского Королевского Университета
NIDA (Бангкок, Таиланд).*

Неконфликтные мотивы в божественном напеве «Бхагават-Гиты»

Аннотация. В рамках данной статьи внимание автора сконцентрировано на исследовании сущностных аспектов не-конфликтной поведенческой установки в сакральном тексте «Бхагават-Гита». В статье проведены компаративистские параллели между христианскими идеями о непротiwлении злу насилием и индуистскими идеями отказа от собственной индивидуальности в социокультурном ракурсе.

Ключевые слова: не-конфликтность, сознание, религия, индуизм.

Кабылинский Б.В.*Кандидат философских наук. Приглашенный профессор
Тайского Королевского Университета NIDA (Бангкок, Таиланд).*

Неконфликтные мотивы в божественном напеве «Бхагават-Гиты»*

По мысли великого французского философа Мишеля Монтеня, любое философствование представляет собой размышление о смерти¹. Необходимо отметить, что содержательные горизонты этой идеи могут быть определены значительно шире в гносеологическом плане. В частности, представляется справедливым утверждать, что религиозное сознание, вне зависимости от национальной или исторической специфики восприятия божественной природы, всегда имеет в своем основании краеугольный камень конечности человеческого бытия. В данной связи проявления религиозности духа в социокультурном дискурсе преимущественно локализируются в эпистемологическом кластере знания о способах преодоления конечности индивидуального существования. С другой стороны, предназначение религии для повседневного человеческого бытия состоит не только в том, чтобы оптимизировать практики духовного диалога человека с Богом и наметить возможности для субъективного трансцендирования за границами собственной материальной природы. Традиционно религиозная догматика также выполняет нормативные функции в социокультурном дискурсе и предоставляет апологетам четкие указания относительно того, как добиться гармонизации и качественного улучшения повседневных реалий мирской жизни.

Итак, дуалистическая сущность религии состоит, в числе прочего, в эпистемологическом комбинировании духовного опыта и нормативных паттернов. Соответственно, конфессиональные учения в определенной пропорции содержат абстрактные догмы и фиксированные императивы, предназначенные для оптимизации условий будничного существования духовной паствы. Как правило, теоретические и практические компоненты в структуре религиозного знания

* © Кабылинский Б.В., 2020.

Неконфликтные мотивы в божественном напеве «Бхагават-Гиты»

1 Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. Пер. с фр. - М.: Голос, 1992. С. 12.

разбалансированы и расположены асимметрично в эпистемологической сетке. В частности, христианская богословская доктрина преисполнена упований на достижение блаженства в Царствии не от мира сего, и в данной связи христианство подвергается определенной критике с позиций эмпирического опыта. В частности, Толстой отмечает проблему недостаточной информативности, а точнее искаженности, повседневных ориентиров христианского учения². Примечательно, что попытка Толстого реанимировать в соответствии с собственным видением изначальное учение Христа о непротавлении злу насилием воплотилась на практике в освободительных движениях за национальную свободу и права человека в XX веке под началом таких личностей, как Ганди и Мартин Лютер Кинг. Заметим, что историческая противоречивость и аксиологическая неоднозначность результатов борьбы непротавленцев указывает на существенные трудности, возникающие в ходе практического воплощения религиозных постулатов о ненасилии. При этом апологеты идеи построения неконфликтных социокультурных модусов нередко подвергаются масштабной критике за тяготение к утопизму. Тем не менее, несмотря на дискуссионную эмпирическую ценность, неконфликтный способ мышления повсеместно встречается в мировых конфессиях и удерживает за собой привилегированный статус в религиозной эпистемологической сетке. С целью иллюстрации данного тезиса обратимся к аналитике фундаментальных основ индуизма.

В индуистской религиозной философии сакральное произведение «Бхагават Гита» занимает центральное место в качестве основного источника кришнаитских монотеистических верований. В свою очередь неконфликтные мотивы в тексте «Песни господа», а именно так переводится название книги с санскрита, располагаются на базовой смысловой оси. Высказанная идея о не-конфликтности содержания может показаться парадоксальной, так как по основному сюжету «Бхагават Гита» Арджуна, один из пяти царевичей Пандавов, сомневается относительно правильности своего замысла о вступлении в битву, которая закончится гибелью близких родственников, но соглашается с логикой возникшего Кришны, открывшего Арджуне свою божественную природу и указавшего на необходимость исполнить в битве долг правителя и воина. Наставления Кришны абсолютны, потому что он находится на вершине мироздания и между именем, формой, качествами и играми Кришны отсутствуют существенные различия. Кришна обладает свойствами величайшей, не рожденной,

2 Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? – Ленинград: Художественная литература, 1991. С. 56-59.

изначальной обители всего сущего, находящейся за пределами материальной скверны и содержащей все возможности для наслаждения. Главный герой «Бхагават Гита» Арджуна, решаясь на вступление в кровопролитную битву со своими родственниками, преисполняется духом не-конфликтности, потому что очищает свой разум от помутнения индивидуальной воли и исполняет повеление божественной сущности. Иными словами, индивидуальное живое существо и Бог соотносятся между собой как часть и целое, поэтому, выражаясь метафорически, индивидуальная нужда человека в маленьком духовном колодце удовлетворяется внутри огромного божественного водоема. Соответственно, не-конфликтность индивидуально-го сознания достигается за счет осознания удовольствия в ракурсе сопричастности по отношению к истинному божественному Я, что означает пробуждение чистого, ясного сознания. Итак, несмотря на воинственность основного лейтмотива «Бхагават Гита» рассуждения верховного божества преисполнены духом не-конфликтности.

В сущности не-конфликтность повседневного бытия в кришнаизме обеспечивается за счет того, что присутствие в мировоззренческой системе верховной абсолютной божественной личности обеспечивает устранение идеи Его из индивидуального сознания. Вайшнав, или слуга Господа, владеет наукой сознания Кришны и черпает удовлетворение только в своем чистом божественном Я за пределами телесной оболочки. В соответствии с кришнаитскими догмами, неконфликтное поведение как форма ухода от материального сознания предполагает отказ от ключевой мотивации на конфликтное сопричастие. В хайдеггеровской терминологии это означает, что я-в-конфликтности удерживается от падения в мир³, абстрагируясь от созерцания объектов, приносящих наслаждение чувствам и зарождающих индивидуальную привязанность, а впоследствии вожделение и гнев. Беспокойство и субъективные вожделения поэтапно устраняются из жизни по факту их трансцендирования за границы индивидуального сознания и по мере устремления Я в сторону к божественной любви. В противном случае человек обречен вожделеть под действием страстей и гневаться, не имея возможности независимо обзоревать со стороны неполноту бытия и избавиться от иллюзорности существования. Между прочим, текст «Бхагават Гита» разъясняет, что мнимая неконфликтная форма индивидуального бытия распознается таким образом, что внешнее удерживание своих органов чувств от стяжательной деятельности со-

3 Хайдеггер М. Бытие и время. / пер. с нем. В. Бибихина. – Харьков.: Фолио, 2003. С. 199.

проводится постоянным раздумьем о материальных объектах, то есть указывает на самообман и духовное притворство.

В целом по гедонистическому вопросу «Бхагават Гита» разъясняет, что необходимо вывести любовь к женщине за границы индивидуального сознания. Эта жертва компенсируется приобщением к трансцендентной совокупности божественных качеств, то есть вечности, знанию и блаженству. Страсть мужчины к женщине в кришнаизме интерпретируется как искаженное отражение любви к Богу и заменяется истинным ощущением единства субъекта с Верховным Абсолютом. Следовательно, высшее совершенство жизни состоит в том, чтобы удовлетворять не свои любовные чувства, а божественные, «принимая как истину все Твои слова»⁴. В содержательном плане эта идея необычайно близка христианскому догмату о том, что «не Моя, но Твоя воля да будет»⁵. Поэтому не-конфликтность индивидуального бытия, согласно тексту «Бхагават Гита», состоит в том, чтобы уйти от материального сознания в сторону действия сообразно желаниям Господа. В соответствии с этой логикой текст «Бхагават Гита» содержит возможности для обретения индивидуальной гармонии и покоя в мире, потому что в ситуациях, когда человек сконцентрирован на трансцендентном служении Богу, у него нет возможности удовлетворить свои низменные наклонности. В награду за отказ от собственной индивидуальности человек раскрывает внутренний потенциал великой души, потому что она выше объектов чувственного восприятия, чувств, ума и разума. Соответственно, прекращение материального существования указывает на фактичность вхождения человека в духовный мир, обитель Господа. Примечательно, что по кришнаистским верованиям индивидуальный успех зависит от божественной милости, поэтому для того чтобы преуспеть в жизни, следует парадоксальным образом перестать заботиться о себе и начать служить Богу, устремляясь в направлении к совершенному знанию, то есть Шри Кришне.

Неконфликтное мышление и поведение в кришнаизме приближает человечество к духовному благословенному единению в сознании Кришны. Логика «Бхагават Гита» строится на том, что человек по своей природе опекаемый, а Господь, словно пастырь, заботится о преданных служителях. С эпистемологической точки зрения, в священном кришнаистском тексте содержатся аксиологические основы неконфликтного бытия, но присутствует определенная недостаточность практических рекомендаций относительно методики отказа от собственного Его в

4 Bhaktivedanta A.C. Swami Prabhupada. Bhagavad Gita As It Is. – London: Mass Masrket Paperback 2001. P. 181-182.

5 Рождественское Евангелие. – М.: «Белый город», 2003. С. 77.

уюдоу верховному божеству. Тем не менее, наличествующие пробелы восполняются в толкованиях и других сакральных текстах, в том числе из области йогической практики.

Резюмируя, суть неконфликтных мотивов «Бхагават Гита» состоит в том, чтобы сформировать у верующих желание ненасильственным способом достичь просветления и приблизиться к моменту освобождения от материального плена индивидуальной воли.

References

- [1] Michel Montaigne. Experiences. Selected works in 3 volumes. Volume I. Per. with fr. - M.: Voice. 1992. 12 p.
- [2] Tolstoy L.N. Confession. What is my faith? - Leningrad: Fiction. 1991. P. 56-59.
- [3] Heidegger M. Genesis and Time. / per. with him. V. Bibikhina. - Kharkov.: Folio. 2003. 199 p.
- [4] Bhaktivedanta A.C. Swami Prabhupada. Bhagavad Gita As It Is. - London: Mass Market Paperback. 2001. P. 181-182.
- [5] The Christmas Gospel. - M.: "White City". 2003. 77 p.

Библиографический список:

- [1] Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. Пер. с фр. - М.: Голос. 1992. 12 с.
- [2] Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? – Ленинград: Художественная литература. 1991. С. 56-59.
- [3] Хайдеггер М. Бытие и время. / пер. с нем. В. Биbihина. – Харьков.: Фолио. 2003. 199 с.
- [4] Bhaktivedanta A.C. Swami Prabhupada. Bhagavad Gita As It Is. – London: Mass Market Paperback. 2001. P. 181-182.
- [5] Рождественское Евангелие. – М.: «Белый город». 2003. 77 с.

Abdullaeva S.S.

*Assistant of the Department of philosophy and religious studies
of Nikolay Stoletovs Vladimir State University.*

The problem of conceptual interpretation of «European Islam and Euroislam»

Abstract. Author in the article considers the liberal-European Islamic religious system, which Tariq Ramadan and Bassam Tibi visually ideologically divided into two interdisciplinary legislative and social concepts: «European Islam» and «Euroislam» in the context of modern migration pattern of Europe. The competent interpretation of the abovementioned terms helps to understand appropriately, what is the difference between the legal approach of «Euroislam» and the multicultural theory of «European Islam» as a solution to the social and legal problems that have arisen between the Muslim population of Europe and native Europeans.

Key words: term, interpretation, Islam, Muslims, Europe, «European Islam», «Euroislam», «Islam in Europe», «liberal Islam», concept, ideology, approach.

Абдуллаева С.Ш.

*Ассистент кафедры философии и религиоведения Владимирского
государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых.*

Проблема понятийной интерпретации «Европейского Ислама и Евроислама»

Аннотация. В статье автор рассматривает либерально-европейскую исламскую систему вероисповедания, которую Тарик Рамадан и Бассам Тибби идеологически визуально поделили на две внутрипредметные законодательно-общественные концепции: «европейский ислам» и «евроислам» в контексте современной миграционной картины Европы. Грамотная интерпретация вышеуказанных терминов поможет адекватно разобраться, в чем состоит отличие юридического подхода «евроислама» и мультикультурной теории «европейского ислама» в качестве решения возникших общественно-правовых проблем между мусульманским населением Европы и коренными европейцами.

Ключевые слова: термин, интерпретация, ислам, мусульмане, Европа, «европейский ислам», «евроислам», «ислам в Европе», «либеральный ислам», концепция, идеология, подход.

Абдуллаева С.Ш.

Ассистент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Проблема понятийной интерпретации «Европейского Ислама и Евроислама»*

Введение. В настоящее время в соответствии с миграционной картиной Европейского континента (далее Европа, Старый Свет, Старый континент), куда за последние сто лет мигрировало большое количество мусульманского населения из стран третьего мира и многих других мусульманских стран, можно заметить своего рода идеологическую трансформацию исламской системы вероисповедания в контексте европейской глобализации ислама, вследствие чего появляются такие новые общественно-политические понятия религиозного типа, как «европейский ислам» (англ., European Islam) и «евроислам» (англ., Euroislam). Однако необходимо отметить, что вышеуказанные термины, содержащие в себе концепцию международного интеграционного исламского права, нельзя путать с «исламом в Европе» (англ., Islam in Europe) – «белый ислам» (англ., white Islam), так как исторически первые мусульмане появились в Южной Европе уже в VIII веке, пытаясь завоевать Испанию, переплывая Гибралтарский пролив [4]. Следовательно, «ислам в Европе» – это коренное мусульманское население Старого Света, то есть «белая мусульманская Европа» (англ., White Muslim Europe). Именно «белая мусульманская Европа» является антиподом большому количеству иммигрантов из стран третьего мира, так как на территории Старого континента проживают коренные, «белые» мусульмане, и где в их лице религия пророка Мухаммеда существует веками [2].

Интеграционные терминологические системы в контексте современной глобализации. Авторами современных интеграционных концепций «европейского ислама» и «евроислама» являются известные ученые, публицисты, писатели и активные общественные деятели: Тарик Рамадан (англ., Tariq Ramadan, 1962), профессор философии колледжа в Женеве и профессор ислама в университете Фрибура (Швейцария), и Бассам Тибби (англ., Bassam Tibi, 1944), немецкий политолог сирийского происхождения, профессор международных отношений.

В настоящее время Тарика Рамадана считают одним из ста наиболее

* © Абдуллаева С.Ш., 2020.

Проблема понятийной интерпретации «Европейского Ислама и Евроислама»

выдающихся интеллектуалов и новаторов XXI века, его по праву можно назвать родоначальником концепции «европейского ислама», на основании которой ученый проводит активную работу построения «новой европейской мусульманской идентичности» (англ., New European Muslim identity). Тарик Рамадан отмечает, что мусульмане в Европе должны принимать полное участие в общественной и культурной жизни Старого Света, где возможен некий идеологический синтез европейской культуры и мусульманской этики, утверждая, что «европейские мусульмане должны отделить исламские принципы от их культуры происхождения и закрепить их в культурной реальности Западной Европы» [3], а «европейцы со своей стороны должны начать рассматривать ислам как европейскую религию» [3].

Во многих своих научных работах ученый подчеркивает тот факт, что мусульманская культура – не есть чисто арабская культура и ее нельзя отождествлять лишь с арабским народом. Ислам – это религия людей в целом, без какой-либо национальной или территориальной принадлежности: «И [еще] из Его знамений – создание небес и земли, разнообразие ваших языков и цветов [кожи]. Воистину, в этом – знамения для тех, кто обладает знанием» (30 сура «Румы», 22 аят); «О люди! Воистину, Мы создали вас мужчинами и женщинами, сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга, ибо самый уважаемый Аллахом среди вас – наиболее благочестивый. Воистину, Аллах – знающий, сведущий» (49 сура «Комнаты», 13 аят) [7].

Тарик Рамадан в своей книге «Ислам: прошлое и настоящее» (2018 г.) (англ., Islam: the essential) пишет, что «в XIX веке в Европе слову «Аллах» дали определение «Бог арабов», что превратило религию последователей пророка Мухаммеда в «религию арабов» (необходимо отметить, что арабы-христиане также в молитвах называют Бога Аллахом), а все, что касалось ислама, представлялось сквозь призму Востока. Конечно, не стоит отрицать тот факт, что многие культурные элементы были заимствованы из обществ других стран Азии и Африки, а затем интегрированы в жизнь большинства мусульманских стран» [5, с. 264]. Однако принципы, обряды и цели ислама, по мнению Рамадана, практически полностью совместимы с любыми культурами, что делает Послание (Коран, в котором предоставлены вся теория, все постулаты и столпы исламской системы вероисповедания) общим, иными словами, многофункциональным всемирным призывом: «можно быть арабским, африканским, азиатским, американским или европейским мусульманином, и это никоим образом не противоречит идеологии ислама, а напротив, представляет собой результат единения между уникальной системой принципов и ритуалов, с одной стороны, и разнообразием культур – с другой» [5, с. 265]. Такой процесс религиозно-идеологической интеграции не является новше-

ством для мусульманской системы, ислам уже на протяжении всей своей истории развития сформировал своего рода индусский, африканский, турецкий и арабский варианты фактически существующей единой исламской системы вероисповедания, которая в силу своего универсализма способна выражаться в мировом культурном разнообразии [5, с. 265].

Немецко-сирийский политолог Бассам Тиби с 1992 года в своих работах и выступлениях стал достаточно широко использовать новый политико-идеологический термин религиозной направленности «евроислам», с помощью которого профессор всесторонне пытался описать малоизвестный тип исламской концепции в соответствии с нынешней миграционной картиной мира, где исламская система в силу своего немусульманского месторасположения принимает некоторые западные политические ценности (плюрализм, терпимость, отделение церкви от государства), в целях создания определенной формы «евроислама», способной поддерживать мирный диалог в соответствии с европейскими ценностями. Данное понятие отражает концепцию интеграции мусульман в качестве европейских граждан, в итоге представляя собой «либеральную европизацию ислама» (англ., liberal Europeanization of Islam) или «либеральный ислам» (англ., liberal Islam) [3].

Употребляя вышеуказанный термин, Бассам Тиби тем самым проводит четкую идеологическую грань между так называемым «светским исламом» (англ., secular Islam) и «исламизмом» (англ., Islamism), представители которого отвергают теорию «евроислама». Интернет-словарь «Academic.ru» дает следующее определение понятию «исламизм»: «Исламизм» – это религиозно-политическая идеология и практическая деятельность, направленные на создание условий, при которых любые противоречия внутри общества и государства, где есть мусульманское население, а также межгосударственные отношения с их участием, будут решаться на основе норм шариата (совокупность правовых, морально-этических и религиозных норм ислама) [1]. Как утверждает Бассам Тиби, исламистов, проживающих на европейском континенте в настоящее время, не более 5 %, но несмотря на их малочисленность, они представляют собой не менее опасное меньшинство, так как пытаются заблокировать ислам в рамках крайне консервативной, иными словами, даже реакционной, не поддающейся каким-либо временным и территориальным трансформациям исламской политико-общественной идеологии.

Заключение. Следует отметить, что подход Бассам Тиби принципиально отличается от концепции Тарика Рамадана. «Евроислам» Б. Тиби – это определенная система правоотношений, возникшая в основном на немусульманских территориях в целях избежания конфликтов политической направленности. Будучи юристом, специалистом в области международного права, Тиби подошел к проблеме интеграции мусульман в

европейское сообщество с позиций правоведения. По словам профессора: «необходимо выявить общечеловеческие ценности в европейской и мусульманской культурах и согласовать их с источниками мусульманского права». Разумеется, такая интерпретация данной правовой концепции многими европейскими мусульманами воспринималась как призыв к ассимиляции, что приводит эту систему к неодобрению из страха утратить свою идентичность, поскольку «евроислам» может идеологически послужить отказом от «базовых основ мусульманского вероисповедания» и, по сути, повлечь за собой выход из мировой мусульманской общины (уммы)» [6]. Однако «европейский ислам» Т. Рамадана – это идеология, в соответствии с которой религия последователей пророка Мухаммеда не может ограничиваться одной территорией, культурой или нацией. Мусульманская система вероисповедания, базирующаяся на рациональном общественно-правовом материале, по мнению ученого, это мультикультурная концепция поддержания мирного сосуществования людей разных национальностей и вероисповеданий с помощью уникальной законодательной системы международных взаимоотношений в исламе.

References

- [1] Academician.ru. Dictionaries and encyclopedias on the academician // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/475941> (02.04.2020).
- [2] The Voice of Islam. White Islamic Europe: history and prospects // URL: <https://golosislama.com/news.php?id=34556> (01.12.2020).
- [3] European Islam - European Islam // URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/European_Islam (02.04.2020).
- [4] Islam in Europe. History of European Muslims // URL: <https://medinaschool.org/library/obshchestvo/istoriya-islama/islam-v-evrope> (02.03.2020).
- [5] Ramadan T. Islam: past and present / trans. from English Z. Nesterova. M.: ABC-Atticus: CoLibri, 2018. 288 p.
- [6] Sadikhova A.A. Euro-Islam: two concepts and perspectives // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evroislam-dve-kontseptsii-i-perspektivy-1/viewer> (02.02.2020).
- [7] Falyak.ru. Translation of the meanings of the Holy Quran Magomed-Nuri Osmanov // URL: <https://falaq.ru/quran/osma> (02.05.2020).

Библиографический список:

- [1] Академик.ru. Словари и энциклопедии на академике // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/475941> (04.02.2020).
- [2] ГолосИслама.ру. Белая исламская Европа: история и перспективы // URL: <https://golosislama.com/news.php?id=34556> (12.01.2020).
- [3] Европейский ислам – European Islam // URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/European_Islam (04.02.2020).
- [4] Ислам в Европе. История европейских мусульман // URL: <https://medinaschool.org/library/obshchestvo/istoriya-islama/islam-v-evrope> (03.02.2020).
- [5] Рамадан Т. Ислам: прошлое и настоящее / пер. с англ. З. Нестеровой. М.: Азбука-Аттикус: КоЛибри, 2018. 288 с.
- [6] Садыхова А.А. Евроислам: две концепции и перспективы // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evroislam-dve-kontseptsii-i-perspektivy-1/viewer> (02.02.2020).
- [7] Фаляк.ру. Перевод смыслов Священного Корана Магомеда-Нури Османова // URL: <https://falaq.ru/quran/osma> (05.02.2020).

**ФИЛОСОФИЯ
И СОЦИОЛОГИЯ**

**PHILOSOPHY
AND SOCIOLOGY**

Kulzhanova G.T.

*Ph.D of Philosophy, associate professor (docent),
head of the faculty of professional training
of the Shrakbek Kabyrbayev Kostanai Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Department of Social Philosophy, specialty «Social Philosophy».*

Human capital as a socio-cultural phenomenon

Abstract. The article is devoted to the philosophical understanding of the development of human capital as the main link of innovative transformations in a modernizing society. Based on the application of the actiological (activity) and axiological (value) approaches, a socio-philosophical analysis of the problem of the formation and development of an innovative personality culture is given. The author concludes that the education system forms a personality, lifestyle, plays a decisive role in the formation of a new generation of professional personnel.

Key words: human capital, education, culture, innovative person, value orientations, competencies, creativity.

Кульжанова Г.Т.

*Кандидат философских наук, доцент,
и.о. начальника факультета профессиональной подготовки
Костанайской академии МВД Республики Казахстан
имени Шракбека Кабылбаева, кафедра социальной философии,
специальность «Социальная философия».*

Человеческий капитал как социокультурный феномен

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению развития человеческого капитала как основного звена инновационных преобразований в модернизирующемся обществе. На основе применения актиологического (деятельностного) и аксиологического (ценностного) подходов дается социально-философский анализ проблемы формирования и развития инновационной культуры личности. Автор приходит к заключению, что система образования формирует личность, образ жизни, играет решающую роль в формировании нового поколения профессиональных кадров.

Ключевые слова: человеческий капитал, образование, культура, инновационный человек, ценностные ориентации, компетенции, креативность.

Кульжанова Г.Т.

Кандидат философских наук, доцент, и.о. начальника факультета профессиональной подготовки Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева, кафедра социальной философии, специальность «Социальная философия».

Человеческий капитал как социокультурный феномен

Kulzhanova G.T.

Ph.D of Philosophy, associate professor (docent), head of the faculty of professional training of the Shyrakbek Kabylbayev Kostanai Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Social Philosophy, specialty "Social Philosophy".

Human capital as a socio-cultural phenomenon*

Introduction

The relevance of the investigated question lies in the fact that the effective reproduction of human capital depends primarily on the formation of the intellectual community of society¹. The source of selection is the provision of quality education of the country and its place in the world community, which determines the status of a person in society. A significant regularity that determines the modern post-industrial development of the world community is its appeal to a person, an increase in his role in society and human capital in the development of society. As a result, the concept of human capital occupies a dominant place in the social sciences and humanities.

As the modern labor force, with its creative and innovative potential, is becoming an increasingly important factor in the development of social production, so far in this study, close attention is paid to the genesis of the political and economic category of the modern labor force and its transformation into human capital. Human capital is an inalienable and structurally diverse phenomenon. Human capital can be considered as the capital-property of the subject, that is, its ability, knowledge, intelligence, etc., and capital-func-

* © Кульжанова Г.Т., 2020.

Человеческий капитал как социокультурный феномен

1 The role of education in the formation of national human capital: organizational and legal issues // Site "Zakon. kz ". // URL: <https://www.zakon.kz/4618697-rol-obrazovaniya-v-formirovani.html> (12.11.2019).

tion, that is, the ratio of human capital to work, its professionalism, initiative, integrity, activity, sociability, etc. .d. These two forms of human capital are interconnected. Therefore, the subject of research is the formation of human capital. The main goal of the study is a comprehensive analysis of the theory and practice of the formation of human capital.

The main trend in social development is the recognition of the dominant role of education in socio-economic progress and the formation of human capital. Therefore, we consider it necessary to explore new approaches to the field of education as the basis for the formation of a modern employee - human capital. The importance of such an analysis is relevant, because the economic product of the educational sphere is the production of human capital.

The improvement of an individual person, the change in the nature of his activity, motivation and even worldview have a direct impact on socio-political institutions and the very course of social progress².

The 21st century is called the century of education, culture and informatization. Nowadays, strategically decisive importance is attached to innovative culture, determining the direction of development of the innovative potential of the individual, overcoming innovative stagnation in society. Its members understanding of the essence of ongoing processes and their role in these processes ensure the development of the innovative culture of society. Changes in culture arise only due to the creative activity of the individual.

Since highly educated and highly qualified specialists are generators of innovation, new technologies and ideas, education is the basis of any innovation process.

Indeed, education is not only a cultural-historical, but also a cultural-cosmic phenomenon. This is the process of becoming, the constant formation of Man as a Microcosm, that is, the process that Marx called the absolute movement of becoming³. The innovation process has many different sources and its promotion is determined not only by supply, but by demand. Any innovative processes have their own social base, their carriers. We are talking about a socially active element of society, which through its initiative brings constructive novelty to the activity. Creatively minded and active people are the main asset of any nation. In addition, the attitude towards them both proclaimed and actual, is a characteristic of the progressive nature of society, a chance for its success on an international scale.

Innovation is unthinkable without qualified personnel. A high-tech, knowledge-based economy is not able to develop itself, without the necessary

2 Inozemtsev V.L. The expansion of creativity - a challenge to the economic era // Political studies. 1997. No. 5. p. 117

3 Khamidov A.A. Alienation in the field of education // Science and Education of Kazakhstan. 2013. No. 5-6. p. 43.

production assets, technologies, and, most importantly, without an educated, highly skilled worker. We proceed from the fact that human capital as a functional component of innovative production is knowledge, skills, practical experience inspired by intellectual activity, which is a form of realization of a person's intellectual, moral and culturally oriented abilities to create new, previously unknown knowledge, which ensures intellectual rent and various kinds of advantages over competitors⁴.

The individual's susceptibility to new ideas, his willingness and ability to support and implement innovations in all areas of life characterize the level of his innovative culture - that area of spiritual life that reflects his value orientations, embodied in motives, knowledge, skills, patterns, standards of behavior. These value guidelines should lead to the formation of a moral, active, entrepreneurial personality, with its own dignity, strong beliefs, knowledge of its rights and the ability to uphold them, respect for laws and their observance, awareness of their abilities, opportunities based on them. Such a person will be able to independently convincingly and convincingly substantiate his decisions and actively implement them, using all the legal possibilities of a legal democratic state. "Innovation is a person's ability to perceive, highlight, modify and introduce new original ideas"⁵.

The British psychologist M. Kirton, in his adaption-innovation inventory concept, differentiated the participants of the innovation process into innovators and adapters, depending on their attitude to new ideas, technologies and proposals. In the framework of this theory, the main emphasis is on the study of the stylistics of human mental activity. The qualitative originality of the processes of thinking and decision-making in the context of innovation is investigated. People with an innovative type of thinking tend to prefer frequently changing working conditions; in learning activities, they prefer a dynamic change in the types of training sessions. The approach to solving problems in people with this type of thinking is to reassess existing conditions and redefine problems. Innovators do not always bring the projects they started to their logical conclusion; they tend to question the basic provisions, including generally accepted ones; they look undisciplined, often challenge the environment, and are prone to risk. For people with an adaptive mindset, stable and well-structured working conditions are preferable. They work by making small changes to established conditions and practices

4 Baigurenova M.A., Musataeva A.A. Capital in the modern management system // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2019. No. 3 (37). p. 13.

5 Yagolkovsky S.R. Innovation and creativity of the subject as determinants of the success of its productive activities / Psychological and pedagogical problems of giftedness: theory and practice: Materials of the 6th International Conference / Ed. L.I. Larionova, Irkutsk, 2009. p. 394.

that do not destroy the existing situation. These are disciplined, obligatory people, not averse to risk⁶.

Thus, to be an “innovative person” means the readiness of every citizen for significant and creative changes: in his own life, in economic development, in the development of science and technology — to be an active initiator and producer of these changes. At the same time, every citizen plays a prominent role in the general innovation community, in accordance with their inclinations, interests and potential.

The key and value characteristics of an innovative person are:

- the ability and readiness for continuing education, continuous improvement, retraining and self-training, professional mobility, the pursuit of new things;
- the ability to critical thinking;
- ability and readiness for reasonable risk, creativity and enterprise, ability to work independently and willingness to work in a team, willingness to work in a highly competitive environment;
- wide knowledge of foreign languages as communication tools for effective participation in globalization processes, including the ability to communicate freely in the home, business and professional languages in English⁷.

A modern specialist needs, at a minimum: fluent knowledge of several languages; ability to work in project teams; work experience in global companies; real acquaintance with new technological solutions.

Building up these competencies is a long and complicated process. The process includes the need to adapt for these purposes not only separate areas of socio-economic policy (primarily education policy), but the public environment as a whole, the formation of a “climate” in society, providing freedom of creativity and expression, encouraging and rewarding people with the appropriate competencies and achieving success through their use.

Unfortunately, today the media capture of social and communicative channels leads to saturation of them with ready-to-use images, which leads to atrophy of the creative ability of the psyche, to the loss of the person’s ability to generate new ideas and original images.

The peculiarity of the intellectual economy is that its main resource - knowledge, information - unlike all other resources, is not characterized by either finiteness, exhaustion, or consumption in their traditional sense. The main condition limiting familiarization with such an accessible resource is

6 Kirtton M.J. Adapters and Innovators - Why New Initiatives are Blocked // Long-Term Planning, Volume 17, Issue 2, April 1984. p. 139

7 The draft Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020 “Innovative Russia - 2020” // Microeconomic Development of Russia. Moscow, 2010. p. 30

the specific qualities of the person himself - the presence or absence of the ability to intellectual activity, as a form of accumulation, processing and generation of new knowledge.

Innovations should be considered as a means of increasing production efficiency using non-standard solutions, as a strategic development path. One of the modern American textbooks rightly emphasizes, "If successful work required only high intelligence, then everyone who achieved success would be smart people. However, instead of seeking out only general abilities, one should try to determine what the person's motivation is, how initiative he is able to take up the job and bring it to the end, as well as control the fear of failure. Such an approach, rather than conducting an intellectual test, will attract and retain productive employees"⁸.

The innovative potential of a person implies: the ability to combine knowledge and experience; ability to integrate different knowledge; mood for a new, original; risk appetite; spiritual and physical health; civic responsibility to the forms of creation, creative attitude to constant changes, endless self-improvement⁹.

Innovative thinking, generating new knowledge, directly depends on the level of professionalism of the innovator, his ability to receive new information in a systematic way, psychological and active focus not on adaptation, but on development, on the search for new. A measure of intellectual activity is an intellectual initiative, understood precisely as a continuation of mental activity beyond the limits of situational assignment, not determined by practical needs, nor by an external or subjective assessment of work. It should not remain in the background, be compensatory or highly specialized in nature; it must be considered as a full-fledged component of formal training and education.

Since the goals of the education system have a persistent effect on the social and professional characteristics of the person involved in the educational process, on the thinking and consciousness of future specialists, a clear control of such goals by the state and appropriate financial (budgetary) support are necessary. In a case when a university is focused solely on professional tasks and ignores humanitarian education and the role of upbringing, a graduate by definition cannot be a successful entrepreneur precisely because his

⁸ James L. Organizations: Behavior. Structure. Processes: Textbook. for universities / James L. Gibson, John Ivantsevich, James H. Donnelly Jr.; trans. from English [Sternringz M.Z.]. - 8. ed. - M.: INFRA-M, 2000. p. 285.

⁹ Volkov A.E., Remorenko I.M., Kuzminov Y.I. Russian education - 2020: a model of education for a knowledge-based economy: to the IX International Scientific Conference "Modernization of the Economy and Globalization", Moscow, 1-3 April 2008 / ed. Y. Kuzminova, I. Frumina; Gos. un-t - Higher School of Economics. - M.: Publishing. Publishing House of the Higher School of Economics. 2008. 39 p.

creative potential is artificially understated, narrowed, and squeezed by the professionalization of education at this university.

To solve the tasks of forming the competencies of an “innovative person” successfully, it is necessary to modernize the education system, implemented by the state in the field of education policy in a number of key areas. Here, the key will be the development of a continuing education system, the creation of an effective system of incentives and conditions (infrastructure) for continuous retraining and advanced training for the entire economically active population. At the same time, the state can no longer control the quality of educational programs, because “the focus of regulation is shifting to market participants. The main subjects of regulation of the educational market are professional communities and consumers, that is, sellers and buyers of educational services”¹⁰.

In modern conditions, not only the processes of technological development are sharply accelerated, which devalues the knowledge gained shortly after its receipt, but also changes the sectoral structure of the economy. These processes sharply increase the value of competencies for quick analysis, critical understanding of large volumes of new information, and competencies for “switching” a person from one type of activity to another. For, in order to be successful, a person needs to be prepared to change several professions and activities throughout life.

Human capital in developed countries has become the main productive factor in creating the latest technologies, developing industries, increasing their efficiency, outstripping the development of science, culture, health, safety, and the social sphere. From the UN Human Development Reports it follows that the share of human capital in such highly developed countries as the USA, Finland, Germany, Japan, Switzerland, etc., amounts to 80% of their national wealth.

An innovative culture includes critical potential. Indeed, who is a homo faber without modern technology? Today, a person has forgotten how to achieve something himself without modern means and technologies. High technology aims to get a skilled person, not a reasonable person. “Skillful man” and “intelligent man” are not always creative, or capable of independent research. “Skillful man” does not necessarily have a higher education, but he is able to be a homo creator. Is innovative culture possible as a mass phenomenon? A person must be self-sufficient, creative. Actually, such questions arise from the differences in the worldviews of science and production, economics and science, from the importance of taking into account the re-

10 Klochko V.E., Galazhinsky E.V. Investigation of the innovative potential of the personality: conceptual foundations. // Siberian Psychological Journal “General Psychology and Psychology of Personality”, 2009. No. 33. p. 10.

quirements of mobility and the environment¹¹. The technological and pragmatic approach is not always positive. Its consequence may be the exhaustion of natural resources, the manipulation of living beings. Thus, not every innovation is innovative. The measurement of reality from the standpoint of human capital provokes a material approach. Only economists with their dominant motivation for economic pragmatism should not deal innovation. Philosophers rightly connect innovation with the positive impact of creativity on the development of the human environment and society.

In addition, today education systems have become a set of training institutions, while education should be carried out in an inextricable unity of training and education. Learning without education cannot be effective in principle; the education function was given to officials at the mercy of the social environment, which, in turn, now functions under the control of federal television channels. Television in the post-Soviet period became the main educator of the masses.

K. Tsiolkovsky wrote about the extreme complexity of the formation of an innovative susceptible environment in his article "Engines of Progress". He brought out a whole system of human weaknesses that act as a brake on the implementation of innovations: inertia, inertness, conservatism; distrust of unknown names, selfishness, narrow selfishness, misunderstanding of universal and personal good; temporary losses, opposition to the unusual on the part of employees, reluctance to retrain, corporate interests, professional envy¹².

Innovation is not only the initial potential for the development of society, but also a condition for effective personal self-realization. Innovation depends on the human creativity ability, the ability of the community to accept or adapt the results of this creativity¹³.

The training of specialists must comply with the social order and the expectations of society. They must be socially protected and have guarantees of adaptation in the new socio-economic conditions. The level of their knowledge should be assessed comprehensively, on a professional basis, taking into account the requirements of employers, reflecting changes in the labor market.

Conclusion

Thus, today time dictates new social requirements for the education system. Particular attention should be paid to the formation of educated,

11 Tsvetkova I.V. Innovative culture as a system. // Concept Special issue. 2015. No. 10. p. 1.

12 Tsiolkovsky K.E. Engines of progress. Series "Space Philosophy" © Center for Information Security LLC, 2013. P. 14-16.

13 Lukyanov A.S. Self-realization of human creativity and innovation: methodological problems of research. // Yaroslavl pedagogical bulletin. Volume II (Psychological and Pedagogical Sciences). 2011. No. 1. p. 218.

erudite, moral, creative, enterprising people who are able to make responsible decisions in a situation of choice, predicting the possible consequences; capable of cooperation, possessing such qualities as mobility, dynamism, constructiveness, a developed sense of responsibility for their work, the fate of the country.

The modern model of education involves the formation already in basic education of the demanded knowledge and innovative behavior with an emphasis on the mass of creative abilities and on the mass readiness for retraining. In turn, retraining requires updating the content and training technologies at all levels of basic education. Accordingly, the training of a competitive specialist involves the implementation of flexible individual educational programs. Innovative educational programs should include the use of the latest modern educational technologies, the introduction of progressive forms of organization of the educational process, active teaching methods.

Creativity plays a key role in the economy, society, as a driving force of social change. It has become a major source of competitive advantage. In any industry, the carrier of creative potential ultimately wins. This is true for any historical era, but awareness of this fact came only in the last decade.

According to the American sociologist R. Florida, the author of the monograph "Creative Class: People Who Change the Future," the core of the creative class is people engaged in the scientific and technical environment, education and art, whose economic function is to create new ideas, new technologies and new creative content¹⁴.

The flow of creativity does not automatically resume, it requires constant attention and investment in the economy and social forms containing a creative impulse.

Creativity is provided by creative people who are diverse, tolerant, open to new ideas. The presence of three Ts is important - technology, talent, tolerance.

Thus, professional competence is an integral personality trait that characterizes its ability and willingness to apply knowledge and skills for the productive performance of professional functions, including those of a problem nature, based on value self-determination and experience.

Education has a strategic priority over all areas of state activity without exception. The education system forms a personality, lifestyle, plays a decisive role in the formation of a new generation of professional personnel. A person with diverse knowledge better solves complex problems¹⁵.

14 Florida R. Creative class people who change the future. - M.: Classic - XXI. 2011. p. 23.

15 Biktemirova E.I., Ivanova R.M., Gataullin I.I. Human capital as a factor in the implementation of innovations. // Proceedings of KSASU. 2015. No. 4 (34). p. 385.

Today, time dictates new social requirements for the education system. Particular attention is paid to the formation of educated, erudite, moral, creative, entrepreneurial people who are able to make responsible decisions in a situation of choice, predicting the possible consequences; capable of cooperation, possessing such qualities as mobility, dynamism, constructiveness, a developed sense of responsibility for the fate of the country.

References

- [1] Baigurenova M.A., Musataeva A.A. Capital in the modern management system // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2019. № 3 (37). P. 11-16.
- [2] Biktemirova E.I., Ivanova R.M., Gataullin I.I. Human capital as a factor in the implementation of innovations. // Proceedings of KSASU. 2015. № 4 (34). P. 384-390.
- [3] Volkov A.E., Remorenko I.M., Kuzminov Y.I. Russian education - 2020: a model of education for a knowledge-based economy: to the IX International Scientific Conference "Modernization of the Economy and Globalization", Moscow, 1-3 April 2008 / ed. Y. Kuzminova, I. Frumina; Gos. un-t - Higher School of Economics. - M.: Publishing. Publishing House of the Higher School of Economics. 2008. 39 p.
- [4] James L. Organizations: Behavior. Structure. Processes: Textbook. for universities / James L. Gibson, John Ivantsevich, James H. Donnelly Jr.; trans. from English [Sternringz M.Z.]. - 8. ed. - M.: INFRA-M, 2000. 660 p.
- [5] Inozemtsev V.L. The expansion of creativity - a challenge to the economic era // Political studies. 1997. № 5. P. 110-122.
- [6] Kirton M.J. Adapters and Innovators - Why New Initiatives are Blocked // Long-Term Planning, Volume 17, Issue 2, April 1984. P. 137-143.
- [7] Klochko V.E., Galazhinsky E.V. Investigation of the innovative potential of the personality: conceptual foundations. // Siberian Psychological Journal "General Psychology and Psychology of Personality", 2009. № 33. P. 6-12.
- [8] Lukyanov A.S. Self-realization of human creativity and innovation: methodological problems of research. // Yaroslavl pedagogical bulletin. Volume II (Psychological and Pedagogical Sciences). 2011. № 1 P. 218-221.
- [9] The draft Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020 "Innovative Russia - 2020" // Microeconomic Development of Russia. Moscow, 2010. 105 p.
- [10] The role of education in the formation of national human capital: organizational and legal issues // Site "Zakon. kz". // URL: <https://www.zakon.kz/4618697-rol-obrazovaniya-v-formirovani.html> (12.11.2019).
- [11] Florida R. Creative class people who change the future. - M.: Classic - XXI. 2011. 430 p.
- [12] Khamidov A.A. Alienation in the field of education // Science and Education of Kazakhstan. 2013. № 5-6. P. 112-117.
- [13] Tsvetkova IV. Innovative culture as a system. // Concept Special issue. 2015. № 10. P. 1-6.
- [4] Tsiolkovsky K.E. Engines of progress. Series "Space Philosophy" © Center for Information Security LLC, 2013. P. 13-18.
- [15] Yagolkovsky S.R. Innovation and creativity of the subject as determinants of the success of its productive activities / Psychological and pedagogical problems of giftedness: theory and practice: Materials of the 6th International Conference / Ed. L.I. Larionova, Irkutsk, 2009. P. 393-403.

Kuzmicheva A.A.

*PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Sociology, psychology and social management,
Moscow aviation Institute (National research University).*

Problem of professional training of employees (in the social aspect)

Abstract. The article describes the basic concepts of personnel training. The existing forms and methods of training applied in the machine-building industry are studied. The results of sociological research of the personnel training system in the organization are presented. The satisfaction of employees with the results of professional training was assessed.

Key words: personnel training, methods and forms of training, personnel training system, quality of professional training, satisfaction with the personnel training system.

Кузьмичева А.А.

*Кандидат философских наук,
доцент, кафедра "Социологии, психологии
и социального менеджмента", Московский авиационный институт
(национально исследовательский университет), кафедра социологии,
психологии и социального менеджмента.*

Проблема профессионального обучения сотрудников предприятия (в социальном аспекте)

Аннотация. В статье рассмотрены основные концепции обучения персонала, изучены существующие формы и методы обучения, применяемые в машиностроительной отрасли, описаны подходы к оценке качества программ обучения персонала. Приведены результаты социологического исследования системы обучения персонала в организации, оценена удовлетворенность сотрудников результатами профессионального обучения.

Ключевые слова: обучение персонала, методы и формы обучения, система обучения персонала, качество профессионального обучения, удовлетворенность системой обучения персонала.

Кузьмичева А.А.

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра “Социологии, психологии и социального менеджмента”,
Московский авиационный институт (национально исследовательский
университет), кафедра социологии, психологии и социального менеджмента.

**Проблема профессионального обучения
сотрудников предприятия (в социальном аспекте)***

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что к 2020 г. ситуация на сегменте рынка машиностроения по сравнению с прошлым пятилетием изменилась, а именно рынок исследуемого предприятия - авиастроения, близок к насыщению. Данный фактор обусловлен двумя группами причин – внешними и внутренними. Внешние причины заключаются в острой конкуренции международных авиастроительных корпораций за потребителя. К внутренним причинам относится снижение объема государственного оборонного заказа РФ, который в настоящий момент является одним из основных источников доходов для государственных компаний Российской Федерации. Основой современной конкурентной борьбы являются - инновационность и качество авиастроительной продукции. Новые технологии позволяют предприятию действовать более эффективно, не уступать в конкурентной борьбе и продолжать успешное функционирование. Для внедрения новых технологий и методов работы необходимо владеть качественным человеческим ресурсом. Сотрудники предприятий авиационной промышленности являются теми людьми, кто создают новые продукты и новые технологии. Сотрудники должны соответствовать высоким требованиям рынка, что невозможно выполнить, не повышая свою квалификацию. Поэтому руководство предприятия обязано выстраивать систему продуманную систему профессионального обучения.

Социальный аспект исследуемой проблемы заключается в том, что профессиональное образование сотрудников на предприятии планирует, организует и контролирует высшее руководство и руководители функциональных подразделений, которые должны обладать профессиональными и общемировоззренческими знаниями, соответствующего уровня. В процессе отбора обучающихся программ на внешнем образо-

* © Кузьмичева А.А., 2020.

Проблема профессионального обучения сотрудников предприятия (в социальном аспекте)

вательном рынке данные сотрудники обучаются сами. Стратегическая цель в соответствии с управлением по типу ССП (система сбалансированных показателей) и конкретное направление – “обучение и рост”, применяемое на авиастроительном предприятии, требует постоянного усовершенствования системы профессионального обучения.

В российской социологической и управленческой литературе тема обучения персонала разрабатывалась такими авторами как: Бычковым В.П., Исаевой О.М., Приоровой Е.А., Кибановым А.Я, Мальцевым К., Карповым А.В. и многими другими^{1, 2, 3, 4}. В ходе анализа данных работ было выявлено, что не существует единого подхода к определению качества и эффективности системы обучения персонала, что формирует определенные трудности для использования данных теоретических моделей в практике оценки качества обучения сотрудников в авиационной сфере. Представители каждого из этих направлений делают акценты на разных аспектах процесса профессионального обучения, но, по сути, данное понятие носит междисциплинарный характер. Все вышеперечисленные авторы сходятся во мнении, что Обучение персонала представляет собой целенаправленный, организованный, планомерно и систематически осуществляемый процесс овладения знаниями, умениями, навыками и способам общения под руководством опытных преподавателей, наставников, специалистов, руководителей и т.п.

Отечественные авторы, опираясь на опыт руководителей и бизнесменов, выработали три концепции обучения квалифицированного персонала:

1. Концепция специализированного обучения, ориентированного на ближайшее будущее и имеющего отношение к соответствующему рабочему месту. Такое обучение даёт временный эффект, но является важным для работника. Оно способствует сохранению им рабочей позиции и укрепляет чувство собственного достоинства и конкурентоспособность сотрудника на рынке труда. Помимо вышеперечисленных, представителями данной точки зрения являются Кузнецова И.Г., Кузьмичева А.А., Беляев Е.И.^{5, 6, 7}.

1 Бычков В.П., Булгаков В.М., Гончаров В.Н., Управление персоналом. Учебное пособие – М; Инфра – М.: Москва; 2013. 240с.

2 Исаева О.М., Приорова Е.А. Управление персоналом. Учебник и практикум: Учебник. — М.: Юрайт, 2016. 246 с.

3 Карпов А.В., Ключева Н.В Технологии управления развитием персонала. Учебник: Учебник. — М.: Проспект, 2016. 416 с.

4 Мальцев К. Ценный кадр: Как построить эффективную систему обучения в компании: Учебник. — М.: Альпина Паблишер, 2015. 112 с.

5 Беляев Е.И. Инновационный потенциал Вуза. // И.В. Беляев, Е.В. Мюллер, И.Г. Кузнецова // Казанская наука. Казань. 2012. С. 60-67.

6 Кузьмичева А.А. Проблема инновационной и научной деятельности студентов учреждения высшего образования. Социология. 2019. № 1. С. 221-228.

7 Кузнецова И.Г. Формирование системы оценки человеческого капитала при

2. Концепция обучения, ориентированного на личность, имеет целью развитие человеческих качеств, заложенных природой или приобретенных в практической деятельности. Эта концепция относится, в первую очередь, к людям, имеющим склонность к научным исследованиям, обладающим талантом руководителя, педагога и т.п. Данные авторы - Верна В.В., Якунов А.А., Севостьянов О.В., Якимовича Б.А., Наумова С.А.^{8, 9}.

3. Смешанная концепция, объединяющая первый и второй подходы. Представлена автором Орловой О.С.¹⁰.

Применив смешанный подход в интерпретации базовых терминов, была составлена программа социологического исследования. Предметом исследования выступило качество функционирования системы обучения инженерно-технического персонала предприятия. Выборка состояла из сотрудников двух подразделений (ОКБ (опытно-конструкторское бюро) и СИТ (Служба Информационных технологий) общей численностью – 742 человека. Был применен принцип сплошной выборки. Большая часть сотрудников данных подразделений мужчины – их доля 71% (526 чел.) кадрового состава и 29% (215 чел.) составляют женщины. Для исследования системы профессионального обучения были приняты следующие **гипотезы**:

1. Неэффективность обучения инженерно-технического персонала связана с проблемами планирования и организации обучения.

2. Система профессионального обучения не удовлетворяет потребности инженерно-технического персонала предприятия.

Для реализации задачи исследования было проведено интервью, анализ документов предприятия, анализ данных анкетирования сотрудников, прошедших обучение. Сначала проверялась гипотеза 1. В процессе социологического исследования (проведения интервью с Руководителями Отдела Развития Персонала) было выявлено, что система обучения персонала на предприятии представляет собой совокупность четырех этапов:

1. Планирование внутри подразделений и составление заявок на обучение (на данном этапе выявляются потребности в обучении, форму-

реализации международных проектов в Вузе. // Вестник Поволжского госуниверситета сервиса: Экономика. Тольятти. 2012. № 4 (24). С. 72-75.

8 Учебные центры для развития кадрового потенциала высокотехнологичных отраслей промышленности. Уч. пос. под ред. Б.А. Якимовича, С.А. Наумова. Минобразования и науки РФ. Ижевск. Изд. Ижевского ГТУ, 2012. 357 с.

9 Развитие кадрового потенциала на основе управления знаниями в организации. Монография. (Верна В.В., Якунов А.А., Севостьянов О.В и др. под ред. О.С. Резникова. Симферополь: Ареал. 2019. 184 с.

10 Орлова О.С. Управление развитием кадрового потенциала предприятия. (Монография) / О.С. Орлова: Владивосток. Изд. Дальневосточного Университета. 2007. 123 с.

лируются его цели и задачи, ищутся конкретные программы обучения, определяют сроки). *«Руководители подразделений, сотрудники ОРП или Руководством, выявив потребность в обучении и найдя программы, отправляют нам заявку на обучение, в случае с руководством мы часто консультируем или подбираем программу под запрос руководством самостоятельно. Мы собираем заявки на обучение вместе и далее отправляем на утверждение руководству компании»*

2. Сбор заявок и составление сводного плана обучения по предприятию, корректировка, изменение и утверждение руководством предприятия (итогом этого этапа служит утверждение исполнительным директором годового плана по обучению персонала предприятия, в котором указаны конкретные программы обучения, образовательные учреждения, сотрудники, направляемые на обучение, сроки и стоимость программ обучения.) *«Формируется сводный план по обучению на предприятии, отправляется на утверждение руководству, далее руководство отталкиваясь от целей стоящих перед отделом, редактирует его, вносит коррективы и передает утвержденный план обратно нам».*

3. Непосредственно обучение (на данном этапе сотрудник проходит обучение в соответствующем образовательном учреждении или на предприятии).

4. Прием сотрудника после обучения и оценка эффективности конкретного обучения (на данном этапе сотрудник предоставляет документы о прохождении обучения в соответствующий отдел. Сотрудник должен оценить пройденное им обучение и предоставить данные своей оценки для создания базы данных по пройденным сотрудникам курсов и дальнейшего использования этой информации в процессе планирования). *«Непосредственный руководитель сотрудника, прошедшего обучение, оценивает данный аспект, информацией делится, если у него узнавать, то формализованного механизма нет»*

В ходе интервью было выявлено, что обучение персонала является важным инструментом, обеспечивающим успешное функционирование подразделений. *Руководитель отметил, что «Основные цели отдела - это обеспечение предприятия соответствующим персоналом, в основном это поиск и подбор сотрудников, обучение персонала, аттестация и адаптация персонала, мотивация сотрудников, формирование положительного имиджа компании. Достижение целей невозможно без обучения».* При этом необходимо постоянное, непрерывное обучение. Было отмечено, что в настоящий момент потребности в обучении не удовлетворяются полностью, что связано с несогласованностью деятельности участников планирования и сложностью планирования обучения в долгосрочных периодах. Главными выводами данного этапа

исследования были - определение основных этапов системы обучения персонала и составляющие их мероприятия. Определены участники системы обучения и их функции. Также было определено, что основными направлениями обучения являются: «Обучение работе с ПО (программным обеспечением)» и «Освоение новых методов работы». Гипотеза 1. Неэффективность обучения инженерно-технического персонала связана с проблемами планирования и организации обучения была доказана.

После анализа качественных сторон обучения, было проведено исследование непосредственных участников процесса профессионального обучения – сотрудников авиапредприятия. Изучался уровень удовлетворенности сотрудников процессом обучения и выявление его качества. В целях проверки гипотезы 2 «Система профессионального обучения не удовлетворяет потребности инженерно-технического персонала предприятия» проводилась проверка соответствия программ обучения потребностям подразделения и его сотрудников.

В ходе опроса респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов, относительно самой системы обучения персонала на предприятии и качества функционирования данной системы. По результатам анкетного опроса сотрудников, прошедших обучение, было установлено, что 19% пройденных программ обучения не смогли удовлетворить ожидания работников.

Таблица 1. Общий уровень удовлетворенности обучением.

Довольны (% к числу опрошенных)	Недовольны (% к числу опрошенных)
82%	18%

Главными причинами неудовлетворенности программами стали: «поверхностность информации» (31%) из числа не довольных, «некачественная подача материала преподавателем» (25%), «отсутствие детального рассмотрения преподавателем ряда вопросов» (23%), «не соответствие содержания программы работе сотрудника» (21%).

Следующим блоком вопросов были вопросы о применимости полученных знаний в работе.

Таблица 2. Применимость полученных знаний в работе.

Применяются (% к числу опрошенных)	Не применяются (% к числу опрошенных)
72%	28%

Среди причин неприменения знаний сотрудники указывали следующие: «содержание программы обучения не связано с текущей работой» (41%), «на рабочем месте не установлено программное обеспечение, ра-

боте с которым обучали» (38%), «содержание обучения не соответствует направлению деятельности подразделения» (31%). Подобные ответы свидетельствуют о том, что существует определённая доля программ, не содержащих новых знаний и навыков и не повышающих эффективность работы сотрудников. Такое положение дел связано, с одной стороны, с ошибками на этапе выбора провайдеров, с другой стороны, с некачественным выбором содержания программ.

Следующим блоком были вопросы, посвященные объему программ профессионального обучения сотрудников.

Таблица 3. Объем профессионального обучения сотрудников.

Количество программ обучения устраивает (% к числу опрошенных)	Количество программ обучения не устраивает (% к числу опрошенных)
42%	58%

В ходе анализа ответов на вопрос анкеты об объеме обучения было установлено, что 42% респондентов устраивает количество программ, тогда как 58% говорят о том, что обучения не хватает. Ни один из опрошенных не указал, что обучения слишком много. Данные говорят о том, что подавляющее большинство сотрудников испытывают потребность в обучении. При этом

15% сотрудников проходят обучение чаще одного раза год, 38% один раз в год, а большая часть сотрудников (47%) проходит обучение один раз в несколько лет.

Следующим блоком вопросов стали вопросы о практической применимости новых профессиональных знаний.

Самым популярным утверждением (74% опрошенных) стало утверждение о том, что обучение позволяет освоить новые методы и технологии работы. Следующим по популярности (63% процентов опрошенных) стало утверждение о том, что обучение позволяет начать выполнение новой рабочей функции. На третьем месте (69% опрошенных) оказалось утверждение о том, что обучение позволяет повысить конкурентоспособность в профессиональной среде, и повысить продуктивность работы. Ранжирование подтверждает предположение о том, что сотрудники рассматривают обучение в первую очередь как инструмент инновационности своей работы в организации на занимаемой должности, что позволяет чувствовать свою незаменимость.

Была произведена оценка мнения сотрудников о пройденном обучении.

Таблица 4. Практическая применимость новых профессиональных знаний.

	Освоение новых технологий в работе (% к числу опрошенных)	Освоение новой рабочей функции (% к числу опрошенных)	Повышение профессиональной конкурентоспособности (% к числу опрошенных)
За	74% %	63%	69%
против	26%	37%	31%

Таблица 5. Оценка сотрудниками положительных последствий обучения.

Прохождение обучения позволяет:	Процент респондентов, отметивших вариант (% к числу опрошенных)
Повысить конкурентоспособность в профессиональной среде	62,6%
Освоить новые методы и технологии работы	74,0%
Начать выполнять новую рабочую функцию	63,9%
Продвинуться вверх по карьерной лестнице (получить повышение)	35,1%
Повысить вашу продуктивность, благодаря развитию какого-либо навыка	64,6%
Расширить кругозор	51,3%

Указанное распределение % сотрудников, указавших на тот или иной вариант, отражает персональные мотивы профессионального обучения. Довольно важным аспектом являются мотивы, связанные с работой. Для этого необходимо задать ряд вопросов о том, как, по мнению сотрудников, отказ от прохождения обучения может отразиться на работе. Ответы на данный вопрос смогут указать на связь профессионального обучения и выполнения сотрудником рабочих функций.

Наиболее популярным стало утверждение «Не смогу выполнять работы на требуемом уровне» (его выбрали 64,4% респондентов). Следующим по ранжиру стало утверждение - Не буду допущен к работе, в соответствии с правилами (62% ответов), на третьем месте оказались ответы – не смогу работать на новом оборудовании, программном обеспечении, по новым методам (39,2% ответов).

Результаты анкетирования, полученные от сотрудников, совпадают с информацией, содержащейся в интервью с руководителями подразделе-

ний. В ходе интервью они отмечали, что *“потребность в обучении огромная и что сотрудники и большим желанием обучаются”*. Руководители подразделений рассматривают обучение как инструмент, позволяющий работникам выполнять новую рабочую функцию или работу с новой программой или продуктом, что *“поддерживает и повышает эффективность всего подразделения”*. В ходе интервью руководители отмечали *“важную роль обучения в развитии познавательной мотивации сотрудников”*. Гипотеза *“«Система профессионального обучения не удовлетворяет потребности инженерно-технического персонала предприятия»* доказана.

Таблица 6. Оценка персоналом негативных последствий отказа от обучения.

Отказ от обучения может отразиться на работе следующим образом:	% респондентов
Не буду допущен к работе, в соответствии с правилами	62%
Не смогу работать на новом оборудовании, программном обеспечении с новой технологией, по новым методам	39,2%
Не смогу выполнить работу с необходимой скоростью	30,5%
Не смогу выполнять работу на требуемом уровне	64,4%
Никак не отразится	6,0%

Выявленные проблемы – это низкий процент реализации запланированных программ, невыполнение бюджета, выделенного на обучение, а также отсутствие единых критериев эффективности пройденного обучения на уровне всего предприятия. Для устранения выявленных недостатков возможно создание единого совещательного органа за рамками Отдела развития персонала, который сосредоточил данные функции единолично. Также за год вперед необходимо создавать План по обучению сотрудников, утверждать его на высоком уровне и не урезать бюджет на обучение. Социальным результатом данных рекомендаций может стать увеличение количества эффективных программ обучения, и соответственно обучившихся сотрудников, а также налаживание более глубокой связи полученных знаний с непосредственными трудовыми функциями на местах.

References

- [1] Bychkov V.P., Bulgakov V.M., Goncharov V.N., Human resources management. Textbook – М.: Infra - М; Moscow. 2013. 240 p.
- [2] Belyaev E.I. The innovative potential of the university // I.V. Belyaev, E.V. Muller, I.G. Kuznetsova // Kazan science. Kazan. 2012. P. 60-67.

- [3] Isaev O.M., Priorova E.A. Personnel Management. Textbook and workshop: Textbook. - M.: Yurayt. 2016. 246 p.
- [4] Karpov A.V., Klyueva N.V. Personnel development management technologies. Textbook: Textbook. - M.: Prospect, 2016. 416 p.
- [5] Kuzmicheva A.A. The problem of innovative and scientific activities of students of higher education institutions. Sociology. 2019. № 1. P. 221-228.
- [6] Kuznetsova I.G. Formation of a system for assessing human capital in the implementation of international projects at the university // I.G. Kuznetsova. Bulletin of the Volga State University of Service: Economics. Tolyatti. 2012. № 4 (24). P. 72-75.
- [7] Maltsev K. Valuable shot: How to build an effective training system in a company: Textbook. - M.: Alpina Publisher, 2015. 112 p.
- [8] Human resource development based on knowledge management in the organization. Monograph. // Verna V.V., Yakunov A.A., Sevostyanov O.V. et al. Ed. O.S. Reznikova. Simferopol: Area. 2019. 184 p.
- [9] Orlova O.S. Management of the development of human resources of the enterprise. (Monograph) / O.S. Orlova: Vladivostok. Ed. Far Eastern University. 2007. 123 p.
- [10] Training centers for the development of human resources in high-tech industries. Uch. pos. under the editorship of B.A. Yakimovich, S.A. Naumova. // Ministry of Education and Science of the Russian Federation.- Izhevsk. Ed. Izhevsk State Technical University. 2012. 357 p.
- [11] *Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O.* Cossack idea in the context of national identity – the way of formation // Almanac Cossacks. 2019. № 39. P. 14-24.
- [12] Рябова Е.Л., Щупленков О.В. Основы казачьей культуры: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.

Библиографический список:

- [1] Бычков В.П., Булгаков В.М., Гончаров В.Н., Управление персоналом. Учебное пособие – М; Инфра – М.:Москва. 2013. 240 с.
- [2] Беляев Е.И. Инновационный потенциал Вуза // И.В. Беляев, Е.В. Мюллер, И.Г. Кузнецова // Казанская наука. Казань. 2012. С. 60-67.
- [3] Исаева О.М., Приорова Е.А. Управление персоналом. Учебник и практикум: Учебник. — М.: Юрайт. 2016. 246 с.
- [4] Карпов А.В., Ключева Н.В. Технологии управления развитием персонала. Учебник: Учебник. — М.: Проспект, 2016. 416 с.
- [5] Кузьмичева А.А. Проблема инновационной и научной деятельности студентов учреждения высшего образования. Социология. 2019. № 1. С. 221-228.
- [6] Кузнецова И.Г. Формирование системы оценки человеческого капитала при реализации международных проектов в Вузе. // И.Г. Кузнецова. Вестник Поволжского государственного университета сервиса: Экономика. Тольятти. 2012. № 4 (24). С. 72-75.
- [7] Мальцев К. Ценный кадр: Как построить эффективную систему обучения в компании: Учебник. — М.: Альпина Паблишер, 2015. 112 с.
- [8] Развитие кадрового потенциала на основе управления знаниями в организации. Монография. // Верна В.В., Якунов А.А., Севостьянов О.В и др. под ред. О. С. Резниковой. Симферополь: Ареал. 2019. 184с.
- [9] Орлова О.С. Управление развитием кадрового потенциала предприятия. (Монография) / О.С. Орлова: Владивосток. Изд. Дальневосточного Университета. 2007. 123 с.
- [10] Учебные центры для развития кадрового потенциала высокотехнологичных отраслей промышленности. Уч. пос. под ред. Б.А. Якимовича, С.А. Наумова. // Минобразования и науки РФ.- Ижевск. Изд. Ижевского ГТУ. 2012. 357 с.
- [11] Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Казачья идея в контексте национального самосознания – пути становления // Альманах Казачество. 2019. № 39. С. 14-24.
- [12] Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Fundamentals of Cossack culture: schoolbook. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.

Kurilov S.N.

*PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Advertising, Public Relations and Linguistics,
National Research University, Moscow Power Engineering Institute.*

Kuzminov M.Y.

*PhD in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy,
Political Science, Sociology, National Research University,
Moscow Power Engineering Institute.*

Severina E.A.

*Senior Lecturer, Department of Second Foreign Language,
Moscow State Linguistic University*

Research of values of youth as social stereotypes: sociolinguistic aspects

Abstract. This article discusses the problem of values as social stereotypes. The concept of social stereotypes is analyzed and determined from the standpoint of modern sociolinguistics. The necessity of an interdisciplinary sociolinguistic method of researching values as social stereotypes is substantiated. The data of a sociological study conducted by the LSI NRU MEI in 2017-2018 are presented. with the aim of theoretical analysis of stereotypical ideas about the basic values of students in Russia and Belarus. It is concluded that stereotypes are a means of organizing human experience, but the excessiveness of their generalization leads to problems of intercultural communication and to conflict situations.

Key words: linguosocium, sociolinguistics, psycholinguistics, focus groups, social stereotypes, stereotyping functions, interpretation of stereotypes, values of youth, values of modern students.

Курилов С.Н.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры рекламы, связей с общественностью
и лингвистики ФГБОУ ВО
Национального Исследовательского Университета,
«Московский энергетический институт».

Кузьминов М.Ю.

Кандидат философских наук,
профессор кафедры философии, политологии,
социологии ФГБОУ ВО
Национального Исследовательского Университета,
«Московский энергетический институт».

Северина Е.А.

Старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
ФГБОУ ВО, Московский государственный лингвистический университет.

Исследование ценностей молодежи как социальных стереотипов: социо-лингвистические аспекты

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема ценностей как социальных стереотипов. Анализируется и определяется понятие социальные стереотипы с позиций современной социолингвистики. Обосновывается необходимость междисциплинарного социолингвистического метода исследования ценностей как социальных стереотипов. Излагаются данные социологического исследования, проводившегося ЛСИ НИУ МЭИ в 2017-2018 гг. с целью теоретического анализа стереотипных представлений о базовых ценностях студентов России и Белоруссии. Делается вывод, что стереотипы - средство организации человеческого опыта, но чрезмерность их обобщения приводит к проблемам межкультурной коммуникации и к конфликтным ситуациям.

Ключевые слова: лингвосоциум, социолингвистика, психолингвистика, фокус-группы, социальные стереотипы, функции стереотипизации, интерпретация стереотипов, ценности молодежи, ценности современных студентов.

Курилов С.Н.

Кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики ФГБОУ ВО Национального Исследовательского Университета, «Московский энергетический институт».

Кузьминов М.Ю.

Кандидат философских наук, профессор кафедры философии, политологии, социологии ФГБОУ ВО Национального Исследовательского Университета, «Московский энергетический институт».

Северина Е.А.

Старший преподаватель кафедры второго иностранного языка ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет.

Исследование ценностей молодежи как социальных стереотипов: социолингвистические аспекты*

В каждом лингвосоциуме складываются определённые паттерны поведения, образ жизни, отношение к своей культуре, к другим нациям, социально-историческая идентичность этноса. Изучение образов-представлений лингвосоциума является сегодня актуальной и междисциплинарной проблемой, имеющей первостепенное значение для анализа глобализационных и интеграционных процессов. Один из ключевых подходов к изучению стереотипов формируется на стыке двух дисциплин – психолингвистики и социологии. Социологический анализ, подкрепляемый ассоциативным психолингвистическим экспериментом, формирует теоретико-прикладной метод исследования базовых ценностей лингвосоциума. В данной статье используется материал социолингвистического исследования ценностей современной молодежи в России как опыт междисциплинарного социогуманитарного подхода к проблематике стереотипов культуры мышления и поведения индивидов в обществе.

В словаре терминов межкультурной коммуникации понятие *стереотип* трактуется как «стандартизированный устойчивый, эмоционально насыщенный, определенный образ, концентрированное выра-

* © Курилов С.Н., Кузьминов М.Ю., Северина Е.А., 2020.

Исследование ценностей молодежи как социальных стереотипов: социолингвистические аспекты

жение социальной установки по отношению к «чужому». Это особая форма восприятия окружающего мира, которая оказывает определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до человеческого сознания» [1].

С точки зрения коммуникативно-культурного подхода, стереотип в рамках национального самосознания интерпретируется как «коммуникативная единица данного этноса, способная посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание личности – социализируемого индивида, формируя в нем соответствующие мотивации» [4].

Наиболее крупной группой часто встречающихся в обществе готовых моделей мышления и поведения являются социальные стереотипы, так как принимая решение или совершая поступки, человек бессознательно опирается на уже сформировавшиеся в своей культуре правильный и одобряемый образ действия. Понятие *социальный стереотип* ввел в 1922 г. У. Липпман, который считал, что вид данных паттернов служат основным ориентиром в массиве социальной информации. Он определяет социальные стереотипы как «культурно детерминированные и определенным образом упорядоченные «картинки» мира в сознании человека, которые, с одной стороны, экономят его усилия при восприятии сложной информации, а с другой – фиксируют и сохраняют существующие ценности, способствуя тем самым сохранению высокой самооценки самого человека» [3].

С точки зрения определения социальной природы стереотипов, их можно трактовать как упрощение и систематизацию обильной и сложной информации, получаемой человеком из окружающей среды. Стереотип по своей природе социален – это складывающийся в процессе воспитания в сознании человека образ окружающей действительности, который упрощает формирование внутреннего мира человека, его реакцию на окружающий мир, создает традиции и привычки, что обеспечивает целостность социальной общности [5]. Выступая эталоном восприятия, стереотип далёк от адекватности и объективности. Напротив, стереотипная оценка весьма категорична, так как она делит окружающее на два типа: «знакомое» (это значит «безопасное», «понятное» и «хорошее») и «незнакомое» (что означает «опасное», «непонятное», «плохое»).

Стереотипы тесно взаимосвязаны с системой ценностей конкретно-го лингвосоциума, что обуславливает его функции в обществе. Г. Тэшфел выделил две социальные функции стереотипизации:

- 1) объяснение существующих отношений между группами, в том

числе поиск причин сложных и «обычно печальных» социальных событий;

2) оправдание существующих межгрупповых отношений, например, действий, совершаемых или планируемых по отношению к чужим группам [7].

Помимо этого, стереотипное мышление и восприятие проявляется зачастую в ситуациях, требующих быстрой, ответной реакции, эмоциональной усталости или загруженности, а также при отсутствии достаточного опыта или в юном возрасте.

На основе стереотипов создается перечень наиболее частотных характеристик и оценок того или иного народа. Однако следует отметить, любой стереотип основывается на субъективном мнении респондентов. И для уточнения истинности наличия тех или иных стереотипов не существует абсолютно объективных критериев.

С возрастными стереотипами и основанными на них ассоциациями часто приходится сталкиваться исследователям ценностного мира современной молодежи. Так Лаборатория социологических исследований Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» провела в 2017-2018 году исследование ценностного мира студентов. Помимо массового опроса 1331 студента нескольких вузов России и Белоруссии, было проведено пять фокус-групп для выявления ассоциативных стереотипов ведущих ценностей молодежи и семантических диссонансов в их понимании студентами и интерпретации исследователями [2].

Так в интерпретации понятия «честность (честный)» из 22-х высказываний (определений) студентами только 45,5% соответствует общепринятому словарному значению (словарь Д. Н. Ушакова), а 54,5% не соответствует. Этот термин очень часто отождествляется со справедливостью [6].

Аналогичная картина наблюдается и в интерпретации инструментальной ценности «добрый». Из 31 высказываний (определений) студентами термина «добрый» 41,9% соответствует словарному, а 58,1% - не соответствует.

«Воспитанность» как качество человека в основном ассоциируется у студентов с внешним проявлением этой самой воспитанности. Из 51-го высказывания (определения) студентов только 37,2% совпадает со словарным значением, а 62,8% - не совпадает.

Особенно сильные расхождения возникли у студентов в интерпретации термина «здоровье», которое чаще всего отождествлялось с «самочувствием» или внешним его проявлением. Из 42-х высказываний (определений) этой ценности только 21,4% соответствуют словарно-

му и международному научному определению понятия «здоровье», а 78,6% - не соответствует.

Традиционно большое разнообразие ассоциаций студенты связывают с понятием «любовь». Из 49 высказываний (определений) понятия «любви» у студентов имеют место следующие стереотипы (ассоциации):

- 12,2% как взаимное влечение;
- 10,2% как взаимопонимание;
- 10,2% как разновидность дружбы;
- 8,2% как влюбленность;
- 14,3% как влечение к чему-либо или кому-либо;
- 16,3% как самопожертвование.

Менее разнообразным был перечень стереотипов, связанных с понятием современность. Из 62 ответов (стереотипных ассоциаций) понятие «современность» связали со следующими явлениями:

- с техническим прогрессом – 40,3% ответов;
- с политическими событиями – 25,8%;
- с социальными процессами – 24,2%;
- с экономическим процессом – 9,7%.

Столь же разнообразным были ассоциации-стереотипы студентов, связанные с понятием «успех». Из 49 определений (ассоциативных стереотипов) студентами понятия «успех» можно выделить следующие стереотипы:

- успех как достижение цели – 40,8% ответов;
- успех как достижение социального благополучия – 18,4%;
- успех как психологическое состояние – 22,4%;
- успех как саморазвитие личности – 12,2%;
- Другое – 6,1%.

Разумеется, представленные в статье результаты исследования ценностей методом фокус-групп носит гипотетический характер. Вместе с тем, существующий семантический диссонанс между молодежью и исследователями ее ценностного мира молодежи ставит вопрос о совершенствовании самой методики исследования ценностей, а также интерпретации результатов проведенных исследований.

В заключении следует отметить, что стереотипы существовали на протяжении всей истории человечества, так как они выступают в качестве психологической защиты и помогают воспринимать новую информацию об окружающих людях, процессах и явлениях, расширяют границы социального, географического и политического окружения. Благодаря стереотипам картина мира становится более понятной и безопасной, поэтому они так широко распространены в сфере социального взаимодействия.

Социальные стереотипы прочно закреплены как в индивидуальном сознании, так и сознании целых социальных групп и зачастую воспринимаются как объективно существующая реальность. Они выступают средством организации человеческого опыта. Воспринимаемая происходящее и новые сферы деятельности, человек опирается на базу накопившегося опыта. Однако, если стереотипы чрезмерно обобщённые или неверные, то это может привести к безуспешной межкультурной коммуникации или к конфликтной ситуации.

References

- [1] Zhukova I.N. Glossary of terms of intercultural communication / Zhukova I.N. - M.: FLINT, 2017. 632 p.
- [2] Kuzminov M.Yu., Kurilov S.N. The valuable world of modern youth: a socio-philosophical interpretation of sociological research at a university. - KANT (Philosophical Sciences). - Stavropol: 2018. № 4 (29). P. 159-162.
- [3] Lippman Walter. Public opinion / Per. from English T.V. Barchunova. Translation editors K.A. Levinson, K.V. Petrenko. - M.: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004. 384 p.
- [4] Ryzhkov V.A. The regulatory function of stereotypes // Significant problems of written communication / Interuniversity. Sat scientific labor. - Kuibyshev: 1985. P. 15-21.
- [5] Stefanenko T.G. Ethnopsychology. - M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, "Academic Project": 1999. 320 p.
- [6] Ushakov D.N. Great Dictionary of Russian language. Modern edition. - M.: Hit-Kniga LLC, 2017. 960p.
- [7] Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. -Cambridge, England: Cambridge University Press, 1981. 369 p.

Библиографический список:

- [1] Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / Жукова И.Н. - М.: ФЛИНТА, 2017. 632 с.
- [2] Кузьминов М.Ю., Курилов С.Н. Ценностный мир современной молодежи: социально-философская интерпретация социологических исследований в вузе. - KANT (Философские науки). - Ставрополь: 2018. № 4 (29). С. 159-162.
- [3] Липпман Уолтер. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. - М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- [4] Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации / Межвуз. сб. науч. трудов. - Куйбышев: 1985. С. 15-21.
- [5] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. - М.: Институт психологии РАН, «Академический проект»: 1999. 320 с.
- [6] Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. - М.: ООО «Хит-книга», 2017. 960 с.
- [7] Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. -Cambridge, England: Cambridge University Press, 1981. 369 p.

Senchenko N.A.

Candidate of Cultural Studies,

Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines,

Fevzi Yakubov Crimean Engineering Pedagogical University.

Influence of media on the formation of the image of a political leader

Abstract. The present study is devoted to such new problems in the study of political communication as the analysis of the image of a political leader, the construction of a model for the formation and functioning of the image of a political leader in an election campaign, and the role of the media in shaping electoral preferences. The article pays attention to the coherence of the chosen image by a political figure and the social expectations of the electorate.

Key words: image, politics, electorate, coherence, media, social expectations.

Сенченко Н.А.

Кандидат культурологии,

доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК

«Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова».

Влияние СМИ на формирование имиджа политического лидера

Аннотация. Настоящее исследование посвящено таким новым проблемам в изучении политической коммуникации, как анализ имиджа политического лидера, построение модели формирования и функционирования имиджа политического лидера в условиях предвыборной кампании, а также роли средств массовой информации в формировании электоральных предпочтений. В статье уделяется внимание согласованности выбираемого имиджа политическим деятелем и социальным ожиданиям электората.

Ключевые слова: имидж, политика, электорат, согласованность, средства массовой информации, социальные ожидания.

Сенченко Н.А.

Кандидат культурологии,

доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК
«Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова».

Влияние СМИ на формирование имиджа политического лидера*

Введение

Современный этап развития общества характеризуется кризисом доверия к власти, предвзятостью в оценке ее действий. Сформированное общество потребителей требует немедленных решений и исполнения желаний, выдвигая одно из самых главных требований к власти – соответствие ожиданиям электората.

Степень доверия определяется прежде всего рейтингом того или иного политика в электоральных кругах, что безусловно связано с имиджем политика. Следует отметить, что электорат избирательно оценивает заслуги общественных деятелей: от признания даже мелкого шага, до полного негативизма, казалось бы, конструктивных решений. Мы предполагаем, что такая ситуация возможна при рассогласованности социальных ожиданий по отношению к политику и его публичному имиджу в СМИ и социальных сетях.

Научная проблема заключается в определении особенностей влияния СМИ на фактор популярности общественных деятелей.

Цель исследования: выявить социологические особенности политического имиджа общественного деятеля и их связь с электоральными предпочтениями, установить степень согласованности политического имиджа лидеров.

Задачи исследования:

1. Теоретически обосновать и эмпирически выявить основные маркеры политического имиджа общественного деятеля.
2. Эмпирически выявить согласованность политических имиджей общественных деятелей в реальном и медиапространстве, сравнить их с социальными ожиданиями электората.

Обзор литературы по проблеме исследования. В результате теоретического анализа научной литературы можно выделить ряд основных

* © Сенченко Н.А., 2020.

Влияние СМИ на формирование имиджа политического лидера

представлений о политическом имидже:

1. Политический имидж абстрактен, схематичен, упрощен и динамичен [3, 4, 8].

2. Социальные ожидания электората представляют собой стереотипы и ассоциации, с помощью которых люди наделяют объект восприятия хотя и распространенными, но нередко не совпадающими в частном случае с реальностью качествами [7]. Таким образом, можно говорить об имидже носителя и о восприятии носителя электоратом. При этом ведущим является соответствие политика социальным ожиданиям. Выстраиваемый политический имидж должен соответствовать социальным ожиданиям [4, 5].

3. Каждый политик стремится сформировать позитивное представление о себе для повышения легитимности, своего рейтинга, расширения политических ресурсов [2, 3].

4. Политический имидж формируется под четкую задачу: победа на выборах, вхождение в политическую элиту, политическая перспектива и популярность [6].

5. Имидж транслируется путем активных политических коммуникаций. Публичные выступления, активная работа СМИ, встречи с избирателями позитивно сказываются на формировании позитивного имиджа политического лидера. В процессе общения внимание уделяется проявлению доброжелательности и эрудированности [7, 9, 10, 11].

6. Роль СМИ в формировании имиджа политического лидера имеет определяющее значение, поскольку обеспечивают общее представление населения о лидере, его политических идеях и устремлениях [10, 11, 12].

Полученные результаты позволили нам выделить основные составляющие политического имиджа [Рисунок 1].

Как видно на рисунке 1, имидж политика ориентируется на личностные и нравственные качества в большей степени, чем политические обещания. Личностный компонент имеет первостепенное значение. Люди стремятся знать о лидере больше как о личности, это заставляет политика более аккуратно подходить к выбору имиджа.

Спроецировать личностные характеристики возможно путем тесного взаимодействия со средствами массовой информации. Установление благоприятных контактов со СМИ позволяет выгодно освещать деятельность политика.

Политический лидер выступает центральным источником коммуникации. Имидж политического лидера включает в себя такие составляющие, как внешний образ, речь, манеры; личностные и нравственные качества; деловые качества.

Процесс трансляции имиджевых характеристик в массы осуществ-

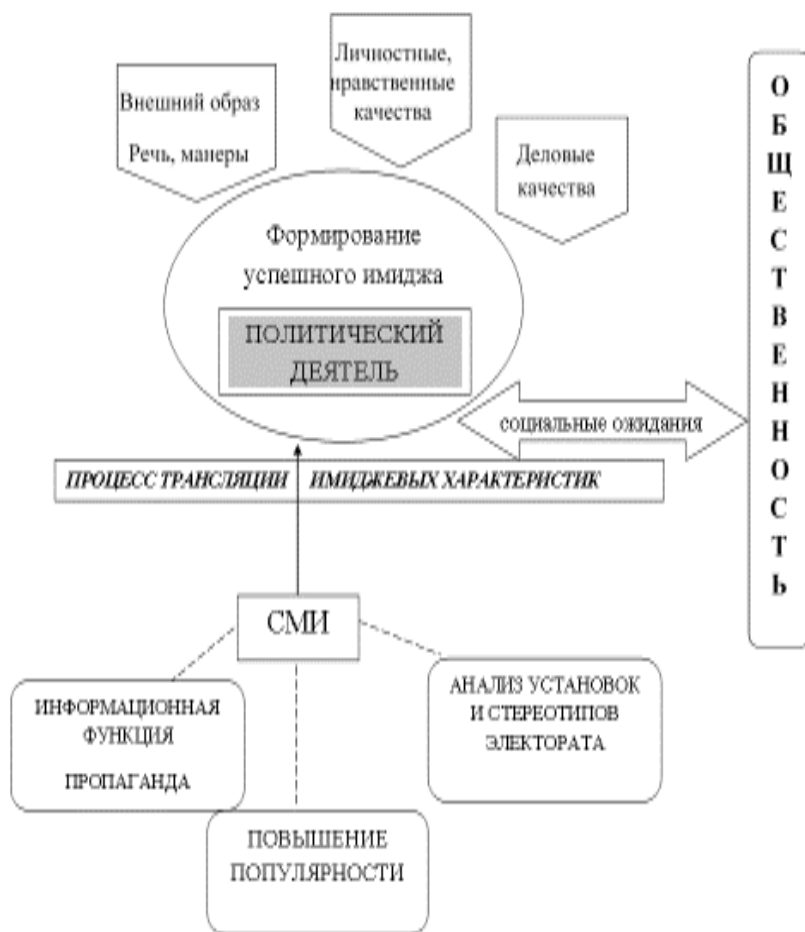

Рисунок 1. Теоретическая модель структуры политического имиджа.

вляется благодаря средствам массовой информации. Общественность в свою очередь может иметь стереотипный взгляд на личность политического лидера.

Общественность транслирует социальные ожидания, соответствующим, политический лидер повышает успешность своего имиджа. Очень важно выстраивать благоприятное впечатление электората.

Средства массовой информации являются отражением имиджевых характеристик деятеля.

Изложение основного материала. Для выявления представлений

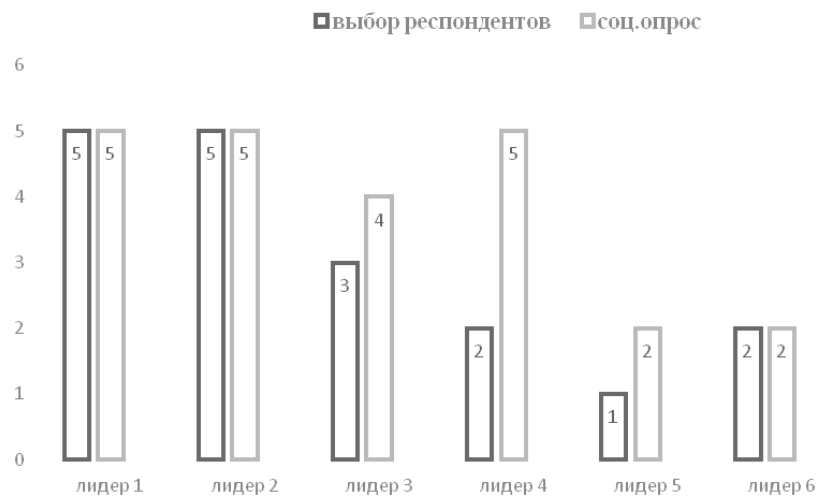

Рисунок 2. Рейтинг политиков.

населения о приоритетных качествах политического лидера нами был проведен мониторинг СМИ и социальных страниц, интернет-анализ интервью и выступлений отдельных политических лидеров занимающих первые и последние строчки в рейтингах, фокус-группы. В ходе исследования респондентам в фокус-группе предлагалось выбрать из перечня самых известных политиков Крыма наиболее узнаваемых.

Полученные данные сравнили с популярностью лидера в СМИ, учитывались количество публикаций с сети Интернет с фамилией лидера. Результаты исследования подтверждены и данными социологических опросов, проводимых крупнейшим медиахолдингом «Федерал-Пресс».

В ходе исследования респондентам в фокус-группе предлагалось выбрать из перечня самых известных политиков Крыма. Ответы респондентов распределялись по шкале от 1 до 5 по степени узнаваемости лидера (1 – не узнаваем, 5 – всегда узнаваем). Результаты приведены на рисунке 2.

Полученные данные сравнили с популярностью лидера в СМИ, учитывались количество публикаций с сети Интернет с фамилией лидера.

В ходе исследования было обращено внимание на верхние строчки рейтинга – 4 политика и крайние нижние – 2 политика. Затем изучались особенности их имиджа по выделенным ранее маркерам (анализ элек-

торальных предпочтений):

1. Власть;
2. Мотивация на результат;
3. Компетентность в вопросах политики;
4. Авторитет для общественности;
5. Неподкупность;
6. Справедливость;
7. Высокие моральные принципы;
8. Стрессоустойчивость;
9. Чувство юмора;
10. Сильный характер.

Следует отметить, что данные интенции были определены в ходе проведения фокус-групп и представляли собой основные имиджевые шкалы в социальных ожиданиях крымчан. Затем в текстах публичных выступлений лидеров в СМИ, их ответов на комментарии, а также в комментариях электората отслеживались именно эти интенции. Рассмотрим подробно результаты политиков с высоким рейтингом (1-4) и низким (5-6).

Таблица 1. Имиджевые шкалы политиков.

Интенции	Личные проявления в публикациях						Оценка электората (кол-во комментариев)					
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Власть	1862	1756	634	320	36	15	6050	5047	310	310	20	14
Мотивация на результат	956	866	321	130	13	11	3650	2704	50	50	10	3
Сильный характер	800	600	503	250	25	12	7364	6361	60	60	0	3
Компетентность в вопросах политики	982	782	93	340	34	21	4620	3820	20	260	10	7
Авторитет для общественности	326	126	50	360	36	12	6300	2500	230	230	23	11
Неподкупность	1308	480	380	60	6	5	4200	1200	1200	200	20	12
Справедливость	450	370	170	348	48	19	4560	360	80	80	8	7
Высокие моральные принципы	300	200	50	85	15	9	3120	3400	20	80	8	7
Стрессоустойчивость	200	200	203	190	10	7	3900	3900	140	140	14	7
Чувство юмора	450	450	0	60	6	0	1000	700	0	250	0	0

Анализ публикаций показал, что Лидер 1 – популярная личность в СМИ. По запросу в сети Интернет на момент исследования найдено 4 млн. публикаций.

Так же присутствуют положительные комментарии общественности на странице в социальной сети Instagram. Лидер имеет 111т подписчиков, 1700 публикаций. Он активно занимается развитием своих медиа-страниц. По данным «ФедералПресс» занимает лидирующую рейтинговую позицию среди политиков Крыма. Публикации СМИ, отзывы электората совпадают с «идеальным образом общественного деятеля» респондентов, принявших участие в исследовании.

Лидер 2 проявляет все характеристики, выбранные нами как интенции формирования имиджа. Достаточное количество цитат и комментариев подтверждают социально ожидаемые качества лидера 2. Можно утверждать, что реальный имидж и имидж транслируемый СМИ близки к электоральным предпочтениям, что формирует позитивное восприятие политика в целом.

Лидер 3 не занимает активную медийную позицию. В социальной сети Instagram имеет 3943 подписчиков и 275 публикаций. Не развивает страницу в социальных сетях, не отвечает на комментарии, что вызывает недовольство электората.

Мониторинг публикаций о Лидере 4 позволил сделать следующие выводы: лидер является авторитетной личностью среди политиков, однако не занимается развитием социальных сетей и занимает не высокие позиции в рейтингах.

В отношении низкорейтинговых политиков(5-6): их рейтинги коррелируют с частотой встречаемости в СМИ. Найдено 10тысяч ссылок по запросу с фамилией Лидера 5.Однако, в сети отсутствуют факты о личной жизни и увлечениях общественного деятеля. Лидер 5 не занимается развитием социальных сетей, что отражается на его узнаваемости. В отношении лидеров 5 и 6 в прессе отмечается, что они являются несомостоятельными игроками и входят в чьи-то группы влияния.

Как показало сравнение имиджей политиков, важно учитывать роль СМИ в процессе «раскручивания» политика, потому что если он нигде не выступает со своими целями и установками, если его нигде не показывают и не «печатают», то, по сути, он только гражданин, который имеет свои некоторые политические убеждения. И даже если он оказывает большую поддержку общественным организациям или другие значительные дела, но в СМИ это никак не освещается или освещается, но мало, то можно считать, что этот политик находится «вне политики».

Мониторинг социальных сетей и страниц медиа-изданий позволил выделить уровень проявления той или иной интенции.

Таблица 2. Оценка уровня проявления интенции.

Интенции	Оценка уровня проявления интенций					
	Лидер1	Лидер2	Лидер3	Лидер4	Лидер5	Лидер6
Власть	5	5	4	5	3	3
Мотивация на результат	5	5	4	5	3	3
Компетентность в вопросах политики	5	5	5	5	5	4
Авторитет для общественности	5	5	4	5	4	2
Неподкупность	5	5	4	4	4	2
Справедливость	5	5	4	4	4	3
Высокие моральные принципы	5	5	4	4	3	3
Стрессоустойчивость	5	5	3	5	3	3
Чувство юмора	5	4	3	5	2	1
Сильный характер	5	5	3	5	3	2

5 – очень часто встречается, 4 – часто встречается, 3 – встречается периодически, 2 – очень редко, 1 – отсутствует.

Как видно по результатам, представленным в таблице 2, у высоко-рейтинговых политиков часто все социально ожидаемые интенции встречаются в публикациях или выступлениях. В то время как у низкорейтинговых указанные интенции не учитываются при построении докладов и обращений.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Полученные результаты свидетельствуют о том, что среди наиболее называемых политических лидеров выступают лица с высоким рейтингом в медиа-пространствах. Политики, чьи личности часто освещаются СМИ, являются наиболее узнаваемыми среди членов выборки.

2. У политиков с высоким рейтингом имидж в реальном пространстве согласуется с социальными ожиданиями электората и активно продвигается в СМИ и социальных сетях.

References

- [1] Avchenko V.O. Theory and practice of political manipulation in modern Russia // V.O. Avchenko. - Vladivostok: INFRA, 2010. 165 p.
- [2] Borozdina G.V. Psychology of business communication // G.V. Borozdin. - Tutorial. - M.: INFRA-M, 2006. 222 p.
- [3] Grachev M.N. Political communication: theoretical concepts, models, development vectors / M.N. Grachev. - M.: Prometheus, 2004. 328 p.
- [4] Dergach A.A. Political imageology: study guide // A.A. Dergach, E.B. Perelygin. - M.: 2006. 184 p.
- [5] Dudin D.M. The image of a political leader and the possibility of changing it // D.M. Dudin. - Pskov: Prospect, 2009. 88 p.
- [6] Kotler F., Rein I., Hamlin M., Stoller M. Personal branding. Technology to achieve personal popularity. - M.: Grebennikov Publishing House, 2008. 400 p.
- [7] Manyakina E.I. Political leader: The process of image formation: abstract diss. ... candidate of political sciences: 23.00.02 // Ros. management Academy. Political scientist. center. - Moscow, 1994. 22 p.
- [8] Panasyuk A.Yu. Image building: strategies, psychotechnologies, psychotechnologies. - M.: Publishing house "Omega-L", 2007. 226 p.
- [9] Pocheptsov G. Image: study guide // G. Pocheptsov. - Kiev: 2010. 96 p.
- [10] Potemkina O.F. Image of a political leader // O.F. Potemkina. - M.: Prospect, 2010. 144 p.
- [11] Shashlov M.N. Political image as an actual subject of research // M.N. Shashlov, V.D. Zotov. - M.: INFRA, 2010. 66 p.
- [12] Shevchenko V.G. Political imageology: study guide / V.G. Shevchenko. - St. Petersburg.: 2009. 54 p.

Библиографический список:

- [1] Авченко В.О. Теория и практика политических манипуляций в современной России // В.О. Авченко. – Владивосток: ИНФРА, 2010. 165 с.
- [2] Бороздина Г.В. Психология делового общения // Г.В. Бороздина. – Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2006. 224 с.
- [3] Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. 328 с.
- [4] Дергач А.А. Политическая имиджология: учебное пособие // А.А. Дергач, Е.Б. Перельгина. – М.: 2006. – 184 с.
- [5] Дудин Д.М. Образ политического лидера и возможности его изменения // Д.М. Дудин. – Псков: Проспект, 2009. – 88 с.
- [6] Котлер Ф., Рейн И., Хэмли М., Столлер М. Персональный брендинг. Технологии достижения личной популярности. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2008. 400 с.
- [7] Манякина Е.И. Политический лидер: Процесс формирования имиджа: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 // Рос. академия управления. Политологич. центр. – Москва, 1994. 22 с.
- [8] Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегии, психотехнологии, психотехники. – М.: Издательство «Омега-Л», 2007. 226 с.
- [9] Почепцов Г. Имидж: учебное пособие // Г. Почепцов. – Киев: 2010. 96 с.
- [10] Потёмкина О.Ф. Имидж политического лидера // О.Ф. Потемкина. – М.: Проспект, 2010. 144 с.
- [11] Шашлов М.Н. Политический имидж как актуальный предмет исследования // М.Н. Шашлов, В.Д. Зотов. – М.: ИНФРА, 2010. 66 с.
- [12] Шевченко В.Г. Политическая имиджология: учебное пособие / В.Г. Шевченко. – СПб.: 2009. 54 с.

Ardashev R.G.

PhD in Law. Irkutsk State University.

Conspiracy Theories in the Public Opinion of Russians

Abstract. The article analyzes the conditions, motives and causes of the emergence and spread of conspiracy theories. The results of a qualitative expert study of estimates of the prevalence and activity of the introduction of conspiracy theories into public opinion and the public consciousness of the inhabitants of Russia are examined. The following causes of distribution are distinguished: socio-psychological, economic-political, ideological and mystical. The structural features of these theories are also highlighted and the psychological, social, economic, political and ideological conditions for the emergence and spread of conspiracy theories are explained.

Key words: conspiracy theories, expert opinion, public opinion, distribution reasons, causes of occurrence, occurrence motives, conspiracy theories.

Ардашев Р.Г.

Кандидат юридических наук.

Иркутский государственный университет.

Теории заговора в общественном мнении россиян

Аннотация. В статье анализируются условия, мотивы и причины возникновения и распространений теорий заговора. Рассматриваются результаты качественного экспертного исследования оценок распространенности и активности внедрения конспирологических теорий в общественное мнение и общественное сознание жителей России. Выделяются следующие причины распространения: социально-психологические, экономико-политические, идеологические и мистические. Также выделяются структурные особенности данных теорий и объясняются психологические, социальные, экономические, политические и идеологические условия возникновения и распространения теорий заговора.

Ключевые слова: теории заговора, экспертное мнение, общественное мнение, причины распространения, причины возникновения, мотивы возникновения, конспирологические теории.

Ардашев Р.Г.

Кандидат юридических наук.

Иркутский государственный университет.

Теории заговора в общественном мнении россиян*

Теории заговора существовали давно. Они возникали в ответ на усиление социального контроля со стороны власти, которое осуществлялось на фоне параноидальных расстройств личности отдельных людей или целых сообществ. Общей их чертой было видение проблемы и причин этой проблемы в каком-либо внешнем объекте (политическая или экономическая элита, фармацевты или врачи в целом, юристы или богословы и так далее), целью которых было переписывание истории, порабощение, изменение ценностей и так далее.

По данным ВЦИОМ, почти две трети россиян (66%) верят в наличие теорий заговора. Чем старше россиянин, тем больше он привержен этим взглядам. Среди лиц старшего возраста их 72%. 63% россиян считают, что данные теории разрушают идеологию и духовность наших сограждан. И только четверть россиян не верит в теории заговора¹. При этом в члены мирового правительства, в первую очередь, записывают олигархов, финансистов и банкиров. Вместе с тем многие россияне считают, что тайное правительство настроено против России. И россияне в этом не одиноки.

Существует теория, согласно которой, ключевые политические и экономические вопросы всего мира решаются в Бильдербергском клубе. Конспирологи считают, что на неофициальной ежегодной конференции крупных политиков, бизнесменов и банкиров (120-150 человек) определяются судьбы народов. Встречи проводятся за закрытыми дверями, попасть туда можно только по личному приглашению. В заседаниях клуба в разное время участвовали Билл Клинтон, Ангела Меркель, Джордж Сорос и Дэвид Рокфеллер. Заседания проводятся с 1954 года – на первой встрече клуб ставил задачу улучшения взаимопонимания между Северной Америкой и Европой после Второй мировой войны.

Тайные встречи самых влиятельных людей быстро привлекли вни-

* © Ардашев Р.Г., 2020.

Теории заговора в общественном мнении россиян

¹ Теория заговора против России / ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9259> (дата доступа 23.02.20)

мание конспирологов, считающих, что именно эти люди дирижируют миром в жажде наживы и власти. Однако каждый год список участников меняется, а те, кто посещали встречу, подчеркивали, что она необходима для свободного обмена мнениями. Кроме того, клуб публикует на своем сайте повестку, хотя сами обсуждения остаются секретом.

При всем при этом, теории заговора являются слабо изученным проблемным полем, но во многом благодаря им формируется протестное общественное мнение, конструируются ложные убеждения у тех, кто не является адептом конспирологических теорий и многое другое. Формируя оценки и условия развития теорий заговора, требуются постоянные подтверждающие факты их актуальности и реальности и как результат и руководители и члены конспирологических теорий сами становятся творцами многих доказательств» теорий заговора, что для многих из них заканчивается довольно печально.

На сегодняшний день в рамках психологии, социологии, философии, политологии имеются исследования касающиеся теорий заговора². Психологами описаны такие характеристики личности, приверженной конспиродогических теорий как неуверенность в себе, тревожность, отсутствие самоконтроля, пессимистическое видение будущего для себя и своего окружения, недоверие власти и ко всем окружающим. Они интересуются сверхъестественными явлениями, одушевляют природу, не вписываются в обычные и обыденные рамки повседневности.

Социологами представители данной группы описываются как маргинальные члены общества, нарушающие нормы и рамки просоциального поведения, имеют низкий образовательный, культурный и социальный статус. Приверженцы теорий заговора находятся вне системы, в большинстве случаев асоциальны и/или враждебны обществу в целом или отдельным его группам (власти, роботам, женщинам и т.д.).

Философы описывают представителей конспирологических теорий как людей обладающих необычным мировоззрением, придерживающихся альтернативной истории, выдвигающими идеи не характерные для большинства и оттого считающиеся «не нормальными». Во многом благодаря теориям заговора развиваются нетипичные, непрогнозируемые, нелинейные формы развития социальных отношений, социально-го порядка и общественного воспроизводства.

Политологи говорят об адептах данных теорий как потенциальных

2 Stigmatized beliefs: Conspiracy theories, anticipated negative evaluation of the self and fear of social exclusion / Lantian A., Muller D., Nurra C., Klein O., Berjot S., Pantazi M. // European j. of social psychology. – Chichester, 2018. Vol. 48. № 7. P. 939-954.; Swami V., Furnham A. Political paranoia and conspiracy theories // Power politics and paranoia: Why people are suspicious about their leaders / Ed. by J.W. van Prooijen, P.A.M. van Lange. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2014. P. 218-236.

нарушителях социальной системы, способных начинать волнения в умах отдельных граждан, которые могут привести к бунтам и восстаниям, революциям и войнам в будущем. Благодаря участию приверженцев теорий заговора в различных социальных группах и потенциальной готовности противостоять и сопротивляться системе формируется оппозиционная протестная среда.

Данные состояния рядом авторов объясняются как ошибки конъюнкции³, вызванные общим низким уровнем образования и эрудиции, а также неспособностью делать логичные выводы (опора на интуитивные, не рациональные формы объяснения происходящих событий). При этом, сам адепт может считать свой интеллект супер неординарным⁴. Также, происходит нарушение личностно-внешней атрибуции (возложение вины за негативные события своей жизни на внешние события). Более того, те, кто имеет склонность к конспирологическим теориям, видят в заговорах угрозу не только себе, но и всему миру. Сложность в том, что его окружение может не разделять с ним его убеждения, что приводит к стигматизации⁵.

В социальной практике достаточно мало прикладных исследований, посвященных конспирологическим теориям, так как конспирология зачастую имеет негативную оценку и коннотацию и автоматически влечет за собой социальное осуждение. Те, кто верят во «вселенский заговор» заведомо отделяются от всех, так как их воспринимают как не нормальных. М. Вуд и К. Даглас назвали этот процесс социальной и интеллектуальной стигмой, позволяющей не принимать и не принимать тех, кто разделяет эти взгляды⁶. Как и в работах О.А. Полюшкевич⁷, через тео-

3 Ошибка конъюнкции – когнитивное искажение, сопряженное с приданием большей значимости совместным, нежели отдельным событиям.

4 Barkun M. Conspiracy theories as stigmatized knowledge // *Diogenes*. – L., 2016. – Oct. 25. // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0392192116669288> [Accessed: 23.02.2020.]; Imhoff R., Lamberty P. How paranoid are conspiracy believers? Toward a more fine-grained understanding of the connect and disconnect between paranoia and belief in conspiracy theories // *European j. of social psychology*. – Chichester, 2018. Vol. 48. № 7. P. 909-926.

5 Bratich J.Z. Conspiracy panics: Political rationality and popular culture. – Albany (NY): State univ. of New York press, 2008.; Grzesiak-Feldman M., Ejsmont A. Paranoia and conspiracy thinking of Jews, Arabs, Germans and Russians in a Polish sample // *Psychological reports*. – Thousand Oaks (CA), 2008. Vol. 102. № 3. P. 884-886.; Husting G., Orr M. Dangerous machinery: «Conspiracy theorist» as a transpersonal strategy of exclusion // *Symbolic interaction*. – N.Y., 2007. – Vol. 30/ № 2. P. 127-150.

6 Wood M.J., Douglas K.M. What about building 7? A social psychological study of online discussion of 9/11 conspiracy theories // *Frontiers in psychology*. – Lausanne, 2013. Vol. 4. 409 p.

7 Полюшкевич О.А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // *Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5*. – Иркутск: ИГМУ, 2019. С. 24-29.; Полюшкевич О. А. Современное прочтение Ирвина Гоффмана // *В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч. конф.* – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 61-67.

рию стигматизации И. Гоффмана, показывается характер исключения, как личного, так и социального, в том числе конспирологов из социальной жизни.

Для изучения контекста и условий возникновения, а также качества и распространенности теорий заговора среди населения мы провели качественное исследование, методом экспертного полу-структурированного интервью. В исследовании приняло участие 26 человек, 60% женщины и 40% мужчины, занимающие разные социальные позиции, финансовый и демографический статус, но критерием отбора (квотой) было то, что по роду своей профессиональной деятельности сталкиваются с теми, кто находится под влиянием теорий заговора (аналитики, психологи, психиатры, социальные работники, политологи, социологи и т.д.).

Данный ракурс исследования был для нас интересен тем, что позволяет заглянуть по ТУ сторону теорий заговора и увидеть взаимосвязи и взаимовлияния тех теорий заговора, что на сегодняшний день распространены в Российской Федерации.

По мнению экспертов, теории заговора достаточно распространены в современной России, более половины населения им подвержено, но для одних людей, теории заговора концентрируются вокруг «мирового правительства», «бизнес элиты», «спецслужб» для других находится около «НЛО» или «внеземных цивилизаций».

Причины приверженности к той или иной теории заговора могут быть различными. Эксперты выделили несколько групп: 1) социально-психологические, 2) экономико-политические, 3) идеологические, 4) мистические, индивидуально-мировоззренческие.

Социально-психологические причины приверженности к конспирологическим теориям позволяют говорить о нарушении личностной самоидентичности, повышенной тревожности, иногда агрессивности, интровертности и замкнутости. Эти мотивы носят скорее личный характер и вызваны индивидуальными особенностями и спецификой воспитания и социализации. Зачастую, могут сопровождаться психозами и лечением в специализированных учреждениях.

Для многих людей, обладающих пограничным или шизоидальным типом личности, теории заговора выступают объектом, на который можно направить свои силы для обвинения во всем что произошло или не произошло в их жизни. Повышенная тревожность, дополненная яркими образами воображения, создает нереальные связки объяснения происходящих событий. Люди живут в воображаемом мире. Находясь в социуме, транслируют придуманные образы на реальных людей и события – создавая у окружающих чувство страха и желание отгородиться. (М.С., психиатр).

Неустойчивая психика ведет к большой впечатлительности и формированию собственных убеждений и представлений, которые позволяют объяснять все происходящие события с позиции эгоизма (мир крутится вокруг меня) и внешней враждебности (все, кто меня окружают, хотят мне навредить, начиная от членов семьи, заканчивая коллегами, соседями, врачами и властью). В моей практике к такому типу людей относятся в основном пожилые люди, несклонные доверять ни окружению, ни стране. Невозможность противостоять социальным переменам в свое время, привела их к формированию такой пессимистичной и одновременно негативно-патологичной картины мира (С.А., социальный работник).

Экономико-политические причины приверженности к конспирологическим теориям позволяют говорить о искусственном формировании убеждений у населения относительно существующих теорий заговора, формируя определенный потребительский спрос, развивая обоснованность тех или иных политических и экономических решений, будь то санкции или внедрение нового продукта. Данный фактор активно распространяется во многом благодаря массовой культуре и публичным персонам шоу-бизнеса, транслирующим свои взгляды и свою жизнь под определенными углами зрения.

Заговор спецслужб то США, то Израиля, то Китая против России регулярно всплывает в СМИ. И всегда находят те, кто вслед за создателями шоу или авторами статьи соглашается с их аргументами, вспоминая или находя аналоги и проводя параллели с тем, что известно им – находят миллион и одну причину доказательства наличия этого заговора. Сегодня четвертая власть очень сильно изменяет и заново формирует мышление наших современников, воспитывая не критичность, а мифичность сознания (О. А., политолог).

Заговор «мирового правительства» сказывается на экономике всех государств мира и распространение различных заболеваний типа «птичьего гриппа», «свиного гриппа», «коронавируса» становится результатом работы этого правительства против отдельных народов – китайцев, так как большая часть людей, пострадавших от этих вирусов была именно там. В странах Африки – заболевания СПИДом и ВИЧ-инфекцией становится настолько масштабными, что приводят к вымиранию целых социальных групп и это также является результатом все того же заговора. Целью этих заговоров может быть как уменьшение численности населения планеты Земля, так и практическое приостановление темпов развития отдельных народов или государств (Д.Н., аналитик).

Идеологические причины приверженности к конспирологическим

теориям позволяют говорить о наличии стратегических задач власти, религиозных деятелей и других сфер и отдельных представителей тех, кругов, которые могут влиять на мировоззрение, цели и задачи населения. Идеологические причины позволяют видеть «врага» во вне, во внешнем мире. Это могут быть «американцы» или «евреи», «американское правительство» или «тамплиеры», «религиозные деятели» или «звезды шоу бизнеса» или какие-то другие внешние силы, способные воздействовать массового на идеологию.

Религия в свое время захватила умы миллиардов людей. Не важно, к какой религии ты относишься, важно то, как она определяет твой образ жизни, твой уклад. Религия забирает у человека волю и решимость бороться за себя, давая иллюзии и надежды в замен. Иррациональность веры обсуждалась сотни раз и философами и богословами, и в конце концов обнаружила свои пралогические причины существования в повседневности. Сегодня нет для этого исключения. При том, что воцерковленных людей (ходящих в церковь регулярно или в другое религиозное заведение (Дацан, мечеть, синагогу и т.д.) становится все меньше, верящих в нечто высшее – все больше. Религиозность трансформируется от веры в одного Бога в веру иных высших сил. Но сама иррациональность этого акта мышления остается в жизни современников (П.Р., социолог).

В интересах власти – занять умы людей не реальными политическими или экономическими проблемами, а переклестить их внимание на «предсказания Ванги» или «предсказания Нострадамуса» относительно будущего России. Это один из способов манипуляции вниманием, который опирается на то, о чем мы думаем, то и замечаем в окружающем мире. Закон психологии (А.В., психолог).

Мистические, индивидуально-мировоззренческие причины приверженности к конспирологическим теориям позволяют говорить о формировании индивидуального или коллективного объяснения происходящих событий. В отличие от социально-психологической группы объяснения, мистические, индивидуально-мировоззренческие опираются на не рациональные доводы и аргументы, не всегда обладающие причинно-следственной связью. В данной группе причин наиболее сильно проявляется пралогическое, мистическое мышление, основанное на нерациональном объяснении всех событий.

Повышение активности новых религиозных движений типа нью-эйдж, появления книг и фильмов с альтернативной реальностью привело к тому, что мышление людей изменилось. Изменилось восприятие объективной реальности и той, что мы называем субъективной. Мифологичность мышления получила второе рождение. Развитие на-

уки и прогресса привело к тому, что мы сейчас «вспоминаем» то, чем жили наши предки в древние времена. Возврат к корням, так сказать (С.В., психолог).

Что ж вы хотите, если по телевидению то «Битву экстрасенсов» показывают, то «Гадалку», то еще какие-нибудь мистические фильмы про вампиров, тайные ордена, артефакты, которыми владеют различные правительства мира, которые влияют на нашу жизнь. После этого маркетологи предлагают какие-то продукты заменители (волшебные палочки или шары предсказаний), стратегии обучения и развития – заведомо недостижимые (например, обучение в магических школах) и так далее. На рынке книги и фильмы про те же магические школы находятся в постоянном спросе, аксессуары, одежда, игровые приставки – все работает на создание иррационального, мистического мира – мышление людей в этом смысле серьезно меняется. Особенно в этот процесс включены дети и подростки, они уже сейчас вбирают иррациональные формы мышления, чтобы потом жить под страхом воздействия высших сил (Н.Г., аналитик).

Также подтвердились идеи О.А. Полюшкевич о том, что стигматизация приверженцев конспирологических теорий усиливает и подтверждает их уверенность в собственной правоте.

То, что не все их слушают, не все им верят, дополнительно усиливает и подтверждает правоту собственных взглядов о том, что существует заговор и на тех людей, кто им не верит уже повлияли инопланетяне, правительство, рептилии или кто-то еще. Замкнутый круг социального взаимодействия (А.А., психиатр).

Искусственное подогревание в СМИ того, что «военные» или «спецслужбы» специально спровоцировали тот или иной кризис, военные действия, бунты – приводят к тому, что приверженцы конспирологических теорий встраивают и дополняют данными фактами свои представления, убеждая и себя и тех, кто их слушает в собственной правоте и адекватности (П.О., аналитик).

Стигматизация может быть как внешняя: та группа, где находится индивид или группа людей их фрустрирует и игнорирует или сами приверженцы конспирологических теорий могут себя фрустрировать и стигматизировать, чтобы «спасти» или «сохранить», но в любом случае они находятся одни, вне системы, вне взаимодействия.

Общество не любит не таких как все, а буйно-активных, доказывающих что только они знают как спастись или как кого-то вывести на чистую воду – в двойне не любит. Поэтому, их уделом является одиночество и социальная аномия (Р.Р., социолог).

Понимание того, что тебя не признают и не слышат может стать

поводом для ухода из социума в глухие места, где его не найдут «пришельцы» или «правительство». Это социальная эксклюзия, которая осуществлена самостоятельно. Если подумать, то у каждого, кто находится в этом здании есть как минимум один-два знакомых, кто ушел в лес или в горы жить сам по себе. И если их соседить, то достаточно большая группа получится (А. К., социальный работник).

Анализируя, указанные экспертами причины и мотивы появления и распространения теорий заговора, можно выделить несколько структурных моментов этих теорий, обеспечивающих им стабильность и долгосрочность существования:

- направленность на одно государство или народ (локальная территориальная распространенность);
- нацеленность на изменение своего социально-стратификационного поведения (обычно повышение социального статуса);
- распространение своих взглядов и идеологии на большее количество адептов (есть круг тех, кто распространяет и поддерживает взгляды);
- получение или расширение личных способностей и возможностей воздействия на других (амбиции);
- развитие мышления подчинения (мышления раба), нацеленного на некритичное восприятие реальности (готовность снять с себя ответственность за свою жизнь и возложить эту ответственность на кого-то другого).

Таким образом, теории заговора в большей степени изменяют систему представлений населения, формируя новые условия для общественного развития и социального порядка. Более того, происходит усиление стигматизации тех, кто является приверженцем данных теорий, что усиливает их изначально асоциальный статус.

В теориях заговора заложен механизм медленного формирования социальных бунтов, так как благодаря данным теориям растет доля оппозиционного населения, способного в любой момент выступить против власти, вне зависимости от того, под каким флагом. Это внутренняя социальная неудовлетворенность, которая приводит к готовности потенциального бунта.

References

- [1] Polyushkevich O.A. Stigmatization: analysis in the framework of the I. Hoffmann concept // Health Philosophy: Integral Approach. Interuniversity collection of scientific papers. Issue 5. - Irkutsk: IGMU, 2019. P. 24-29.
- [2] Polyushkevich O.A. Modern reading of I. Hoffman // In Search of Social Truth: Proceedings of the I Intern. scientific conf. Irkutsk, November 28, 2019 / FSBEI HE "IGU"; under the general. ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. - Irkutsk: Publishing

- house of the ISU, 2019. P. 61-67.
- [3] Barkun M. Conspiracy theories as stigmatized knowledge // *Diogenes*. – L., 2016. Oct. 25. // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0392192116669288> (04.06.2019)
 - [4] Bratich J.Z. Conspiracy panics: Political rationality and popular culture. – Albany (NY): State univ. of New York press, 2008.
 - [5] Grzesiak-Feldman M., Ejsmont A. Paranoia and conspiracy thinking of Jews, Arabs, Germans and Russians in a Polish sample // *Psychological reports*. – Thousand Oaks (CA), 2008. Vol. 102. № 3. P. 884-886.
 - [6] Husting G., Orr M. Dangerous machinery: «Conspiracy theorist» as a transpersonal strategy of exclusion // *Symbolic interaction*. – N.Y., 2007. Vol. 30. № 2. P. 127-150.
 - [7] Imhoff R., Lamberty P. How paranoid are conspiracy believers? Toward a more fine-grained understanding of the connect and disconnect between paranoia and belief in conspiracy theories // *European j. of social psychology*. – Chichester, 2018. Vol. 48. № 7. P. 909-926.
 - [8] Stigmatized beliefs: Conspiracy theories, anticipated negative evaluation of the self and fear of social exclusion / Lantian A., Muller D., Nurra C., Klein O., Berjot S., Pantazi M. // *European j. of social psychology*. – Chichester, 2018. Vol. 48. № 7. P. 939-954.
 - [9] Swami V., Furnham A. Political paranoia and conspiracy theories // *Power politics and paranoia: Why people are suspicious about their leaders* / Ed. by J.W. van Prooijen, P.A.M. van Lange. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2014. P. 218-236.
 - [10] Wood M.J., Douglas K.M. What about building 7? A social psychological study of online discussion of 9/11 conspiracy theories // *Frontiers in psychology*. – Lausanne, 2013. Vol. 4. 409 p.

Библиографический список:

- [1] Полюшкевич О.А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // *Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5*. – Иркутск: ИГМУ, 2019. С. 24-29.
- [2] Полюшкевич О.А. Современное прочтение И. Гоффмана // *В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч. конф. Иркутск, 28 ноября 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина*. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 61-67.
- [3] Barkun M. Conspiracy theories as stigmatized knowledge // *Diogenes*. – L., 2016. Oct. 25. // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0392192116669288> (04.06.2019)
- [4] Bratich J.Z. Conspiracy panics: Political rationality and popular culture. – Albany (NY): State univ. of New York press, 2008.
- [5] Grzesiak-Feldman M., Ejsmont A. Paranoia and conspiracy thinking of Jews, Arabs, Germans and Russians in a Polish sample // *Psychological reports*. – Thousand Oaks (CA), 2008. Vol. 102. № 3. P. 884-886.
- [6] Husting G., Orr M. Dangerous machinery: «Conspiracy theorist» as a transpersonal strategy of exclusion // *Symbolic interaction*. – N.Y., 2007. Vol. 30. № 2. P. 127-150.
- [7] Imhoff R., Lamberty P. How paranoid are conspiracy believers? Toward a more fine-grained understanding of the connect and disconnect between paranoia and belief in conspiracy theories // *European j. of social psychology*. – Chichester, 2018. Vol. 48. № 7. P. 909-926.
- [8] Stigmatized beliefs: Conspiracy theories, anticipated negative evaluation of the self and fear of social exclusion / Lantian A., Muller D., Nurra C., Klein O., Berjot S., Pantazi M. // *European j. of social psychology*. – Chichester, 2018. Vol. 48. № 7. P. 939-954.
- [9] Swami V., Furnham A. Political paranoia and conspiracy theories // *Power politics and paranoia: Why people are suspicious about their leaders* / Ed. by J.W. van Prooijen, P.A.M. van Lange. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2014. P. 218-236.
- [10] Wood M.J., Douglas K.M. What about building 7? A social psychological study of online discussion of 9/11 conspiracy theories // *Frontiers in psychology*. – Lausanne, 2013. Vol. 4. 409 p.

Abstracts

Ulturgasheva N.D.

**VIII International Competition «Sibiriada»,
direction «Musical Performance of Indigenous Peoples»
as a dialogue platform forming the guidelines for the ethnocultural development
of the autochthonous ethnic groups of South Siberia**

The article is devoted to the annual nomination «Musical Performance of Indigenous Peoples» (Myski, Kemerovo Region), which took place as part of the VII International Competition «Sibiriada». Key points in this event were noted: competition nominations, participation in the program of representatives of a number of indigenous ethnic groups of Siberia (Shor, Teleut, Altai, Khakass, Tuva, and Evenki). Author described the interim decisions made following the results of the round table of the festival participants regarding the problems of improving the creative sphere of indigenous peoples.

Key words: competition, «Sibiriada», musical performance, indigenous peoples, nominations.

Dudareva M.A.

Grashchenkov N.V.

Semantics of a name in M.D. Chulkov's novel

“pretty lady-cook, or adventures of the minx”: the world culture space

The meaning of proper names always attracted the scientists of different humanitarian spheres. The researchers of literary texts also paid much attention to the names of characters since special semantics is hidden in such names. In this article we deal with M.D. Chulkov's novel written in the 18th century. Here the linguistic and cultural analysis of the names in the novel “The Comely Cook or A Dissolute Woman's Progress” has been made. The parallels with the Russian folklore tradition help to highlight the mythopoeic implied sense of this work.

Key words: Russian traditional culture, myth, literature, name semantics, ritual, tradition.

Kiblik O.N.

Glitter and poverty of civilization in A.S. Green's romantic reflection

Civilization, like culture, is a superstructure over the biological nature of man, the objectification of his spirit in specific artifacts aimed at satisfying his needs for a comfortable life. But if culture is a compromise between the natural world and the human world, then civilization, developing much faster in the technical aspect, lags to the same extent in the spiritual and moral sphere. This gives rise to problems of adopting advanced technical aspects of civilization, which are also immoral in nature.

A.S. Green was keenly aware of the harm done by the world of technology to the artist's soul, as he limited his imagination and imagination to fly spirit, which are trying to imitate dead technical constructs.

The article discusses similar existential problems of some heroes of the works of

A.S. Green ("Competition in Liss", "Gray Car", "Shining World", "Heavy Air", "Fighter") trying to philosophically comprehend and justify the contradictions between the hostile world of technology and spiritual quest for a creative person.

Key words: A.S. Green, romantic reflection, culture, spiritual culture, imagination, fantasy, existence, technical constructs, civilization, human nature.

Bolshunov A.Y.

Tyurikov A.G.

Bolshunova S.A.

Corporate culture as a tool for optimizing intercultural communications in international companies

The concept and practices of corporate culture have emerged together with the internationalization of companies as a response to the challenges associated with the cultural diversity of staff, customers and partners. It was expected that the corporate culture allow forming a new supranational corporate identity and, thus, offsetting cultural differences among parent company staff and branches in other countries. It was also assumed that the «corporate identity» could be communicated to a wide range of foreign counterparties (customers, partners, suppliers, distributors, investors, etc.) and could be accepted by them. But over time, these expectations have not fully met. There are some areas that criticized the concept of corporate culture. The authors of the article defend the point of view, according to which the concept of corporate culture should be rethought in the direction of «intersubjective turn». Corporate culture should be associated with the concept and practices of «active intersubjectivity». This will allow forming adequate expectations from corporate culture among the management of international companies and effectively applying this management tool by companies.

Key words: corporate culture, social construction of reality, corporate identity, enactive intersubjectivity, participatory sense-making.

Bychkova E.S.

Stanchuliak T.G.

Nagornova E.V.

The specifics of the use of phraseological units in journalistic texts (in English)

The article reflects the results of the research which aimed at studying the specifics of phraseological unit usage in British and American periodical press as well as at determining their evaluative, emotional and expressive impact on the reader by means of created expressive-content images. The specifics of the phraseological units usage is presented from two angles. The first one considers functioning of the so-called "dictionary" phraseological units whose component and structural content does not undergo any changes in the process of their usage. The second one studies the expressive potential of phraseological units which go through some lexical and/or grammatical transformations which are a result of a contextual necessity in creating a needed expressive content connotation.

Key words: phraseological unit, phraseological unit functions, expressive function, phraseological unit transformations, publicistic writing.

Vasilchenko A.V.

Family value in the modern culture of Russia and China

The value of the family in modern Russian and Chinese cultures is considered. The similarities and differences in its appearance in two cultures are revealed. The main problems of the modern family in Russia and China are outlined. Based on the analysis using comparative historical and synchronous methods, the author concluded: the modern Russian and Chinese families are increasingly moving away from the traditional model and are developing in accordance with global trends.

Key words: value, family, family relations, civil marriage, parents, children, culture, mentality, Russia, China.

Shorokhova S.P.

Humanism and Christianity: some aspects of the controversy

In this article, the author attempts to reveal some of the foundations of modern humanism, try to find the decision of the problems faced by the modern individual. Also, the author, analyzing scientific works, comes to the conclusion that humanism and Christianity give different answers to the question of the origin and functions of morality in society. And, above all, man himself needs a certain courage and effort to answer the question: what is his highest purpose.

Key words: modern humanism, Christianity, higher purpose, morality, society.

Fusu L.I.

**The growing interest in pilgrimage during
the liminal periods of society and the individual
as an attempt to cope with guilty feelings and moral suffering**

The work is devoted to the phenomenon of pilgrimage as an attempt to get rid of guilt in the period of complex psychological experiences of a person. The stable interrelations between guilt and violation of ethical norms in liminal periods are briefly investigated.

Key words: pilgrimage, liminal period, sacred goal, attraction to death, operaturnaya life, moral masochism, moral narcissism.

Fais-Leutskaia O.D.

**Dialogue of cultures and religions: to the question
of the Jewish component of the Sicilian traditional cuisine**

The article is devoted to a very little-studied aspect of the history and traditional culture of Sicily – namely, to the contacts of Christians with the Judaic Diaspora in the Middle ages, and, in particular, to the influence of local Jewish culture on the Sicilian traditional food system. The study, which has no analogues in the Russian and foreign historical and anthropological tradition and for the first time raises the question of such influences, analyzes – on the base of bibliographic data and author's field materials – the “borrowings” from Jewish cuisine, firmly rooted in the alimentary culture of Sicily.

Key words: Sicily, Middle Ages, Judaic diaspora, cultural contacts, tolerance, traditional Sicilian cuisine, Hebrew food influence, cheese making, olive oil, egg-plant dishes.

Kabylnskii B.V.

Non-conflict motives in the god song «Bhagavad-Gita»

Within this article author concentrates on researching the non-conflict behavior in the holy text «Bhagavad Gita». The article gives comparative parallels between Christian non-violence concept and Hindu idea of runaway from personality in socio-cultural discourse.

Key words: non-conflict, conscious, religion, Hinduism.

Abdullaeva S.S.

The problem of conceptual interpretation of «European Islam and Euroislam»

Author in the article considers the liberal-European Islamic religious system, which Tariq Ramadan and Bassam Tibi visually ideologically divided into two interdisciplinary legislative and social concepts: «European Islam» and «Euroislam» in the context of modern migration pattern of Europe. The competent interpretation of the abovementioned terms helps to understand appropriately, what is the difference between the legal approach of «Euroislam» and the multicultural theory of «European Islam» as a solution to the social and legal problems that have arisen between the Muslim population of Europe and native Europeans.

Key words: term, interpretation, Islam, Muslims, Europe, «European Islam», «Euroislam», «Islam in Europe», «liberal Islam», concept, ideology, approach.

Kulzhanova G.T.

Human capital as a socio-cultural phenomenon

The article is devoted to the philosophical understanding of the development of human capital as the main link of innovative transformations in a modernizing society. Based on the application of the actiological (activity) and axiological (value) approaches, a socio-philosophical analysis of the problem of the formation and development of an innovative personality culture is given. The author concludes that the education system forms a personality, lifestyle, plays a decisive role in the formation of a new generation of professional personnel.

Key words: human capital, education, culture, innovative person, value orientations, competencies, creativity.

Kuzmicheva A.A.

Problem of professional training of employees (in the social aspect)

The article describes the basic concepts of personnel training. The existing forms and methods of training applied in the machine-building industry are studied. The results of sociological research of the personnel training system in the organization are presented, The satisfaction of employees with the results of professional training was assessed.

Key words: personnel training, methods and forms of training, personnel training system, quality of professional training, satisfaction with the personnel training system.

Kurilov S.N.

Kuzminov M.Y.

Severina E.A.

Research of values of youth as social stereotypes: sociolinguistic aspects

This article discusses the problem of values as social stereotypes. The concept of social stereotypes is analyzed and determined from the standpoint of modern sociolinguistics. The necessity of an interdisciplinary sociolinguistic method of researching values as social stereotypes is substantiated. The data of a sociological study conducted by the LSI NRU MEI in 2017-2018 are presented. with the aim of theoretical analysis of stereotypical ideas about the basic values of students in Russia and Belarus. It is concluded that stereotypes are a means of organizing human experience, but the excessiveness of their generalization leads to problems of intercultural communication and to conflict situations.

Key words: linguosocium, sociolinguistics, psycholinguistics, focus groups, social stereotypes, stereotyping functions, interpretation of stereotypes, values of youth, values of modern students.

Senchenko N.A.

**Influence of media
on the formation of the image of a political leader**

The present study is devoted to such new problems in the study of political communication as the analysis of the image of a political leader, the construction of a model for the formation and functioning of the image of a political leader in an election campaign, and the role of the media in shaping electoral preferences. The article pays attention to the coherence of the chosen image by a political figure and the social expectations of the electorate.

Key words: image, politics, electorate, coherence, media, social expectations.

Ardashev R.G.

Conspiracy Theories in the Public Opinion of Russians

The article analyzes the conditions, motives and causes of the emergence and spread of conspiracy theories. The results of a qualitative expert study of estimates of the prevalence and activity of the introduction of conspiracy theories into public opinion and the public consciousness of the inhabitants of Russia are examined. The following causes of distribution are distinguished: socio-psychological, economic-political, ideological and mystical. The structural features of these theories are also highlighted and the psychological, social, economic, political and ideological conditions for the emergence and spread of conspiracy theories are explained.

Key words: conspiracy theories, expert opinion, public opinion, distribution reasons, causes of occurrence, occurrence motives, conspiracy theories.

Аннотации

Ултургашева Н.Д.

**VIII Международный конкурс «Сибириада»,
направление «Музыкальное исполнительство коренных народов»
как диалоговая площадка, формирующая ориентиры этнокультурного
развития автохтонных этносов Южной Сибири**

Статья посвящена ежегодной номинации «Музыкальное исполнительство коренных народов» (г. Мыски Кемеровской области), проходившей в рамках VIII Международного конкурса «Сибириада». Отмечены ключевые моменты в проведении данного мероприятия: конкурсные номинации, участие в программе представителей целого ряда коренных этносов Сибири (шорского, телеутского, алтайского, хакасского, тувинского, а также эвенкийского). Освещены промежуточные решения, принятые по итогам круглого стола участников фестиваля и касающиеся проблем совершенствования творческой сферы коренных народов.

Ключевые слова: конкурс, «Сибириада», музыкальное исполнительство, коренные народы, номинации.

Дударева М.А.

Гращенков Н.В.

**Семантика имени в романе М.Д. Чулкова
«пригожая повариха, или происхождения развратной женщины»:
пространство мировой культуры**

Значение имен собственных всегда привлекало ученых из разных гуманитарных сфер. Исследователи художественного текста также обращали большое внимание на имена героев, так как в имени кроется особая семантика. В статье обращаемся к произведению 18 века, к роману М.Д. Чулкова. Проводится лингвистический и культурологический анализ имен в произведении «Пригожая повариха, или происхождения развратной женщины». Параллели с русской фольклорной традицией помогают высветить мифопоэтический подтекст в романе. Образы героев рассматриваются в неразрывной связи с мировой фольклорной традицией. Особое внимание уделяем греческой ритуальной культуре, когда анализируем имя главной героини. Применен сравнительно-типологический, структурно-функциональный и системный метод анализа текста. В результате разрешается противоречие между взаимодействием двух культурных традиций – русской и европейской традиций «плутовского романа».

Ключевые слова: русская традиционная культура, миф, литература, семантика имени, ритуал, традиция.

Киблик О.Н.

Блеск и нищета цивилизации в романтической рефлексии А.С. Грина

Цивилизация, как и культура, является надстройкой над биологической природой человека, объективацией его духа в конкретных артефактах, направленных на удовлетворение его потребностей к комфортной жизни. Но если культура есть компромисс между миром природы и миром человека, то цивилизация, развивающаяся значительно быстрее в техническом аспекте, в такой же степени отстаёт в духовно-нравственной сфере. Это порождает проблемы принятия передовых технических аспектов цивилизации, имеющих также и аморальный характер.

А.С. Грин остро чувствовал вред, наносимый миром техники душе художника, так

как он ограничивал его воображение и фантазию совершать полеты духа, которые пытаются имитировать мертвые технические конструкторы.

В статье рассмотрены подобные экзистенциальные проблемы некоторых героев произведений А. С. Грина («Состояние в Лиссе», «Серый автомобиль», «Блещающий мир», «Тяжелый воздух», «Истребитель») пытающихся философски осмыслить и обосновать противоречия между враждебным миром техники и духовными исканиями творческой личности.

Ключевые слова: А.С. Грин, романтическая рефлексия, культура, духовная культура, воображение, фантазия, экзистенция, технические конструкторы, цивилизация, природа человека.

Большунов А.Я.

Тюриков А.Г.

Большунова С.А.

Корпоративная культура как инструмент оптимизации межкультурных коммуникаций в интернациональных компаниях

Понятие и практики корпоративной культуры возникли вместе с интернационализацией компаний как ответ на вызовы и проблемы, связанные с культурным разнообразием персонала, клиентов и партнёров. Ожидалось, что корпоративная культура позволяет сформировать новую наднациональную корпоративную идентичность и, тем самым, нивелировать культурные различия между персоналом материнской компании и филиалами, работающими на территориях других стран. Предполагалось, также, что «корпоративная идентичность» может быть сообщена широкому кругу иностранных контрагентов (клиентов, партнёров, поставщиков, дистрибьюторов, инвесторов и др.) и принята ими. Но со временем эти ожидания стали восприниматься скептически и возник ряд направлений критики концепции корпоративной культуры. Авторы статьи отстаивают точку зрения, согласно которой понятие корпоративной культуры должно быть переосмыслено в русле «интерсубъективного поворота» и связано с концептом и практиками «активной интерсубъективности». Это позволит сформировать адекватные ожидания в отношении корпоративной культуры у менеджмента интернациональных компаний и эффективно применять этот инструмент управления компаниями.

Ключевые слова: корпоративная культура, социальный конструктивизм, корпоративная идентичность, активная интерсубъективность, совместное создание смыслов.

Бычкова Е.С.

Станчулак Т.Г.

Нагорнова Е.В.

Специфика употребления фразеологизмов в публицистических текстах (на материале английского языка)

Статья отражает результаты исследования, целью которого являлось изучение особенностей использования фразеологических выражений в английской и американской публицистике, наряду с определением их оценочного, эмоционального и экспрессивного воздействия на читателей посредством создаваемых ими содержательно-экспрессивных образов. Рассмотрение специфики использования фразеологизмов проводится в двух направлениях. В рамках первого направления изучаются особенности функционирования актуализированных «словарных» фразеологизмов, компонентно-структурное содержание которых не подвергается изменениям в процессе использования. Второе направление исследует экспрессивный потенциал фразеологизмов, претерпевших различного рода

лексико-грамматические трансформации, явившиеся результатом контекстуально-детерминированной потребности в создании необходимых содержательно-экспрессивных коннотаций.

Ключевые слова: фразеологизм, функции фразеологических единиц, экспрессивная функция, трансформация фразеологизмов, публицистика.

Васильченко А.В.

Ценность семьи в современной культуре России и Китая

Рассмотрена ценность семьи в современной российской и китайской культурах. Выявлены сходства и различия в ее облике у двух культур. Обозначены основные проблемы современной семьи в России и Китае. На основе проведенного анализа с применением сравнительно-исторического и синхронического методов автором сделан вывод: современная российская и китайская семья все больше отдаляются от традиционной модели и развиваются в соответствии с общемировыми тенденциями.

Ключевые слова: ценность, семья, семейные отношения, гражданский брак, родители, дети, культура, ментальность, Россия, Китай.

Шорохова С.П.

Гуманизм и христианство: некоторые аспекты полемики

В данной статье автором предпринята попытка посредством раскрытия некоторых основ современного гуманизма, постараться найти решение проблем, с которыми сталкивается современный индивид. Также автор, анализируя научные труды, приходит к выводу, что гуманизм и христианство дают различные ответы на вопрос о происхождении и функциях морали в обществе. И, прежде всего, самому человеку необходимы определенное мужество и усилия для ответа на вопрос: в чем его высшее предназначение.

Ключевые слова: современный гуманизм, христианство, высшее предназначение, мораль, общество.

Фусу Л.И.

Возрастание интереса к паломничеству

в лиминальные периоды общества и индивида

как попытка справиться с чувством вины и моральными страданиями

Работа посвящена феномену паломничества, как попытке избавления от чувства вины, в период сложных психологических переживаний человека. Кратко исследованы устойчивые взаимосвязи, между чувством вины и нарушением этических норм в лиминальных периодах.

Ключевые слова: паломничество, лиминальный период, сакральная цель, влечение к смерти, опературная жизнь, моральный мазохизм, моральный нарциссизм.

Фаис-Леутская О.Д.

Диалог культур и религий: к вопросу

о еврейском компоненте сицилийской традиционной кухни

Статья посвящена крайне малоизученному аспекту истории и традиционной культуры Сицилии, а именно – контактам христиан с иудейской диаспорой в Средние века, и, в частности, влиянию локальной еврейской культуры на сицилийскую традиционную систему питания. В процессе исследования, не имеющего аналогов в российской и зарубежной исторической и антропологической традиции и впервые поднимающего вопрос о подобных влияниях, анализу на основе библиографических данных и полевых материалов автора подвергаются «заимствования» из еврейской кухни, прочно укоренившиеся в

алиментарной культуре Сицилии.

Ключевые слова: Сицилия, Средние века, иудейская диаспора, культурные контакты, толерантность, традиционная кухня, еврейское пищевое влияние, сыроделие, оливковое масло, блюда из баклажан.

Кабылинский Б.В.

Неконфликтные мотивы в божественном напеве «Бхагават-Гиты»

В рамках данной статьи внимание автора сконцентрировано на исследовании сущностных аспектов не-конфликтной поведенческой установки в сакральном тексте «Бхагават-Гита». В статье проведены компаративистские параллели между христианскими идеями о непротivлении злу насилieм и индуистскими идеями отказа от собственной индивидуальности в социокультурном ракурсе.

Ключевые слова: не-конфликтность, сознание, религия, индуизм.

Абдуллаева С.Ш.

Проблема понятийной интерпретации «Европейского Ислама и Евроислама»

В статье автор рассматривает либерально-европейскую исламскую систему вероисповедания, которую Тарик Рамадан и Бассам Тиби идеологически визуально поделили на две внутрипредметные законодательно-общественные концепции: «европейский ислам» и «евроислам» в контексте современной миграционной картины Европы. Грамотная интерпретация вышеуказанных терминов поможет адекватно разобраться, в чем состоит отличие юридического подхода «евроислама» и мультикультурной теории «европейского ислама» в качестве решения возникших общественно-правовых проблем между мусульманским населением Европы и коренными европейцами.

Ключевые слова: термин, интерпретация, ислам, мусульмане, Европа, «европейский ислам», «евроислам», «ислам в Европе», «либеральный ислам», концепция, идеология, подход.

Кульжанова Г.Т.

Человеческий капитал как социокультурный феномен

Статья посвящена философскому осмыслению развития человеческого капитала как основного звена инновационных преобразований в модернизирующемся обществе. На основе применения аксиологического (деятельностного) и аксиологического (ценностного) подходов дается социально-философский анализ проблемы формирования и развития инновационной культуры личности. Автор приходит к заключению, что система образования формирует личность, образ жизни, играет решающую роль в формировании нового поколения профессиональных кадров.

Ключевые слова: человеческий капитал, образование, культура, инновационный человек, ценностные ориентации, компетенции, креативность.

Кузьмичева А.А.

Проблема профессионального обучения сотрудников предприятия (в социальном аспекте)

В статье рассмотрены основные концепции обучения персонала, изучены существующие формы и методы обучения, применяемые в машиностроительной отрасли, описаны подходы к оценке качества программ обучения персонала. Приведены результаты социологического исследования системы обучения персонала в организации, оценена удовлетворенность сотрудников результатами профессионального обучения.

Ключевые слова: обучение персонала, методы и формы обучения, система обучения персонала, качество профессионального обучения, удовлетворенность системой обучения персонала.

Курилов С.Н.
Кузьминов М.Ю.
Северина Е.А.

**Исследование ценностей молодежи
как социальных стереотипов: социолингвистические аспекты**

В данной статье рассматривается проблема ценностей как социальных стереотипов. Анализируется и определяется понятие социальные стереотипы с позиций современной социолингвистики. Обосновывается необходимость междисциплинарного социолингвистического метода исследования ценностей как социальных стереотипов. Излагаются данные социологического исследования, проводившегося ЛСИ НИУ МЭИ в 2017-2018 гг. с целью теоретического анализа стереотипных представлений о базовых ценностях студентов России и Белоруссии. Делается вывод, что стереотипы - средство организации человеческого опыта, но чрезмерность их обобщения приводит к проблемам межкультурной коммуникации и к конфликтным ситуациям.

Ключевые слова: лингвосоциум, социолингвистика, психолингвистика, фокус-группы, социальные стереотипы, функции стереотипизации, интерпретация стереотипов, ценности молодежи, ценности современных студентов.

Сенченко Н.А.

Влияние СМИ на формирование имиджа политического лидера

Настоящее исследование посвящено таким новым проблемам в изучении политической коммуникации, как анализ имиджа политического лидера, построение модели формирования и функционирования имиджа политического лидера в условиях предвыборной кампании, а также роли средств массовой информации в формировании электоральных предпочтений. В статье уделяется внимание согласованности выбираемого имиджа политическим деятелем и социальным ожиданиям электората.

Ключевые слова: имидж, политика, электорат, согласованность, средства массовой информации, социальные ожидания.

Ардашев Р.Г.

Теории заговора в общественном мнении россиян

В статье анализируются условия, мотивы и причины возникновения и распространения теорий заговора. Рассматриваются результаты качественного экспертного исследования оценок распространенности и активности внедрения конспирологических теорий в общественное мнение и общественное сознание жителей России. Выделяются следующие причины распространения: социально-психологические, экономико-политические, идеологические и мистические. Также выделяются структурные особенности данных теорий и объясняются психологические, социальные, экономические, политические и идеологические условия возникновения и распространения теорий заговора.

Ключевые слова: теории заговора, экспертное мнение, общественное мнение, причины распространения, причины возникновения, мотивы возникновения, конспирологические теории.

Authors

Abdullaeva S.S., Assistant of the Department of philosophy and religious studies of Nikolay Stoletovs Vladimir State University.

Ardashev R.G., PhD in Law. Irkutsk State University.

Bolshunov A.Y., Candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University.

Bolshunova S.A., Researcher at the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University.

Bychkova E.S., Master of Linguistics, teacher of English, School 1208, Moscow.

Dudareva M.A., Candidate of Philology, Department of Russian language No. 2 Faculty of Russian language and General education disciplines, Russian Peoples' Friendship University.

Fais-Leutskaiia O.D., PhD in History. Researcher Superior of the Center of European and American Studies of the Institute of Ethnology and Antropology of the Russian Academy of Science.

Fusu L.I., Candidate of Medical Sciences, psychoanalyst, Rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis.

Grashchenkov N.V., Chair's assistant, Department of Russian language No. 2 Faculty of Russian language and General education disciplines, Russian Peoples' Friendship University.

Kabylinskii B.V., Candidate of Philosophy. Visiting Professor at NIDA Royal Thai University (Bangkok, Thailand).

Kiblik O.N., Graduate student, Tyumen State University.

Kulzhanova G.T., Ph.D of Philosophy, associate professor (docent), head of the faculty of professional training of the Shrakbek Kabybayev Kostanai Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Social Philosophy, specialty "Social Philosophy".

Kuzminov M.Y., PhD in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology, National Research University, Moscow Power Engineering Institute.

Kurilov S.N., PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University, Moscow Power Engineering Institute.

Kuzmicheva A.A., PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology, psychology and social management, Moscow aviation Institute (National research University).

Nagornova E.V., Candidate of philological sciences (PhD in Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Senchenko N.A., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Fevzi Yakubov Crimean Engineering Pedagogical University.

Severina E.A., Senior Lecturer, Department of Second Foreign Language, Moscow State Linguistic University.

Stanchuliak T.G., Candidate of philological sciences (PhD in Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Shorokhova S.P., Candidate of Philosophy, Dean of the Faculty of International Relations and Geopolitics. Institute of World Civilizations.

Tyurikov A.G., Doctor of Sociology, Professor, Head of the ORCID.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Vasilchenko A.V., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies. Komso-molsk-on-Amur State University.

Авторы

Абдуллаева С.Ш. - ассистент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Ардашев Р.Г. - кандидат юридических наук. Иркутский государственный университет.

Большунов А.Я. - кандидат психологических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии Финансового университета.

Большунова С.А. - научный сотрудник Департамента социологии, истории и философии Финансового университета.

Бычкова Е.С. - магистр лингвистики, учитель английского языка, ГБОУ города Москвы школа №1208 имени Героя Советского Союза М.С. Шумилова.

Васильченко А.В. - кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии. Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

Гращенков Н.В. - ассистент кафедры русского языка №2 ФРЯ и ОД, Российский университет дружбы народов.

Дударева М.А. - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка №2 ФРЯ и ОД, Российский университет дружбы народов.

Кабылинский Б.В. - кандидат философских наук. Приглашенный профессор Тайского Королевского Университета NIDA (Бангкок, Таиланд).

Киблик О.Н. - аспирант, Тюменский государственный университет.

Кузьмичева А.А. - кандидат философских наук, доцент, кафедра "Социологии, психологии и социального менеджмента", Московский авиационный институт (национально исследовательский университет), кафедра социологии, психологии и социального менеджмента.

Кузьминов М.Ю. - кандидат философских наук, профессор кафедры философии, политологии, социологии ФГБОУ ВО Национального Исследовательского Университета, «Московский энергетический институт».

Кульжанова Г.Т. - кандидат философских наук, доцент, и.о. начальника факультета профессиональной подготовки Костанайской

академии МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева, кафедра социальной философии, специальность «Социальная философия».

Кирилов С.Н. - кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики ФГБОУ ВО Национального Исследовательского Университета, «Московский энергетический институт».

Нагорнова Е.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН (Российский университет дружбы народов).

Северина Е.А. - старший преподаватель кафедры второго иностранного языка ФГБОУ ВО, Московский государственный лингвистический университет.

Сенченко Н.А. - кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова».

Станчуляк Т.Г. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН (Российский университет дружбы народов).

Тюриков А.Г. - доктор социологических наук, профессор, руководитель, ORCID.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры.

Фаис-Леутская О.Д. - кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Центра Европейских и Американских Исследований Института Этнологии и Антропологии Российской Академии Наук.

Фусу Л.И. - кандидат медицинских наук, психоаналитик, Ректор Института Психологии и Психоанализа (на Чистых прудах).

Шорохова С.П. - кандидат философских наук, декан факультета международных отношений и геополитики. Институт мировых цивилизаций.